

Николай Харитонов

ИМПЕРИЯ ДДТ

«ВАГРИУС» Москва, 1998.

От автора

Этой книги не должно было бы быть.

Судите сами: жил себе автор нормальной провинциальной архангельской жизнью, в меру веселой, в меру насыщенной, не то чтоб шибко состоятельной, но и не бедной. Организовывал гастрольные туры самых что ни на есть звезд своего поколения: БГ и "Аквариума", Кинчева и "Алисы", Макаревича и "Машины времени", Бутусова и "Наутилуса Помпилиуса", Александра Градского... Делал свою рок-н-рольную газету "Кайф" с хорошей полиграфической базой и специальной "Кайф-почтой" для доставки ее в тысячи (таков был спрос!) городов и поселков. И даже вел на архангельском телевидении собственную передачу "Звезды в провинции".

В общем, было все, чтобы не замечать, как мелькает за окошком жизнь.

И вдруг все это разом рушится да еще и по собственному желанию: отменяются гастроли, свертывается газета, закрывается "Кайф-почта". На Старо-Невском, в питерской коммуналке, снимается более чем спартанское жилье, на последние деньги покупается подержанный диктофон, несколько коробок кассет, миллион батареек, и следующие три года автор живет так, что даже некогда трепетно любимый Питер превратился в личную радиоактивную зону, в эпицентре которой мощный реактор с аббревиатурой "ДДТ". Год встреч с людьми, чья судьба либо влилась, либо соприкоснулась с Юрием Шевчуком и "ДДТ"... Еще год расшифровок записей разговоров, многие страницы которых до сих пор хочется вырвать из памяти, но увы... И в конце концов - книга, которую вы держите в руках.

Вроде бы все? Победа?! Нет - катастрофа! Это вовсе не тот случай, когда наутро проснулись знаменитым... С тихим ужасом вы начинаете осознавать, что создали оружие, которым вас и накроет...

...Никогда, слышите, никогда не приближайтесь к поэтам. Стремитесь к ним, желайте общения, только не приближайтесь. И близкими не становитесь - испепелит.

Нет, не приближайтесь к поэтам.

КРИК

Навтуха и Амударис жили в живописной башкирской деревушке Муртазино, что в шестидесяти километрах от Уфы. Амударис был человеком весьма религиозным, имел, по преданию, родственников, богатое издание Корана и пострадал за свои религиозные убеждения. В семье считают, что именно верность мусульманству послужила поводом его ареста в скорбно известные тридцатые годы. Больше Амудариса ни в Муртазино, ни где бы то ни было еще никто не видел. Многие, кого забрали вместе с ним, потом вернулись. Должно быть, слишком гордым и бескомпромиссным оказался характер мужа Навтухи. Да и сама Навтуха ловчить и изворачиваться не умела. Они были простой крестьянской татарской семьей: много детей, много хозяйских забот, но при этом - гостеприимный дом с геранью на окошках и большим столам в горнице, с внуками за этим столом, с "деревянной ложкой по лбу проказнику от деда". Но что-то уже ускользало, рушилось в, казалось, незыблемых вековых исламских традициях татарской семьи. Младший сын Амудариса и Навтухи Нухтазий, вместо того чтобы от зари до зари вкалывать по хозяйству, заупрямился: "Хочу учиться". Мало того, зная, что отец воспротивится, тайком ушел из Муртазино. Страшно рассердился тогда Амударис и лишил Нухтазия всяческой поддержки. Талига украдкой неделю собирала брату кое-какие продукты, а в воскресенье Нухтазий тайком заходил в дом... Может, знай Амударис, сколь немилосердно поступит с ним жизнь в тридцатые годы, не был бы так суров к сыну. А Нухтазий доучился-таки, закончил Военную академию имени Фрунзе, служил в кавалерии, прошел всю Великую Отечественную войну и умер далеко от родной башкирской деревеньки. Мы еще встретимся с ним на этих страницах, а вот Амударис и Навтуха уходят, оставаясь для потомков: он - крепким, высоким и строгим, она маленькой, ласковой и доброй.

Талига и Акрам познакомились тоже в Муртазино. Акрам был из состоятельного дома. Состояние конфисковали революционные товарищи, но Акрам родился в 1900 году и лет семнадцать успел пожить в человеческих условиях. Возможно потому всю оставшуюся жизнь он не очень удачно вписывался в повороты советской истории. Амударис будто предчувствовал, сколь беспокойную жизнь принесет этот важный отпрыск фамилии Гареевых его дочери, и зятя на дух не переносил. Переносим-то не переносил, тем не менее высокие, статные Талига и Акрам в конце концов стали мужем и женой. Они родили пятерых детей.

Четвертой родилась Фания, будущая мать нашего главного героя - Юрия. Неделю изо дня и день мы встречались с этой удивительно приветливой маленькой женщиной на Васильевском острове. Вот дал же Бог человеку талант рассказчика!

- Моя мама, Талига, великая труженица. Благодаря ей мы все выжили. Весь ее досуг, все время занимали мы, дети. Она жила ради нас. Пять детей семья большая. А папа, Акрам, был страшно гордым, немногословным, очень задира нос, поскольку принадлежал к семье зажиточной, и не скажу, чтобы был особо трудолюбивым. Мама и папа оказались среди организаторов колхоза в Муртазино. Правда, отец все потом отрицал. Папу назначили бригадиром, и он раздал голодным сельчанам семенной фонд. Чтобы не поплатиться, уехал на Крайний Север, на Бодамские золотые прииски. Надо, конечно, было мужество иметь. Но что там мужество папы! Вот у мамы это мужество! С папиным и не сравнимо. Будучи совершенно не грамотной, не зная русского языка, она со всеми детьми поехала искать своего Акрама на Север. Русский язык в семье более-менее хорошо

знала только я. Было мне всего 11 лет, но мама решилась, оставила дом и хозяйство:

- Знаешь, дочка, думаю, нам надо найти папу...

Насушили мешок сухарей, припасли сколько-то сахару. Еще взяли с собой гуся. С гуся капал жир. В том жире мочили сухари и ели. Это была вся наша пища до тех пор, пока не нашли папу. Шел 1938 год.

Мы ехали, толком не зная, где наш папа, поскольку в последнее время он не писал. Папа... загулял! В Витиме у его знакомых мама выяснила какой-то адрес. Я сходила в милицию. Милиция послала телеграммой запрос в Якутск. И папу тут же нашли. Его едва успели остановить - снова собирался уехать, теперь уже в Заполярье. Добрались мы из Витима до Якутска. Идем по городочку, ищем "Главсевморпуть". Догоняем высоченного статного человека с рыжей бородой.

- Мама, я у него спрошу?..

Подходим ближе, окликаю, оборачивается, что-то хочет сказать... Вдруг мама ему - раз - и оплеуху! Раз - и другую! Я заволновалась:

- Что такое?!

- Что такое? Это ваш папа, дети!

Мария и Сосфен жили далеко от Талиги и Акрама, на Украине. Зажиточными не были, но жили хорошо. А как можно жить по-другому на теплой и щедрой на урожаи украинской земле? Вели большое хозяйство, которого в скорости враз и лишились. Сосфен служил младшим чином в царской армии, а этого красные товарищи простить ну никак не могли. И выслали Марию и Сосфена в неведомую им Сибирь. А в те годы страшен был тот далекий простор для теплолюбивых, обласканных южным солнцем украинцев, люто холодными виделись его зимы, жутко суровыми земли. Да и брошенного, нажитого трудом праведным, добра было ой как жалко. Мария внукам потом не раз говорила:

- Коль все, что было в доме да хозяйстве, вывезти с собой разрешили, хватило бы самим, детям и внукам - правнукам бы еще досталось.

Везли их в русскую Сибирь в теплушках. Наташа Шевчук, внучка Марии и Сосфена, сестра Юрия, прочно хранит семейные предания:

- Ехали трудно. Стояли лютые холода. Все время хотелось кушать. Дед Сосфен рассказывал: на станции, где их выгрузили, встречали на подводах. Ему запомнился огромный мужик, коренной сибиряк, в тулупе и шапке, который собрал всех детей и укрыл этим тулупом. А у самих их теплых вещей с собой не было, только самое необходимое - на Украине зимы-то теплые. Вещи, которые вроде и разрешили с собой взять и даже были упакованы и отправлены, так и не дошли, затерялись в пути. А Сибирь зимой - земля холодная... И вот, закутав детей в шубу, тот сибиряк остался в одной рубахе на стуже, на ветру, на жутком морозе... Детей было пятеро. В живых остались только папа с сестрой.

Не должны были встретиться в этой жизни Фания и Юлиан. Но время, бросившее в неведомое Заполярье Талигу и Акрама, сорвавшее с родной украинской земли Марию и Сосфена, не могло оставить в покое и их детей.

Времени отомстит их внук, сын Фании и Юлиана. С его песней "Осень" на устах будут это самое время изгонять из страны России. Но пока до этого еще так далеко...

Вернемся на Васильевский остров, к неспешному негромкому разговору с маленькой хрупкой женщиной. Никто лучше ее не расскажет о судьбе татарочки Фани:

- Учиться я пошла рано, закончила три класса татарской школы, больше не было. Зато в Башкирии было много немцев. В четырех километрах от нашего Муртазино стояла немецкая колония, и мы пошли туда учиться, не зная ни русского, ни немецкого языка. Мы тогда удивлялись: "Смотри какой маленький, а уже по-русски разговаривает!" Вскоре приехал мой дядя Нухтазий. К тому времени он уже закончил военное училище, служил лейтенантом. Вот он-то и увез меня с собой в военный городок, определил в русскую школу и даже нашел мне подружку, чтоб я быстрее начала говорить по-русски. Русского я не знала абсолютно, можете представить, какой смех вызывали мои первые языковые опыты у детишек, с которыми я училась в одном классе! Но через полгода я уже умела не только говорить по-русски, но и прочла сказки Пушкина... Вот так, училась с татарами, с немцами, с русскими, а закончила с якутами, уже в Заполярье. Учитель в школе говорил на якутском - другого языка дети просто не понимали...

Так Фания закончила семь классов, поучившись в пяти школах на четырех языках. Но все-таки она получила залетное образование и стала радисткой. Ее мотало по всему Северу: Янек, Казачий, Эги-Хни, Гпкш, Усть-Омск, Якутск... Она попадала в немыслимые житейские переплеты, какие возможны только на Крайнем Севере. Из-за пурги не успела мн самолет и чудом оказалась жива - самолет разбился. Ее... забыли во время спецморпроводки на судне, поставленном на отстой. Команда ушла, оставив держать радиосвязь, - и все, забыли. Дело было в жуткую стужу. До Якутска двадцать километров, просто так живым не доберешься. Она чудом нашла какой-то барак, в котором невесть чего дожидались некие люди с материка. Они все - и мужчины и женщины - жили скопом, спали вповалку, вместе. Молоденькая Фания забивалась ночью на дальних нарах в самый угол, чтоб только не заметили. Ее вытащила из этого ада случайно заехавшая на пароход жена капитана. Она увезла Фаню в Якутск, но каждый день хрупкая радистка должна была возвращаться на этот пароход на работу -ремонтировать аппаратуру.

После Крайнего Севера у Фании остались теплые воспоминания юности, медаль "За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны", знак "Почетный полярник" и... муж Юлиан.

Фания встретила Юлиана в Янеке. Она оказалась комсомольским вожаком на общественных началах. Юлиан курировал весь заполярный комсомол. Но в 1949 году Фания уехала на полярную станцию, и пути их на несколько лет разошлись. Однако молодой статный украинец уже серьезно запал в душу юной красивой татарочке. Она нашла его адрес. Завязалась переписка. И пять лет спустя после их первой встречи Юлиан попросил у Акрама и Талиги руку их дочери Фании, А сердце ее он взял уже давно. Родители не противились, и Фания уехала к Юлиану в Магадан...

- В наше время никаких свадеб не было, - говорит Фания Акрамовна. - Домашним кругом -папа, мама, я, Юлиан Сосфенович - посидели, покушали - отметили, и все. Даже родственников не было... Мы сразу улетели в Магадан и дальше, в Усть-Омчуг. Юлиан Сосфенович привез вызов -еще до недавнего времени без вызова в Магадан не пускали...

Самый разгар советской эпохи: уже был запущен первый спутник, но еще не взлетел в космос первый человек. Уже умер Сталин, но еще не смещен Никита Хрущев. Первая волна реабилитаций. Приоткрыт, но не поднят "железный занавес". И Есенина с Ахматовой больше не шельмуют, но все еще держат под

клеймом "врагов народа". Уже ворвался в Москву Международный фестиваль молодежи и студентов, но еще не вышли на площадь шестидесятники...

Вот тогда, 16 мая 1957 года и родился на Колыме у Фании и Юлиана мальчик Юра. Среди сопок и барачков. Зато прямо в их поселке мыли золото.

Юлиан уже был номенклатурным комсомольским работником, но молодые все равно жили "на подселении": две семьи в одной комнате, ситцевая занавесочка исполняет роль перегородки.

- Вскоро Юлиану как руководящему работнику дали отдельное жилье - комнату в бараке, продолжает Фания Акрамовна. - Длинное такое строение, поделенное на крохотные комнатки: стол, тумбочка и кровать - больше ничего не входит. В бараке жили мы и реабилитированные. Тогда я увидела их в первый раз. Была огромная кухня. Посредине - огромная плита. На этой плите реабилитированные люди целыми сутками готовили себе мясо. Они ели мясо. Мясо, мясо и мясо.

В жизни не видела, чтоб столько ели мяса. Ели, ели и ели...

У одного из них, изможденного мотылек-старика, я увидела "Искусство всех времен и народов" Бенуа и была просто потрясена этой книгой. Когда наступил день рождения, попросила Юлиана Сосфеновича: "Ничего не надо, только купи мне эти четыре тома". Для реабилитированных, казалось, вещи не имели особой ценности - они все продавали, чтобы купить еду. Буквально все. Чтобы есть и есть. Что было, то было... Тот старичок, видя мой восторг, книги продал легко. Они есть у меня и сейчас...

Фания ходила тогда в девятый класс.

- Я представляла собой достаточно забавное зрелище в этой школе рабочей молодежи: учились-то одни подростки. Я выглядела тоже молодо, однако живот был большим...

Сын родился не в рубашке, зато с голосом, да еще каким. Этим голосом он два года никому из находившихся рядом не давал покоя. Кричал долго и громко, прерываясь разве что на еду да сон.

- Когда Юре исполнилось два месяца, Юлиана Сосфеновича перевели в Магадан. Наш приезд с орущим Юрой был для всех соседей каким-то кошмаром. Я так измучилась, что через пять месяцев уехала к родителям, вернувшись к тому времени в Уфу. Хотелось хоть немного передохнуть от сыновнего крика. Два месяца передышки и снова Магадан. И снова Юрин крик. Два года крика!

Нас сомнения грызут

Я сомнениям этим не рад.

Эта мерзкая тяжесть в груди

Разбивает любовь.

А пока мы сидим и страдаем,

Скулим у захлопнутых врат...

Нас колотят уже чем попало

Да в глаз, а не в бровь.

Вот хитрейшие просто

Давно положили на все,

Налепив быстро мягкий мирок

На привычных их телу костях.

*Лишь смеются над нами,
Погрязшими в глупых страстях.
Им давно наплевать на любое твоё и моё...
Вопрошаем отцов, но не легче от стройных речей,
Не собрать и частичный ответ из подержанных фраз.
Их тяжёлая юность прошла вдалеке от вещей,
Тех, которые так переполнили доверху нас.
И когда нам так хочется громко и долго кричать
Вся огромная наша родня умоляет молчать.
И частенько не веря в уже одряхлевших богов
Сыновья пропивают награды примерных отцов...
Я ПОЛУЧИЛ ЭТУ РОЛЬ,
Мне выпал счастливый билет!
Я ПОЛУЧИЛ ЭТУ РОЛЬ...*

Затаившаяся было от его неистового, срывающегося на крик хрипо-шепота. Дворцовая площадь Санкт-Петербурга разом выдохнула, и сотни тысяч глоток заорали вместе с ним так же неистово и почти животным долгим "О-о-о-о! Я получил эту роль".

В Питере стояло жаркое лето и белая ночь. И запутавшийся в собственных тайнах город, и эта ночь - вечная загадка Мира, и многотысячные толпы, бушующие людским морем возле сцены у самых его ног... Впечатляло, ещё как впечатляло. Такое могло быть только триумфом жизни. Апофеозом. Чему? С этой площади началось то самое время, что с остервенением и злобой гнуло и корежило Талигу и Акрама, Марию и Сосфена. Теперь с той же площади их внук гнал прочь время, ломавшее его бабок и дедов. Гнал не пулями, не нагайками, не кровью, но время отступило. Он получил эту роль. Она ему удалась. Вот что странно: замешав такую гремучую смесь не только в его жилах, разлив её по миллионам людских сосудов, неужели творцы светлого будущего всего человечества не думали, что она взорвется, когда-нибудь обязательно взорвется? Вот и взорвалась...

- Наш папа, Юлиан Сосфенович, всю жизнь был крупным партийным руководителем, - говорит Наталья, сестра Шевчука. - Закончил партийную школу в Москве. Сколько его помню, папа все время писал партийные доклады. Возможно, из него вышел бы неплохой писатель... Дома он бывал только вечерами. Любимое занятие - пресса. Оно остается таковым и сейчас. Попробуй я прочитать газеты вперед него! Буря у почтового ящика. Он до сих пор верит всему, что печатают в газетах. Иногда в них пишут и о нем. Естественно, когда пишут о Юре... - Юлиан Сосфенович и дочь Наташа живут сейчас в Уфе. Фания Акрамовна и сын Юра уже много лет живут в Санкт-Петербурге. Ездят друг к другу в гости...

«РЕВ БЫКА»

...Никто уже не может вспомнить, когда точно Юра Шевчук впервые взял в руки гитару. Вот первую свою мелодию он... написал что ли, а точнее, настучал, в младшем школьном возрасте. Было это в Нальчике, куда из Магадана на какое-то время переехала семья Шевчуков. Этот момент хорошо запомнила Фания Акрамовна.

- Музыкой Юра начал заниматься в Нальчике. Мы купили ему баян и записали в кружок баянистов. Помню момент: стоит у окна и барабанит пальцами по стеклу.

- Что делаешь?

- Мама, не мешай, я пишу мелодию. У меня в голове ритм, и я стараюсь его запомнить...

А гитарная эпоха началась в Уфе. В той самой Уфе, где благополучно, под свист кулаков в уличных драках и хрип радиол и первых отечественных магнитофонов, протекало ничем особо не отмеченное отрочество нашего пока еще совсем маленького героя. Впрочем, кое-какие отметины все-таки остались.

- Тогда баян и вообще обучение детей музыке было очень модным, и все музыкальные школы Уфы оказались забиты до отказа юными дарованиями. В педагогическом училище нашелся молодой человек Вагиз, который согласился быть преподавателем у Юры. Это был его первый учитель музыки.

Как-то я обнаружила под кроватью сына что-то выпиленное из фанеры и напоминающее гитару. Запротестовала страшно! Мне хотелось, чтоб он знал нотную грамоту и хорошо играя на баяне. А гитара... Я считала это несерьезным занятием. С баяном как-то все незаметно кончилось само собой - Юра больше не захотел брать уроки музыки. Он как-то сказал мне:

- Думаешь, Вагиз со мной занимается? Он просто сидит, читает - и все.

Баян ушел. Но гитару я по-прежнему не приветствовала совсем, и моменты его первого общения с этим инструментом в памяти не сохранились. К тому же начались проблемы со школой. Там происходили жуткие драки. Юра частенько приходил домой изрядно побитым. Но никогда не рассказывал о своих проблемах. Черта чисто мужского характера - не перекладывать свои проблемы на плечи других. Он не вовлекал меня в свои неприятности тогда, не вовлекает и сейчас. А если случайно узнаю, то еще и сердится...

То было время "Битлз" и "Шизгары". Теперь трудно представить, что еще могло тогда и может ныне вызвать в юных душах такой восторг на грани сумасшествия, какой вызывала "Шизгара". (Многие из тех юных "сумасшедших" лишь спустя много лет узнали, что песня группы "Shoking Blue" на самом-то деле называлась "Venus".)

Полет Гагарина в космос головы миллионов мальчишек наполнил мечтами о дальних мирах. "Шизгара" заставила миллионы советских подростков мастерить самопальные колонки и усилители, выпиливать самодельные электрогитары. Среди этих миллионов был и Юра Шевчук. Свою первую гитару он начал мастерить в седьмом классе. - Юра учился в седьмом, а я в пятом, - продолжает сестра Наталья.

- Он все время треникал. Мы жили в одной комнате. Она была совсем маленькая.

Стояли две кровати и секретер. Мы так и закончили институт, живя в одной комнате. И когда он, вначале, все время треникал, какое уж тут удовольствие.

Раздражало! А потом даже стало нравиться. А как же, мой брат играет в ансамбле в

школе! Для меня это было престижно. И потом, как бы я ни относилась, Юра же мой брат. И чем бы он ни занимался, я всегда его поддерживала.

Наташа Шевчук, Юрина сестра, помнит мельчайшие детали и подробности уфимской эпопеи своего брата. Такое ощущение, что Юре особо повезло на самых близких людей - каждый из них сам по себе интереснейший рассказчик. А, может, судьба семьи Шевчуков-Гареевых такова, что каждый эпизод как художественное полотно...

Уфа времен "Шизгары", уличных боев, фанерных гитар и клешей это вовсе не последний заштатный провинциальный городишко. Скорее, некий нефтяной центр с огромными нефтеперерабатывающими заводами и очень сильными партийными устоями. К тому же центр автономной республики, в которой не известно какая религия правила бал - официальная, коммунистическая или национальная - ислам. Вероятно, они каким-то непостижимым образом взаимопроникли, отчего общая обстановочка тех времен в Уфе была еще та! Город тоталитарного режима. Так, по крайней мере, считают многие из тех, с кем приходилось общаться, кто жил в Уфе семидесятых годов, кто присутствовал и помнил самое начало "ДЦТ".

Известно: клин клином вышибают. Особые режимы вызывают особо прочное противостояние. И потому Уфа семидесятых пахла не только нефтью, партией и исламом. Юная Уфа хипповала направо и налево. Чего только стоит легендарная личность Бориса Борисовича Развеева, первого уфимского хиппи, из первых хиппи в стране вообще, а ныне священнослужителя одного из городских храмов? Он уже отслужил в армии, Юриными сверстниками считался человеком взрослым и был их явным кумиром. Молодежь того времени до сих пор вспоминает, как уфимский Борис Борисович гулял босиком в плюшевых штанах с поросенком на поводке по центральному месту города - улице Ленина.

Внешней стороной дело молодежного бунта, естественно, не ограничивалось. Тот же Развеев считался одним из самых активных уфимских диссидентов. Такой стойкий антисоветчик, побывавший за это и в тюрьме, писал статьи для западной прессы и был постоянно в центре внимания журналистов "Голоса Америки".

Шевчук в пору студенчества не раз и не два встречался с папой уфимского андеграунда. Их познакомил еще один известный уфимский хиппи тех лет, Джимми. Споры между ними носили весьма принципиальный характер. Вот как об этом рассказывает сам Джимми:

- Как-то Юра вдвоем с Сигачевым (клавишник начального периода "ДЦТ" - *прим. авт.*) выступили в клубе "Дебют". Я сидел за пультом. На весь гонорар - сорок рублей - мы купили коньяку и поехали к другу, который жил в одном доме с Развеевым. Когда спиртное кончилось, а случилось это уже на следующий день, отправили кого-то за деньгами к Развееву. Борис сам зашел к нам. И пьяный Юра с ним сцепился: "Ты, мол, - антисоветчик как бы мелкий, а я - антисоветчик более серьезный! Вчера пел на концерте антисоветские песни, в зале было человек двести и все понимали - вот это круто!" Боря, человек умный, ответил, что путь кривлянья на сцене не считает правильным и идет другим.

На следующий день Развеев посадили. Все конфисковали и дали много лет.

Посадили при Андропове - Черненко, а выпустили его уже при Горбачеве.

Выпустили в конце срока, когда коммунизм был готов вот-вот повернуться... Юру тоже крепко прихватывали. Дело доходило до маразма: вызывали в обком и говорили:

- Подписывай бумагу, что ни петь, ни писать песен больше не будешь!

Был в той Уфе и свой "бродвей". Между двумя центральными танцплощадками - на одном конце площадка "Нефтяник", на другом - парка имени Матросова. Что играли? Да что угодно, только чтоб не западное и ни в коем случае не собственного сочинения. Отчего-то музыкальных рок-авторов уфимские власти опасались особо. Еще одна легенда Уфы семидесятых, гитарист Рустем Асамбаев, чью игру приходил слушать начинающий музыкант Юра Шевчук и с кем впоследствии создавал будущий ансамбль "ДДТ", хорошо помнит ту атмосферу.

- Тысяча девятьсот семьдесят третий год. Наша площадка считалась центральной, стояла невдалеке от обкома партии. Местность гористая, звук разносится далеко, и претензии комиссии отдела культуры были особо строгими. Западное играть не разрешали, но две композиции стран соцлагеря исполнить разрешалось. Мы пели из репертуара Джимми Хендрикса. Худруком сидела зловредная старушенция:

- Что это вы такое поете?!

- Так ведь польское же...

- Ну тогда разрешаем.

На прослушивание собрались взрослые дядьки из национального отделения Союза композиторов. У гастролирующих иностранцев мы "сняли" композицию "Узкое горло океанического кита". Сыграли с опаской - по идее, должны были нам ее "зарезать". Но все обошлось - какой-то старый дядька-композитор из комиссии сказал:

- Вот эту, как ее... "Рев быка" играли очень трогательно.

На нашей танцевальной площадке тогда собиралось до четырех тысяч человек молодежи...

Шевчук застал тот невероятный бум танцевальных площадок. Он успел поиграть на танцах в школе. Самопальные гитары, фонащие "кина-повские" колонки.

Танцевальная публика терпеливо сносила утомительные настройки между песнями, поскольку на сцене стояли пусть и провинциальные, но "звезды". Уфимские "звезды" пели для уфимской публики, которая их таковыми для себя и сделала. В каждом большом ДК и крохотном клубике нашей огромной страны были свои музыкальные "звезды". Такое ощущение, что в то время, в самом начале 70-х, по количеству "муз-звезд" на душу населения мы как раз и были впереди планеты всей. Пластинки не попевали за шлягерами. Зато попевали музыканты танцплощадок. Наши музыкальные вкусы и пристрастия рождала, поддерживала и оформляла живая музыка танцплощадок. Здесь, здесь впервые были услышаны и "Шизгара", и "Летутби", и "Йестудей". Не надо переводить в английскую орфографию - далеко не все уфимские музыканты знали язык "Битлз". Уфимские парни, как и тысячи других российских, записывали тексты их песен русскими буквами. И все равно были настоящими музыкантами. Кто сказал, что им повезло не так, как "Битлз"? Они были в своем отечестве и кумирами, и "звездами".

Но Шевчук выбрал иной путь. Его зарождающейся бунтарской рок-религии было явно не достаточно восхищения раскрасневшихся в танцах девчонок.

Танцплощадки всех времен мало уделяли внимания словам, и уфимские площадки семидесятых не были исключением. А все, что делал Шевчук, изначально было ориентировано на слово. Если уж его генетической гремучей смеси должно было взорваться, то это просто обязан быть взрыв слов, бунт слов. Так и случилось. Юра пилил из фанеры самопальную электрогитару, но его первые песни скорее обращали на себя внимание нервом стихотворной строки, нежели напором ги-

тарных риффов. Электричество на какое-то время как бы отошло на второй план. И это станет его вечной творческой мукой - соединение стиха с электрическим звуком. Он будет мучиться этим всю оставшуюся жизнь.

А пока он ездит из своей провинциальной Уфы на бардовские фестивали в такие же провинции и поет там свои первые песни под простую акустическую гитару. Вот один на один с этой гитарой, своими песнями и залом он всегда, сколько бы ни прошло лет, будет предельно гармоничен и почему-то всю оставшуюся жизнь будет бежать этих публичных акустических встреч, выстраивая за спиной стену электрического звука.

Первый шаг к этой стене он сделал все в той же Уфе. Похоже, это случилось в 1978 году в педагогическом институте. Ансамблем на факультете общественных профессий института тогда руководил Нияз Абдюшев. Нияз всего на три года моложе Юры, но это потом, когда вам шлепнет сороковник, то и десятилетняя разница в возрасте не берется во внимание. В юности же все иначе и даже несколько месяцев - ого какой срок! Эти три года возрастной разницы обернулись, например, тем, что Нияз и его одноклассник, гитарист Рустем Асамбаев оказались в числе первых, кто начал играть в Уфе рок-музыку (правда, тогда никто так неземные композиции Джимми Хендрикса еще не называл - понятие "рок" на просторах СССР появится гораздо позже), а Юра Шевчук оказался в числе тех, кто их слушал. Но в 1978-м все изменилось, так сказать, историческая справедливость была восстановлена. Свидетельствует Нияз Абдюшев:

- Название институтской группы "Вольный ветер" я получил в наследство вместе с кое-какой отечественного производства аппаратурой от своего предшественника Геры Ямкина. Год набирал разные составы - ничего не выходило. С горя даже пропил барабаны и какие-то гитары. И вот в 1978 году кто-то мне предложил:

- Есть на примете два парня, возьми в ансамбль, может, что и получится.

Одним из них и оказался Шевчук. Заходит в кожаном тулупе, на башке треух. С бородой. Очки разбиты - даже не изолентой, а лейкопластырем посередине замотаны. Еще тот видок. Но - получилось! Все по-лу-чи-лось. Просто у Юрки оказался такой голосище, что уже через год поехали на первый свой фестиваль в Глазов и сразу стали лауреатами.

КОЛЫМСКИЙ ТУЛУП

Прервем пока воспоминания первого руководителя ансамбля, в котором начинал петь Юрий Шевчук, и расскажем о том, о чем он не знает, - о большой тогда редкости - кожаном тулупе, и вовсе не редкости - разбитых очках. Это все - и тулуп, и треух, и очки - тоже неспроста.

Кожаный тулуп Шевчуку выдали на Колыме в качестве рабочей спецодежды. Случилось вот что...

Уфа тех времен, кроме коммунизма, ислама, хиппи и музыки, славилась еще и жуткими драками. Люто не убивали, но бились смертным боем, двор на двор, улица на улицу. Впрочем, кровь тогда утирали с лица многие молодые посетители танцплощадок по всему пространству Советского Союза, мода такая была, что ли... Шевчук не был Гераклом, но спуску никому из обидчиков не давал. Фания Акрамовна, встречая сына в синяках и ссадинах, молила Аллаха, чтоб только не убили, дали закончить десятый класс. Школу Юрий закончил, но характер от этого враз не поменялся. Он продолжал утверждаться в уфимской жизни, в том числе и кулаками. А как только началась студенческая жизнь, к этому добавилось еще и спиртное. Тогда вообще пили много, особенно студенты, а уж музыканты и все, кто с ними связан, просто за должное почитали. У будущего рока в семидесятых был даже свой "элитный" напиток - "портвешок" и собственные сигареты - "Прима". Андеграунд тех лет не мог шиковать и для своих "опознавательных знаков" выбирал все самое дешевое.

Шевчук пил, курил, дрался, писал картины, стихи и музыку, играл на гитаре и много пел. Многие вокруг так жили..., Но в какой-то момент он не вписался в очередной поворот и институтское руководство потребовало сатисфакции. Степень вины вольнодумца и хулигана для вершителей студенческих судеб не оставляла сомнения - отчисление и ничего кроме отчисления из института. Да что ж он наделал-то? А вот, полюбуйтесь на такой, к примеру, эпизод. В деканат, где работала секретарем Фания Акрамовна, врывается преподаватель истории коммунизма:

- Фания Акрамовна, что у вас за сын! Как он себя ведет! Он у меня десять лет будет сдавать политэкономии!

- Вот и пусть сдает, наизусть выучит...

- Ни за что не поставлю тройку! Знаете, что он мне сейчас сказал?

- Что же?

- Что вы привязались к моей бороде, я же ничего не говорю о вашем животе! Я не трогаю ваш живот, а вы не касайтесь моей бороды.

Студент Шевчук выглядел вполне бунтарски: бородища и волосы до плеч. Это за таких как он ректору института Рустему Кузееву на первомайской демонстрации выговаривал секретарь обкома КПСС:

- Вон твои длинноволосые идут, волосами тротуар подметают. Почему ты их даже на демонстрацию подстричь не можешь?!

А когда Шевчук не только попал в вытрезвитель, но и поколотил там милиционера, в ректорате сообщили: "Будем исключать". Но вместо этого Юрия всего лишь отправили в академический отпуск.

Он собрался было на лето на юг, к теплому солнцу и Черному морю, поиграть в ресторанном ансамбле. Но вместо моря и солнца оказался на Колыме. По

суровейшему требованию Фании Акрамовны. Они уехали в холодный край, где Юра когда-то родился и где Фания Акрамовна встретила свое семейное счастье, вместе.

Юрина Колыма началась в Черском районе. Точка взлетов и приземлений самолетов, обслуживающих полярные станции. Зеленый мыс. Зеленомысский морской порт. Чем тяжелее, проще, непрофессиональнее работа, тем больше платят. Девятнадцатилетний уфимский бунтарь-студент устроился работать докером. Весил он в ту пору не больше мешка, которые нанялся грузить в порту. Мама студента, секретарь деканата уфимского института, в свои пятьдесят лет пошла работать приемосдатчицей. Рабочая смена двенадцать часов через полсуток. Снег, ветер, колымский мороз и холод. Фания Акрамовна вспоминает:

- Мне говорили: "Вы жестокая мама! Как вы могли отправить вашего мальчика на такие испытания?!" Могла... Знаете, Юра к тому времени уже настолько был проблемным, что мне казалось, только через такой тяжелейший физический труд, через общение с такими суровыми людьми мой сын сумеет понять какова жизнь и чего она стоит... Нам выдали одеяла и матрацы, но все равно был лютый холод. Помню как однажды, чтобы согреть постель, накалила уют и сильно обожгла ногу. Лежала и терпела боль, потому что лучше было терпеть боль, чем откинуть одеяло - холод стоял ужасный. Утром вода превращалась в лед, а хлеб и продукты - в камень.

- Юра, вставай, тебе на вахту.

- Но я только согрелся и уснул, это не жизнь, это кошмар!

Зимой грузов не было и Юра работал на смотровой охранной вышке. Там был маленький обогреватель и телефон. И мы начали свой учебный процесс. Юра звонил:

- Мама, обед готов?

- Конечно, готов. А готова акварель?

- Нет еще...

- Вот когда будет акварель, будет и обед.

- Л?! Холодно же!

- Ну что делать, вода же у тебя не мерзнет, можно работать.

Юра приносил акварель и взамен получал обед. Жестоко? Знаю, жестоко. Зато какие чудные акварели остались в память о Колыме! Правда, половину он раздал, но и то, что сохранилось, ярко характеризует тот роскошный пейзаж. Конечно, с Колымы Юрий вернулся мужиком взрослым, крепким, закаленным. Он зарабатывал столько, сколько его сверстникам в теплой хиппующе-мятущейся Уфе и не снилось. Да и взрослым не снилось. Но он и вкалывал так, как им тоже не снилось. Дело не только в мешках больше его весом, десятки которых он перекидывал за смену. После этой адской работы он возвращался на четвереньках домой, отлеживался и... шел играть и петь. Шевчук все-таки исполнил желание, поиграл в кабаке. Не на берегу Черного моря, так хоть на Колыме. Колымский люд - портовики, старатели, полярники были в тот год слушателями его песен. И, судя по всему, первыми поклонниками-почитателями тоже. Дорогого стоит...

Вот там, на Колыме, и выдали Юрию Шевчуку спецодежду - шикарный кожаный тулуп, в котором он и пришел в первую свою настоящую музыкальную группу. У этого тулупа еще будет своя "лебединая песня". Это произойдет в Питере, в когда-то знаменитом кафе "Сайгон" на Невском. Рок-н-рольные предания гласят, что здесь, впервые по приезде в Мекку отечественного рок-н-ролла, встретятся никому

из питерцев еще не известный Шевчук и весь в ореоле андеграундной славы богемный БГ. БГ будет весь в белом полушубке, а Шевчук в шикарном черном кожаном тулупе. Том самом, колымском. И в питерской тусовке с тех пор начнет гулять крылатая фраза, якобы оброненная Шевчуком: "Он понял, что я его черная карма!"

"Вольный ветер"

Питерские рок-н-рольные легенды устойчивы. Но нам еще рано на берега Невы. Еще даже не произнесено вслух название "ДДТ"...

В том составе группы "Вольный ветер" было много всякого музыкального народа, вплоть до скрипачей. Шевчуку очень хотелось расширенного акустического звучания, а-ля "Джетро Талл". Не забудем, что по всему Советскому Союзу, да по всему миру, было время "длинноволосых", время хиппи. В Уфе, кажется, было подобрано более точное словечко - хиппаны. И "Вольный ветер" выглядел, как все уфимские хиппаны конца семидесятых.

*У нас в деревне были тоже хиппаны,
Но всех, увы, уже давно позабыли.
И я один, заплаты ставя на шузы,
Пытаюсь встать, да что-то ноги отказали.
Да, я - последний из колхозных могикан.
Лежу и плачу, поминая всю систему.
... У нас, в коммуне, был Василий основной.
Он тихий ужас наводил на все село.
Ах Вася, Вася, почему ты не со мной,
Не били б панки мне по рожке ни за что...
Где отыскать мне ваши тертые следы?
Прошит все, и нет ничьих координат.
А, может, снова мне поехать в Ленинград,
А пшм найду хоть одного возле Невы.
Хиппаны, хиппаны, хиппаны...*

Эта песня, написанная гораздо позже времен "Вольного ветра", но с явным экскурсом в ту Уфу, войдет в альбом "Я получил эту роль". Биография "Вольного ветра" оказалась коротенькой, как ступенька к иному и настоящему. Но это была высокая ступенька. В "джетро-талловском" состоянии ансамбль выступил на студенческом фестивале в крытом Дворце спорта, собравшем пять тысяч молодых зрителей. "Ветер" пел четыре песни, одна из них была написана самими ребятами. Все пять тысяч студентов аплодировали им стоя. Можно только предполагать, что чувствовал солист группы, автор музыки и текста, двадцатилетний Юра Шевчук, которого приветствовал целый Дворец спорта! Впрочем, его реакция на собственный успех, по крайней мере внешне, всегда непредсказуема. Мне не раз доводилось организовывать и концерты "ДДТ", и "сольники" Шевчука. Подготовительный период адский! Настройка адская! Выступление мощнейшее. Зритель только что не рыдает от пережитого. А Шевчук, мокрый от усталости, выложившийся на сцене, выжатый концертом как лимон, находит за кулисами силы рвать и метать громы и молнии, потому как, по его мнению, в какой-то момент что-то не так прозвучало, хотя этим "что-то" была всего лишь десятитысячная нота концерта, писк, не уловленный ни кем, кроме него самого. Из-за этого писка могут шуметь бури. Можно это называть требовательностью, а можно просто придирчивостью. В первую очередь к себе самому. Но никогда - самодурством. Хотя во всем, что касается создания музыки, Шевчук сущий деспот.

Однако это авторское наблюдение порождает вопрос: а может, иначе и нельзя? С его музыкой нельзя. Его музыка - сгусток переживаний, фонтан эмоций и боли. Редко - счастья. Она и рождена муками, переживаниями, болью, криком - стрессом и нервами. Скорее всего, его творчество и началось из той, колымской, боли. По крайней мере, на Колыме он серьезно запел. Во всяком случае, именно об этом свидетельствует друг его студенческой юности Ильдар Мирзагитов:

- Когда поступили в один институт, правда на разные факультеты, общение было тесным, но на таком... мальчишеском уровне: выпить, баб пощупать. Пацаны и есть пацаны. Группа, стихи... Тогда у него не было таких заморочек. Пели в институте какие-то чужие песни, но это не было так интересно. Юра был хорошим парнем, как все: прилично играл на гитаре, особенно оживал, если на кухне хорошая компания, пара девчонок и на столе есть что выпить и чем закусить. Все тогда были личностями. Собирались, говорили о жизни... Позже меня выгнали из института. Юру выгнали из института. Много нас тогда повыгоняли. Я ушел в армию. Он уехал на Колыму. Тоже года на два. А когда оба вернулись, встретились, тут я и понял, что Юрка ебнулся. Он начал писать стихи, песни.

- Зачем тебе все это, пусть всякие там поют-надрываются, тебе-то зачем? Юра ничего толком не говорил, он просто так... непонятно улыбался... Наверное, это касается всех поэтов и писателей: в какой-то момент им что-то там такое приоткрывается и они уже не могут не писать.

... После возвращения с фестиваля студентов "Вольного ветра" не стало. Шевчук ушел, адекватной же замены ему в Уфе не нашлось, да и быть не могло. Ее и во всем тогдашнем СССР не имелось, не то что в одной столице Башкирии. В Башкирии в то время началось некое гонение на танцплощадки. То ли властям надоело утирать кровь за все усиливающейся волной жестоких драк на танцах, то ли очередная столичная кампания накатила, а только танцплощадки на какое-то время поутихли. А тут и первые дискотеки подросли. Прежнее место музыкантов на сцене оказалось занятым, и они устроились как могли. Игравшие на центральных уфимских танцах уже знакомый нам гитарист Рустем Асамбаев, а также клавишник Владимир Сигачев и Геннадий Родин перебрались на военный завод, в ДК "Авангард", составив, таким образом, вокально-инструментальный ансамбль "Калейдоскоп". И название - шедевр, и репертуар под стать - "комплект эстрадных шлягеров". С ними и выступали на торжествах по красным датам да на свадьбах. А вот для души баловались музыкой "Deep Purple".

О Шевчуке слух по всей Уфе еще не шел, но, что в институте есть парень с "во-о-от таким голосищем", уже поговаривали. И Юру пригласили в "Авангард". Пел он мощно, чем и привел бывалых музыкантов в хорошее расположение духа. На дворе вовсю бушевала эпоха "Машины времени" и "Аквариума". Макаревич и Гребенщиков и сами не представляли, насколько тогда были популярны у советской молодежи. Сегодня, у российской, им такого успеха не добиться при всем нынешнем качестве CD и тотальном правлении страной телеящиком. Андрей и Борис всколыхнули невероятную тягу к сочинительству в сотнях тысяч парней и девчонок. Весь юный СССР схватился за шариковые ручки, бумагу, гитары и такое насочинял, такое запел! Блюстителю тогдашней государственной идеологии и культуры аж задохнулись от возмущения и бессилия - управлять вовсю разрезвившимися, разом появившимися сотнями тысяч доморощенных поэтов, самопальных композиторов, вольнодумных сочинителей не было никакой возможности.

(Нечто похожее, правда в несколько меньших масштабах, случилось чуть позже, в 1980 году, и было вызвано совсем иными обстоятельствами - смертью Высоцкого. Уход любимейшего народом барда из этого мира буквально всколыхнул страну, и тогда тысячи взрослых людей совсем неожиданно для себя отозвались на эту потерю собственными стихами, посвященными Высоцкому. Несколько лет люди несли листочки со стихами собственного сочинения на могилу Владимира Семёновича на Ваганьковском кладбище. Многие специально для этого ехали в Москву со всей огромной России.)

Как при таком положении дел молодым музыкантам можно было петь песни каких-то членов Союза композиторов?! Даешь свои! И Шевчук принес сотоварищам по творчеству первый текст под названием "Черное солнце". У Геннадия Родина это вызвало особый прилив энтузиазма: клево, здорово! Так начали звучать первые самостоятельные песни Шевчука. Название "ДДТ" еще не было произнесено, а все обзывалось просто: ансамбль под управлением Геннадия Родина. Год 1979-й. Город Уфа. В том, первом составе играли Гена Родин, Володя Сигачев, Рустик Асамбаев, Ринат Шамсутдинов и Юрий Шевчук.

Название "ДДТ" появилось в связи с конкурсом молодых исполнителей, объявленным в музыкальной рубрике "Комсомольской правды". Какие-то подводные течения заставили печатный орган ЦК ВЛКСМ затеять своеобразную игру с бесчисленными ансамблями, игравшими свою музыку. Так начался "Золотой камертон". Из Уфы в Москву полетела магнитоупленка - Шевчук сотоварищи записали соответствовавшие требованиям песни, среди которых были и собственного сочинения. Они прошли отборочный тур, и Москва потребовала еще запись. К тому же необходимо было и название для ансамбля. Его придумывали в явной спешке, и потому предложенное Сигачевым "ДДТ" было принято. Хотя за этот "Дуст" им еще не раз достанется. Впрочем, для официальных властей была придумана вполне приемлемая расшифровка: дом детского творчества, однако от "руководящих оплеух" это не спасало.

ШПАНА УФИМСКАЯ

В это не просто поверить, но с концертами в родной Уфе у Шевчука постоянные проблемы. Не со зрителем, конечно, - тот своего земляка и любит и гордится им. Стычки все время происходят с уфимскими властью имущими.

Так было прежде и, похоже, продолжается. По крайней мере, очередной неприятный даже не скандал, а скандалчик Уфа преподнесла своему, в общем-то, национальному герою нового времени не так уж давно. В уфимской прессе проскочила заметка ""Мерседес" или Шевчук?". В ней рассказывалось, как хорошо теперь живет бывший уфимец и сколь высоко его материальное благополучие. А посему зам. мэра Уфы, некая дама, перед Днем города решила позвонить музыканту с целью пригласить его в родной город на торжества, дабы порадовать слух и глаз земляков.

Дама как бы за само собой разумеющееся посчитала неприличным предлагать какой бы то ни было гонорар за выступление группе "ДДТ". Зачем, теперь у певца все есть, может и за бесплатно порадовать город, в котором прошла боевая юность, травля средствами КГБ и прочими карательными органами, город, который буквально выпихал взащей нынешнюю рок-звезду, ну и тому подобное. Отчего бы теперь ради этого города не спеть да не станцевать, особенно коль властям этого шибко хочется?

Правда, разговаривала дама не с самим героем, а с кем-то из его окружения, по офисному телефону. (К слову, в питерском офисе группы "ДДТ" в знаменитом андеграундном доме на знаменитой Пушкинской улице каждый день такая суматоха, кто только не толкется, а на телефонные звонки до последнего времени вообще мог ответить любой посторонний, зашедший и по делу и без дела, и просто зевака, надеющийся увидеть своего рок-кумира. Все это автору доводилось наблюдать лично и не раз.) И вроде бы в ходе сего телефонного общения с невесть кем в офисе "ДДТ" она услышала некоторые финансовые условия, а так же слово "мерседес", выразила неподдельное удивление и опять же услышала ответное: "Тогда любимый город может спать спокойно, Шевчук не приедет".

Вот этакой заметкой и поздравили земляков с Днем города от имени героя уфимские газетчики. Липа она и есть липа, кто бы ее ни посадил - журналист или дама-чинуша. Особенно пикантен "мерседес". Вот уж чего никогда в жизни не замечалось за Шевчуком на гастролях, так это фырканья по поводу бытовых условий. Он может устроить жуткий скандал из-за любой мелочи, связанной с гастрольной аппаратурой, но даже не заметит, на чем ездит, где живет и что ест во время гастролей. Скорее всего это связано с тем, что энергетическую подпитку перед выходом на сцену Шевчук получает от предконцертной пробы хорошо звучащего аппарата, качественный звук которого "заводит" его, дает дополнительный драйв. А в машине он просто ездит, в гостинице просто ночует. Иные же наши родные российские светила перемещают, выгуливают и обслуживают свою особу, а для этого, как вы сами понимаете, "жигулей" и просто удобного номера недостаточно. Тут и отдельных коттеджей-то маловато будет. Нет, не ладилось у Шевчука с любимой Уфой в плане проведения концертов, ни в какие времена не ладилось. Первый состав "ДДТ" дал в городе, до отказа забитом молодежью, всего один - один! - концерт. Этот единственный электрический концерт в Уфе проходил в Нефтяном институте.

Заметьте, не в родном, педагогическом, где на худграфе учился Шевчук, а в нефтяном, где у Юры были хорошие друзья, любившие вовсе не ту, что предписывали идеологи советской власти, музыку. Кажется, они и взяли на себя организацию рекламы и распространение билетов. Впрочем, в ту-то пору никакой рекламы на рок-концерты не требовалось, билеты на все, что относилось к андеграунду, расхватывались моментально и без всяких касс - просто разлетались по рукам друзей и знакомых. Тогда была проблема не нынешняя: на что купить билет на концерт звезды, а где, у кого поймать, ухватить билетик на встречу с никому не известными музыкантами. Тратить деньги на афиши было вовсе ни к чему. Зал на 500 мест был забит, забиты проходы, сидели и стояли на ступеньках, вдоль стен - кто как устроился. Опрошенные ныне очевидцы тех событий расходятся в оценке деталей, но в одном единодушны - на концерте побывало не меньше тысячи человек. И это вполне может быть.

К аппарату Юрий уже тогда относился весьма щепетильно, и ему с Ниязом Абдюшевым, принимавшем живейшее участие в подготовке концерта, удалось достать "Биг" и комплект довольно сносного по тем временам "Регента". "Биг" был из последних, с эквалайзером, что казалось вообще запредельным шиком. Не обошлось и без казуса. Асамбаев и Родин пришли уже к самому концерту в весьма хмельном состоянии - традиции рок-н-ролла играть в "веселом виде" блюлись свято. Как ни волновался перед тем выступлением Шевчук, как ни старался с аппаратом, все прошло в стиле рок-традиций. Зал принял его песни с первых же аккордов, зритель завелся, заорал что есть мочи и так и бушевал все пятьдесят минут, пока шла программа, отчего сами музыканты пришли в неопикуемый восторг и под конец устроили на сцене полный кавардак. По свидетельству Джими, хмельного Сигачева в жару развезло и он пару раз пытался упасть вместе с роялем, а перевозбужденный происходящим Шевчук ревел в последней песне рефреном в микрофон имя девушки, которой был в то время увлечен. Остальные тоже в долгу не остались... Они сочиняли и играли хорошую музыку, но в то же время были просто мальчишками.

После концерта к Рустему Асамбаеву подошла девушка просить автограф. У девушки во-от такой... бюст (прости, читатель, за пикантность). И происходит следующий диалог:

- Пожалуйста, распишитесь мне... - Где?

- Можно прямо тут...

И выдвинула вперед бюст. Асамбаев бы и бюст тут же взял, но ограничился пока телефоном... Веселая шпана уфимского разлива, но - талантливейшая!

Программу того концерта они потом практически полностью записали на магнитоальбом. Рок-н-ролл "За 50 копеек полтора часа", блюзы "Все идет своим чередом" и "Была суббота". Некоторые песни не имели названия и сохранились по первым строчкам "Работал долго я, и вот...", "Вечер щенком скулил в сквере, где я сидел..." Уже известное "Черное солнце". Пели песни в основном Шевчука, но была и Сигачева "Рыба".

Надо отметить, что школьно-студенческий период "бардовского состояния" не прошел для Шевчука даром и в начальном периоде "ДДТ" песни Юрия несли на себе соответствующее влияние, которое остальные участники группы безжалостно давили хард-роковыми аранжировками. Особенно Сигачев и Асамбаев преуспели в написании всевозможных инструментальных соло. На том, первом, концерте звучало не соло - солище!

Надо ли говорить, что наутро они проснулись знаменитыми. Конечно, когда Шевчук шел по Уфе, жители не высовывали из каждого окна магнитофоны с его голосом, как это было в Сибири с Владимиром Семеновичем Высоцким. Но в каждом уфимском доме, где жил молодой человек или барышня с того момента, кроме андеграундных записей "Машины времени", "Аквариума", "Зоопарка", "Россиян", "Високосного лета", просто неприлично было не иметь альбом "ДДТ". Концерт произошел в 1981 году. Альбом записали тут же. Уфимский андеграунд начала восьмидесятых узнавал друг друга по наличию и знанию песен Юрия Шевчука. Это был своего рода и пароль и некий знак людей, принадлежащих к одному кругу, придерживающихся одних взглядов. Всенародным поэтом, певцом и музыкантом, фигурой знаковой и даже где-то культовой он станет гораздо позже, когда песни его запоет весь бывший Советский Союз. Тогда рок-н-ролльная религия Шевчука будет сформирована и оформлена в виде целого песенного наследия, которое приверженцы примутся скрупулезно и не очень, но изучать. Пока же он просто пишет песни, хорошие или плохие -покажет время. Но бунтарские - уж точно.

И первый концерт, вполне бунтарский, уже дан.

«АГЕНТ ВАТИКАНА»

Утром после того концерта проснулся не только Шевчук. Наутро проснулся КГБ. Вообще, эта организация в истории рок-культуры в СССР занимает определенное культовое положение. Вокруг нее столько напластовано легенд-страшилок, что черт ногу сломит! Послушать разговоры сорокалетней и старше рок-тусовки, так комитет безопасности страны только тем и занимался, что давил хрупких невинно блеющих рок-ягнят. И как-то совсем стыдливо замалчиваются те, кто действительно спускал цепных собак на андеграунд - идеологические отделы ЦК, обкомов, горкомов и райкомов КПСС и ВЛКСМ. Вот кто кричал, "не пушал"⁵⁵, давил и запрещал. Комитет безопасности "брал под козырек"⁵⁵ и выполнял мудрые указы великой и славной партии дедушки Ленина. Но, как и все в нашей большой России, делал это по-разному: где ретиво, рьяно, где "спустя рукава", а где и вовсе "складывал под сукно" до новых указаний (и это, справедливости ради надо отметить, было не редко, а в большинстве случаев - у этой организации хватало дел более серьезных). Бывало, что именно эти органы снимали запрет на проведение того или иного рок-мероприятия, закрытого местными отделами культуры. Такие случаи тоже известны и вовсе не единичны. Но рокеры упорно клянут госбезопасность, виня во всех своих бедах КГБ. Ну принято у рокеров кусать КГБ, принято. Впрочем, уфимское КГБ, видимо, действительно есть за что укусить.

Известно, что говорила Анна Андреевна Ахматова по поводу травли ленинградскими властями Иосифа Бродского: "Они делают биографию нашему рыжему". Уфимские власти вдруг скоропостижно принялись "делать биографию" колымскому "татарину на лицо да с фамилией хохляцкой", как позже споет о себе Шевчук. Они еще успели записаться на местном телевидении. "ДДТ" даже показали в эфире, из Москвы пришло письмо: "Уважаемый товарищ Геннадий Родин! Вы прошли по конкурсу. Приезжайте". Они опешили и начали названивать в "Комсомолку":

- Обижаете, певец у нас Шевчук, а группа - "ДДТ".

г Сами напутали. У певца яркий голос, его и приглашаем... Ладно, шлите что-нибудь еще, только не путайте больше ничего.

Они послали "Черное солнце", "Инопланетянина" и не свою песню "А любовь, как солнце" - таковы были условия. В 1982-м году последняя запись на "Золотом камертоне". Показывают всех, кроме Шевчука. В столице самый пик гонений на все, что связано с памятью Владимира Семеновича Высоцкого. В Театре на Таганке запрещен спектакль его памяти. И вечера тоже запрещены. В Уфе за вечер памяти Высоцкого из пединститута выгнали декана факультета общественных профессий. А голос Шевчука и сейчас временами напоминает голос Высоцкого. Но московские музыкальные начальники его как-то сразу полюбили. "ДДТ" пригласили участвовать в программе первого канала ТВ "Рок в борьбе за мир".

Вот после этого все и началось. Они играли в одной трехчасовой программе с Жанной Бичевской, "Самоцветами", "Воскресеньем", "Цветами" Стаса Намина. Им было интересно впервые участвовать в такой сборке известных Советскому Союзу исполнителей. Это были чужие сани, они и не собирались в них оставаться, но выпрыгнуть пришлось раньше, чем предполагалось. Буквально через несколько дней в той же "Комсомольской правде", которая назвала Шевчука лауреатом своего конкурса "Золотой камертон", появилась статейка какого-то композитора по фамилии Морозов о том, что всюду

развелись псевдоборцы за мир типа Шевчука, пишущего стишки вроде "Свинья на радуге". В Москве плюнули и забыли, в Уфе утерлись, и начали кампанию по очищению рядов славной башкирской молодежи от всяких там отщепенцев. Впрочем, разве расскажет обо всем кто-либо лучше очевидцев, свидетелей и непосредственных участников? Им и слово.

Сестра Наташа Шевчук вспоминает:

- Мы все получили мощный эмоциональный удар. Местная газета опубликовала статью "Менестрель с чужого голоса", после которой даже от меня знакомые отворачивались. Город гудел. Знакомые перестали звонить и заходить. В школах, в различных творческих коллективах, даже на заводах были организованы комсомольские собрания, где возмущенный народ гневно клеймил того, кого он толком и не знал-то.

Выступления были эмоциональными до истерии. Одна молоденькая барышня на школьном собрании выразила свое особое мнение:

- Таких, как Шевчук, убивать надо!

А школа, наша родная, номер один, Юрина школа, организовала целое письмо, под которым подписались многие школьники и преподаватели. Суть: им стыдно, что такой человек, как Юра, учился в их первой уфимской школе... А потом, когда все изменилось, Юра стал известен всей стране, классный руководитель звонила с приглашением на встречу выпускников и столько всего подхалимажного было наговорено...

Появилась вторая статья "Когда срывается маска" - серия людей, возмущенных Юриными песнями, ругала его как могла, говоря, что он подлец! Семья, конечно же, стояла на стороне Юры. Мы понимали: какой он, к черту, "агент Ватикана"! Конечно, было тяжело... И сейчас-то, когда про него пишут плохое, может и заслуженно -вдруг кого чем обидел, все равно больно и обидно, потому что мы знаем: Юра не такой! Юра лучше!

Продолжает Фания Акрамовна Шевчук, мама поэта:

- Я купила две газеты со статьей и пошла в обком комсомола. Я хотела отстоять честь своего сына. Хотела сказать им, что неправильно понимают стихи моего Юрия. И никакой он на самом деле не агент Ватикана. Разговор состоялся. Со мной согласились, но при этом говорили: "Там есть песня "Периферия". Как он мог ослабить нас на всю страну?! Почему не видит ничего хорошего и пишет только о плохом? Поговорите с ним, пусть напишет хоть одну песню, прославляющую нашу Башкирию. Мы откроем ему такую дорогу! Всюду будет первым! Ну хотя бы одну песню про Башкирию..." Потом я ходила в обком партии. Они тоже все понимали, но требовали песен, прославляющих республику. "Периферия" застряла у них костью в горле. И началась война. Юру вызывали в КГБ. Прослушивали наши телефонные разговоры. Я опытный радист, и в этом меня трудно провести. С нами, родителями, они все равно ничего бы не смогли сделать. Мы же были лояльными к существующей власти, просто родителями крамольного ребенка. Наоборот, я сама шла и защищала. Как член партии написала заявление в обком о том, что Юра не может быть агентом Ватикана. Меня особенно убивало это "агент Ватикана". Я поехала искать правду в Москву. Хотела обратиться к Андрею Вознесенскому, к другим - даже список составила. Начала с бывшего товарища мужа по комсомольской работе на Колыме Толи Богомолова, работавшего на "Мосфильме". В ответ на мое желание идти к Пугачевой, он меня просто остудил: "С ума сошла?! Сейчас Пугачева сама еле жива, никуда ходу нет. Если обратишься и она хоть

пальцем в защиту Юры пошевелит, вот тогда он точно сгорел. И вообще ни к кому не ходи и ни о чем не проси. У них слова. Они на слова герои. Сам позвоню куда следует". Не знаю, куда он звонил, но Юру на время оставили в покое...

Лилия Федоровна Бигбова, мама Эльмиры, жены поэта:

- Я всю жизнь была секретарем парторганизации. Начался очередной семинар пропагандистов И вдруг слышу, что у нас появились фашиствующие молодчики со свастикой и антисоветчина, которую несет Шевчук. Своими ушами услышала как с трибуны партактива льют грязь на Юру! В то время они уже крепко дружили с моей Эльмирой он часто бывал в нашем доме, я знала его, его стихи. Сошлись мы очень быстро и я, может не от большого ума, даже рискнула дать ему совет:

- Да напиши ты, Юра, какую-нибудь патриотическую песню. Пусть они от тебя отвяжутся. Разве у нас нет ничего хорошего?

- А что, Лилия Федоровна, есть хорошего? Этим вопросом он меня просто срезал... На очередном политсеминаре докладчице дали поручение рассказать пропагандистам, кто такой Шевчук, чтоб знали, с кем и с чем борются, поскольку в республике шла полным ходом соответствующая кампания. Эта женщина привела в качестве примера строки "Индийский чай, башкирский мед". Чтоб лучше понять, в чем суть дела, обратимся к этому самому, из ранних, стихотворению Юрия Шевчука "Башкирский мед".

В Москве однажды я бывал.

Куда хотел - туда попал.

О чем мечтал - все заимел.

Все, что хотел и не хотел.

Ему и слава и почет,

Ты козырь наш — Башкирский мед!

Вон там мой лучший друг живет.

Он для меня на все пойдет.

Умен, силен и очень смел.

Когда бы я ни захотел,

Из-под полы мне достает

Индийский чай...

Башкирский мед!

Кому-то в жизни не везет:

Мечта покоя не дает.

Не может он его достать.

Все вон из рук - ни сесть, ни встать.

Бедняга, морщась, еле пьет

Грузинский чай, армянский мед...

Эх, башкирский мед!

(По тексту записей из дневника Ф.А.Шевчук.)

В этом увидели крамолу, национализм и признаки разжигания национальных страстей сразу. (Читатель, можешь ли ты сегодня представить, что вкусовые сопоставления грузинского, индийского чая и армянского, башкирского меда могли считаться проявлением фашизма, призывом к национальной вражде? Эх, какие были времена... - прим. авт.)

Я не выдержала:

- Этот человек вхож в мой дом, и я знаю его стихи. Все ярлыки, которые на него вешают - бред. Посмотрите на себя: кто конкретно из здесь присутствующих едет в Москву без башкирского меда? А кто из вас не везет обратно индийский чай? В чем тут национализм? Это наша жизнь!

Возвращаюсь с этого собрания домой, встречаю по дороге Юру. Окликнула, рассказала о происшедшем. А он в тот момент шел из комитета госбезопасности. У него там требовали расписку, что больше не будет писать песен. Держали долго. Отпустили на обед, и он пошел к Эльмире. Ему и про мою дочь в органах говорили в духе, что вот, мол, нашел дурочку, которая по своей неопытности и наивности заглядывает тебе в рот... Вероятней всего, за ним тщательно следили. Больше мы с ним об этой кампанейщине не говорили, зато много говорили о другом. Это не я, а он повлиял на мои взгляды. Произошла обратная реакция: до того мы воспитывали молодежь, а теперь молодежь начала воспитывать нас, в частности меня... Говорит Нияз Абдюшев, товарищ поэта по творчеству в уфимский период:

- В первой статье "Менестрель с чужого голоса" песню "Контора пьяных дембелей" разбирали просто по косточкам. Где вы видели пьяных дембелей? Во дают, поприкольнее вопросик придумать не могли. Понимаю, если б спросили: "Где вы видели трезвых дембелей?" Дембель он и в Африке пьяный... У них такой стандартный подход:

- Нияз, вы такой замечательный поэт, взрослый хороший человек. Ну что вы с этим бандитом-то связались?

- Да нет в нем вроде ничего бандитского. Может, в лице что-нибудь... А в текстах вроде все в порядке.

Во второй статье было несколько и положительных откликов на творчество Юры. Помню среди защитников Рустика Азизова. Из его письма опубликовали только выдержки. Рустик был старшим лейтенантом МВД. Со службы его, естественно, тут же выгнали. Страшное было время. Разговор с Юрой был конкретным: либо ты уезжаешь, либо посадим. При мне ему было сказано: "Ты, конечно, можешь надеяться на то, что, как Развеев (уфимский хиппи, диссидент, ныне - священник - прим. авт.), отсидишь на зоне, песенки попоешь и никто тебя не тронет, вернешься. Так вот, оставь эту надежду. Ты, парень, и до зоны не доедешь!" Тогда я подумал: все, заканчиваю. Но Юра-го ничего закончить не мог...

(А теперь вспомните историю дамы с телефонным звонком и требованием к Шевчуку приехать на День города в так любящую его Уфу. У городских властей действительно особые заслуги перед своим земляком-поэтом. Хотелось бы, чтоб все вышеизложенное власть прочла, так, на всякий случай...)

Рустем Асамбаев, гитарист первого состава "ДДТ":

- Скандал длился долго. По этому поводу собирали бюро обкома партии. Туда и моего отца вызывали (башкирский писатель и драматург Николай Васильевич Асамбаев, печатавшийся под псевдонимом Ажиг Гильднанович, автор одиозной пьесы "Красный паша" - прим. авт.) на разборку. Так что, Юре, может быть, повезло, что отец фронтовик, а мама заслуженный полярник. Меня в комитет тоже не раз вызывали.

- Вы старший товарищ, давайте выручать. Спасайте!

-Как?

- Ну, повлияйте... А что это за песня в "Периферии"? Ах про Пушкина...

Они, оказывается, думали, что про Брежнева, Андропова, Суслова...

Трудно представить, что всего за несколько месяцев до этого свалившегося на голову Юрия Шевчука скандала официальная Уфа буквально приветствовала его. А как же: занял первое место на столичном фестивале "Золотой камертон" официального партийного органа - "Комсомольской правды". В башкирской прессе появились благостные, почти поздравительные публикации. О нем сделали передачу на радио, показали по телевизору. Даже состоялся сольный концерт в... оперном театре. На специальных афишах по этому поводу так и было написано: "В оперном театре Уфы концерт лауреата фестиваля "Золотой камертон"... За что же они его так невзлюбили? Причин несколько. Конечно, Юрий попал под колесо общегосударственной истории, правящие верхи которой как-то уж слишком скоропостижно старели. Ну нелепо же было бороться с неудобной рок-музыкой тем, что запретить, например, на афишах писать в названии ансамбля приставку "рок". Как будто это меняло суть. Или вот еще кампания: завести на нескольких музыкантов уголовные дела, если даже и нет состава преступления. А чтоб другие боялись! Та же "Комсомолка" вдруг принялась шельмовать "Машину времени"... Но уфимская кампания против Шевчука даже на этом фоне носила слишком полномасштабный и жесткий характер. Скорее всего, уфимские идеологи действительно перестарались, услышав даже не окрик (ну что это за гроза - упоминание в статейке какого-то композитора в негативном плане пусть и в центральной газете), а вопрос: "Что это у вас там, ребята, происходит?" Москва читывала и не такие тексты, она уже привыкла ко всякого рода вольнодумству. Да и не такими уж антисоветскими были те стихи Шевчука. Скорее всего, тут сыграл свою роль Юрин голос, так напоминающий голос Высоцкого. Власти только что избавились от непокорного барда, вроде и антисоветчины не писавшего, а так картинку из жизни нарисует, что прямо под дых всему строительству развитого социализма! Они его как-то дотерпели. Только ушел, успокоились и на тебе, новый выискался: и голос похож, и поет что-то "лица не общим выраженьем". Вот и задала столица вопрос своим уфимским заместителям, так, для профилактики. А те не справились с этническими особенностями своего характера и принялись кроить лбы без оглядки. Юрина будущая жена Эльмира принялась... собирать подписи в защиту любимого человека. Она танцевала в ансамбле. Так за эту ее личную акцию весь ансамбль не пустили в поездку на фестиваль! С другой стороны, машина, запустив себя, сама уже не могла без приказа свыше остановиться. Она накручивала сама себя и уже сама себе верила: да, националист, антипатриот, антисоветчик. Фактов нет? А зачем свою Уфу периферией обозвал? Мы - столица Башкирии, а никакая не провинция! Что еще за пьяные дембели? Что у нас, больше писать не о чем? И про Пушкина зря, он на самом деле это про Политбюро придумал, только маскируется, гад! И вообще, почему татарин на лицо а фамилия Шевчук? Взял бы псевдоним соответствующий, как положено, да песню типа "Расцветай под солнцем, Грузия моя" про славную Башкирию написал. Так нет же, отщепенец! Господи, в чем мы все столько лет жили... А в чем живем? Но сие есть скорее общая расстановка сил в той России, в коей начинался "ДДТ". Политический строй готовился к уходу, отпущенное ему семидесятилетие завершалось. Со стариками Политбюро уходил тоталитаризм. Но он еще об этом не знал и на последнем издыхании крутил гайки изо всех своих последних сил. Лет через пять, со смертью Брежнева, начнется агония. Но Уфа не изменится. Как в свое время на всякий случай она отложила на память знамя ислама, так со временем она свернет красное знамя коммунизма, но не выбросит, а так же на

всякий случай сложит в свои сундуки, строя уже башкирский капитализм. Уже не на первом году очередной великой перестройки нашей российской жизни "ДДТ" получит не одну оплеуху из Уфы. Группу буквально вышвырнут после очередных гастролей из самолета в уфимском аэропорту, чтобы... посадить на рейс "лиц кавказской национальности", вероятно изрядно заплативших, чтоб с любимым артистом города можно было вести себя так по-свински.

Мало того, музыкантов тут же арестует милиция и немало времени продержит в отделении. Потом, правда, приедет высокий милицейский чин и принесет извинения. Но так, сквозь зубы, на всякий случай... Во время гала-концерта на уфимском стадионе та же милиция в касках, с дубинками устроит настоящее избиение зрителей, попытавшихся выразить свои симпатии "ДДТ" попыткой пожать руки Шевчуку. В то лето под Уфой случилась жуткая трагедия - столкнулись два пассажирских поезда. Местная пресса просто изошла истошным воплем: "Караул, такая страшная трагедия, вся Башкирия в глубочайшем трауре! Народ скорбит, а Шевчук устраивает на стадионе праздник! Караул! Кошунство!" И никто не написал ни строчки о том, что весь сбор от концерта ребята "ДДТ" передали в фонд помощи пострадавшим в той катастрофе. Впрочем, упоминать о каких бы то ни было перечисляемых суммах, тем более столь крупных, как сборы от стадионного концерта, было не в интересах уфимских жуликов: чего доброго, еще спросят: "А деньги где?" И придется отвечать, тогда как известно, что на создании подобных фондов наживаются разного рода присосавшиеся мерзавцы, пострадавшим же перепадают даже не крохи... Наташа Шевчук в разговоре призналась: - Я очень люблю, когда Юра приезжает домой. Но, когда он в очередной раз собирается в Уфу, у меня всегда опасение: опять что-нибудь будет не так, поскольку не было еще ни одних гастролей, прошедших гладко. Уфа улыбается Юре, но с оскалом. У меня сложилось впечатление, что ему ничего не простили и не прощают...

Что же никак не может простить Шевчуку уфимский истеблишмент с тех самых "красных" времен? Уж не национальные ли чувства этих граждан задел тогда еще юный поэт? Слишком рьяны были во время уфимских гонений крики, что своей "Периферией" Шевчук оскорбил народ, оболгал любимую процветающую Башкирию, не меньше! И деревни у них там не грязные, и солдаты именно у них не пьяные. Именно об этом кричали отклики "простых башкиров" со страниц республиканских газет в статье "Когда срывается маска". Между тем, кроме старых членов различных союзов, как-то: писателей, композиторов - большинство откликов шли за подписями молодых уфимцев, школьников, только что демобилизовавшихся парней. Все они до сих пор живы, только уже взрослые. Между тем Шевчук, вовсе не лишаящий своего раннего творчества элементов эпатажа (достаточно вспомнить образ "свинья на радуге", что уже само по себе в советские времена воспринималось оскорблением, скажем, общественного вкуса), в "Периферии" не отступил от действительности ни на пядь, ибо писал те картинки с натуры, поскольку работал в то время на маминой родине, в деревушке Муртазино, в татарской школе, где педсоветы шли на татарском языке. Он не знал татарского, но жизнь татарской деревушки раскрылась перед ним во всей своей нищете и скудности. Он оставил учительство потому, что директор школы воспротивился его участию в... "Золотом камертоне" и жестко поставил вопрос: либо репетируешь, либо детей учишь... Ну что вы, разве могло быть в такой башкирской деревне, как в песне: "Мы вам водку, вы нам баранину"?! Оболгал,

оболгал родную деревню, милую Уфу, любимую Башкирию! Такие вот "особенности национального характера", такие страсти...

Череповец - Свердловск – Москва

И Юра уехал из Уфы. В общем-то у него уже была приличная творческая биография: годы бардовских опытов, собственные стихи, песни под гитару на студенческих вечерах и фестивалях, колымская эпопея, опыт ресторанного музицирования, победа на шумном столичном фестивале, сольные концерты с собственной сольной программой в ансамбле единомышленников, два полновесных музыкальных альбома, игра на одной площадке с первыми именами официальной эстрады, телепередача, газетная буря, заинтересованность московского неформального богемного истеблишмента, любовь земляков и борьба со службами государственного режима, наконец! Ему уже аплодировали и пяти- и десяти-тысячные залы. А парню всего-то недавно шлепнул "четвертак"... Что еще могла дать ему периферийная Уфа? Наверное, что-то, но - крохи. Основное тут уже произошло, случилось. Все дальнейшее всего лишь повторение с более-менее переменным успехом. Интуитивно он и сам это чувствовал. Уфимский скандал лишь стал катализатором естественных событий. Он просто оказался выброшенным снова из города в другую, вовсе не изведанную среду. В иную жизнь. Как когда-то на Колыму. Только теперь жизненный и творческий багаж был посерьезнее. Но и ехал он не в патриархальную, немного наивную и бесхитростную глубинку, где все ясно с первого шага.

На "Камертоне" он познакомился с музыкантами череповецкого ансамбля "Рок-сентябрь". Их руководитель Вячеслав Кобрин предложил Шевчуку работу в своей группе - на очень хорошей по тем временам аппаратуре. (При этом Юрия "склонял" к сотрудничеству еще и маститый композитор Андрей Эшпай, но приставка "рок" в названии череповецкой группы сыграла свою судьбоносную для Шевчука роль.)

В декабре 1982 года Шевчук и Сигачев оказались в Череповце.

Однако запись альбома произошла лишь спустя месяц, когда безденежные уфимцы, сильно похудев, буквально заставили Кобрина заняться делом.

Альбом был записан быстро и стал самым "тяжелым" - в музыкальном смысле этого слова - для Шевчука. Сигачев даже назвал его "металлическим".

Одна из песен нового альбома, "Они играют жесткий рок", благодаря индустрии подпольных записей стала вскоре очень популярной.

Но из Череповца Шевчук и Сигачев сбежали незамедлительно.

В те же времена судьба забрасывала Юрия и в Свердловск.

Здесь Шевчук играл вместе с культовым ансамблем "Урфин Джюс". Проект назывался "Глобус". Вместе с Пантыкиным сотоварищи играли на танцах в Центральном парке культуры и отдыха имени Маяковского. По словам Пантыкина, пели "Малиновки слышав голосок..." Шевчук эту "Малиновку" спел так, что их тут же выгнали с танцплощадки!..

В Свердловске Юра бывал не раз. Это особый город, третья столица рок-музыки СССР. Если, скажем, Уфа в этом плане прославилась только тем, что в ней начинал творческую жизнь Юрий Шевчук, то заслуги Свердловска в истории отечественной рок-культуры просто несоизмеримы. Теперь всей стране известны такие свердловские рок-гранды, как "Наутилус Помпилиус", "Агата Кристи", "Чайф", "Настя", "Урфин Джюс", а в те времена ими гордилась разве что сама свердловская молодежь. Но столько творческих личностей плюс студенческое окружение города с интеллектуальным уровнем выше среднего - это уже культура. Шевчук целое лето провел в самом сердце, мозговом центре этой культуры. Юрий искал место,

Мекку вынашиваемой религии "ДДТ", но город, где закончилась жизнь последнего русского царя, таковым не стал.

Москва, Ленинград... Поэт надеялся, очень надеялся на Москву. Но случилось то, что случилось.

В 1985 году созрел материал для очередного альбома. Юра назовет его "Время". Нового состава "ДДТ" еще нет, и он пригласит для записи своих старых уфимских друзей - музыкантов. Откликнулись только Нияз Абдюшев и Владимир Сигачев. Писались в студии "Коробейников" на "Серпе и молоте". В памяти были совсем свежи уфимские события, и, соблюдая конспирацию, они даже не называли имени Шевчука. И, пока писали "болванки", старались, чтобы не прозвучал голос Юрия. Но однажды он все-таки запел. Началось то, чего опасались: музыканты "Коробейника"... арестовали записи. И даже объяснили свои действия: "Ни за что не можем отдать эти пленки. Нам еще жить охота..." Ребята выцарапали эти записи с огромным трудом. Альбом состоялся. Это было в 1985 году. Последний раз, когда он работал со своими прежними друзьями по "ДДТ". В Москве еще происходили какие-то "квартирники" (концерты в частных домах, излюбленный способ времяпрепровождения московской богемы в конце восьмидесятых), но Шевчук уже понял - это не Мекка его религии. Даже с пропиской возникли непреодолимые трудности.

С Москвой было покончено. Нет, Юрий Шевчук, конечно же, будет постоянно возвращаться сюда "на белом коне" очередной программы "ДДТ", с блеском демонстрируя размах воздействия на людские души его музыкальной религии, не важно в какой русскоговорящей точке звучат его песни. Но Москва ведь Вавилон. Тут слишком много конфессий, и не только музыкальных. Питер терпимее, на квадратный метр его площади меньше апостолов, чем в первопрестольной... Впрочем, сие опять же не есть факт бесспорный. Никто не ведает, какой сгусток обстоятельств творческих, бытовых, финансовых и прочих оставляет поэта в определенном месте земли.

Тогда, в 1985 году, Юрий написал следующее стихотворение:

Осень - мертвые дожди,

Осень - ранние морозы,

Задубевшие березы ковыляют по Руси.

Осень - ржавая листва,

Оплевавшая дорогу.

Осень - смертная тревога для любого старика.

Я татарин на лицо

Да с фамилией хохляцкой.

Отчего ж в тоске кабацкой угодил под колесо.

Я зарезан без ножа.

Я прострелен, но не пулей.

Вы мою свечу задули. Осень - темная душа.

Небо рвет слепая муть.

Отчего ж ему я каюсь?

Скоро, думаю, отмаюсь:

вместо крови в жилах ртуть. Сладка мудрость языка. Поэтичная химера. Этой твари нету дела до хрипящего меня...

(Текст приводится по рукописному списку стихов, сделанному Ф.А. Шевчук.)

Таким он покинул Москву. Таким въехал в Питер.

Ленинградский эмигрант

Появлению Шевчука на берегах Невы способствовало многое. Что бы ни говорили нынешние рок-исследователи, какие бы изыскания в пользу первенства Москвы в истории рок-культуры ни приводили, надо однозначно и четко воздать должное исторической справедливости: Меккой отечественной рок-музыки 80-х был Ленинград. Санкт-Петербург 90-х слегка утратил эти свои неоспоримые позиции. Ленинградский рок-клуб почил вместе с Ленинградом. Но присутствие на невских берегах таких культовых фигур, как БГ и Вячеслав Бутусов придает рок-движению в городе некую фундаментальность. Однако если эти реликвии, находясь в вялотекущем творческом состоянии, олицетворяют собой скорее славу былую, то совсем иное дело, жизнь в Санкт-Петербурге Юрия Шевчука. Созданная им музыкальная религия позволила некогда уфимскому музыканту стать сегодня оплотом всего существенного, что происходит в Мекке российского рока на Неве. Под знаменами "ДДТ" тысячи юных рок-музыкантов и сотни тысяч приверженцев рок-культуры вообще и творчества Шевчука в частности. Именно они заполняют не только залы, в коих выступает их культовая группа, но и по первому же намеку забивают стадионы, на которых под патронажем Юрия Юлиановича проходят большие музыкальные съезды юных рокеров, именуемые фестивалями. По сути дела, Юрий Шевчук сегодня в Питере даже не король, не папа, не звезда рок-н-ролла. Он нечто большее чем целый, некогда так знаменитый, Ленинградский рок-клуб. Рок-клуб в свое время в многомиллионном городе мог создать жуткий ажиотаж вокруг бесплатного нового зрелища - рок-фестиваля в зале на пятьсот, ну от силы тысячу мест. Причем особое столпотворение творилось на выступлении музыкантов, уже известных питерскому андеграунду. Собрать же из года в год в том же городе массовые фестивали на стадионе, вход куда далеко не бесплатный... Причем на выступление малоизвестных исполнителей - только потому, что их считает хорошими молодыми музыкантами Юра!!! Но вернемся мы к едва ли не самому безденежному, самому мучительному, но, должно быть, и самому творческому и счастливому, несмотря на все перипетии, времени в жизни поэта.

Не на пустое место приехал Юрий в Ленинград. Среди его уфимского окружения был хиппи по кличке Джимми. Он настолько чувствовал себя своим среди ленинградских хиппи, что в конце концов перебрался жить в город на Неве окончательно. Какое-то время он помогал Юре получать музыкальную информацию - новые альбомы питерских корифеев рок-музыки: "Аквариума", "Зоопарка", "Россиян", "Странных Игр", Юрия Морозова. Этому Джимми очень импонировало несколько ироничное отношение Шевчука к демонстрируемой музыке. Это в свою очередь вызывало у Джимми надежду, что ему будет чем музыкальным, уфимским, козырнуть перед столичными коллегами по тусовке. Так и было. Из питерского Шевчуку нравились разве что "Зоопарк" да "Россияне", но его собственная музыка была абсолютно иной. Джимми получал новые шевчуковские записи, оформлял коробки под пленки (если так принято в столицах, чем провинция хуже? К слову, на настоящие обложки, те, что делал мастер Вилли "Аквариуму", это походило мало - так, случайный материал. Об оформлении своих альбомов Шевчук задумается гораздо позже, уже в "пластиночную" эру записи "ДДТ". Пока же Юре не до того - стихи и музыка льются потоком, записать бы...) и отправлял своим питерским (и не только) знакомым.

Чаще всего эти пленки оказывались у тогда уже питерского человека Володи Кузнецова. Именно у него и остановится на какое-то время Шевчук, когда задумает совсем перебраться в Питер. Джимми же сведет Юрия с еще одним питерским хиппи - Геней Зайцевым. То будет очень существенное знакомство. Но, скорее всего, никакие знакомства не заставили бы Шевчука осесть в этом городе, если б не главное: он чувствовал, что именно это место и этот город наиболее благоприятны для его музыки, его религии.

Здесь, правда, и своих мэтров хватало. Однако существовало и то, чего он никак не мог найти в иных городах и весях - масштабная, полновесная, разношерстная, очень энергичная и очень живая рок-среда. Она уже всю была подготовлена до него творчеством этих самых питерских рок-мэтров, закалена подпольными рок-сейшенами, выпестована Ленинградским рок-клубом, взбудоражена легендарными рок-фестивалями, увенчана ореолом признания и восхищения поклонниками рок-культуры всего тогдашнего Советского Союза. Это была его стихия. Здесь была подлинная РОК-КУЛЬТУРА, а не просто расширенная компания неплохих музыкантов, готовых играть сегодня на танцах, завтра в кабаке, а в промежутке давать рок-концерты. Не понять, не почувствовать такое было невозможно. И Шевчук остался в Пи-

тере. Окончательно его "эмиграция" была оформлена в 1987 году, но первое более-менее серьезное знакомство с невской рок-культурой состоялось двумя годами раньше. Джимми получил у президента Ленрок-клуба Коли Михайлова билеты на фестиваль для свердловских музыкантов и Шевчука. Владимир Кузнецов, помогавший выстраивать фестивальную звуковую сцену, запомнил Юру на фестивале без бороды и хмурым. Примечательно не то, что происходило в течение тех трех фестивальных дней в зале на улице Рубинштейна, где когда-то танцевала балерина Павлова, а ныне всю резвилось рок-поколение, а что случилось вне рамок третьего питерского рок-фестиваля. А произошло следующее.

Джимми и Гена Зайцев работали в котельной у Московских ворот. Такой особый шик был тогда у питерского андеграунда - топить котельные печи. Можно, конечно, и дворником, но зимой в котельной теплее. Опять же есть куда ночью пригласить друзей по тусовке: выпить вина, поиграть, а то и сейшен устроить. Одна из питерских котельных - та, в которой работал Виктор Цой, давно стала культовым местом российского рока. А в котельной у Московских ворот работали два известных хиппи, один из которых всячески убеждал Шевчука остаться в Питере, а другой станет первым ленинградским директором "ДДТ". (Первый впоследствии признается мне: "Единственное, что хорошего я сделал в рок-н-ролле, хоть работал с многими группами, так то, что настоял: "ДДТ" должен базироваться в Питере").

После фестиваля Джимми и Гена пригласили к себе просвещенную рок-тусовку. В результате зальчик дома, при котором состояла котельная, оказался просто забит "своими людьми". Пришедшие стали свидетелями первого выступления в Питере Юры Шевчука и Саши Башлачева. Надо ли говорить, что в атмосфере благожелательности все прошло на ура! Питер Шевчука еще не узнал, но избранные уже слышали его "вживую" и были благосклонны. Теперь по этому поводу можно ерничать, но в ту пору любой штрих, отклик, отзвук - все было не безразлично. На том сейшене Шевчук познакомился с Геней Зайцевым, рьяным почитателем "Россиян". Вскорости состоялось и знакомство с лидером этой группы

Жорой Орда-новским. Именно на аппаратуре "Россиян" при активнейшей помощи "россиянина", будущего звукооператора и сооснователя питерского "ДДТ", а ныне главного финансового координатора и директора уже Театра "ДДТ" - Жени Мочулова - пройдут первые репетиции Шевчука. Но все это произойдет, когда Жоры Ордановского уже, увы, не будет... А в котельную у Московских ворот Шевчук станет захаживать и даже как-то приведет выдавшую виды питерскую рок-тусовку в полное изумление и восхищение чтением стихов.

Нелепо думать, что Шевчук просто так обрелся в большом городе, наслаждаясь общением среды, с коей прежде не был особо близок. Собственно, в элиту рок-клуба или, скажем, в компанию "небожителя" питерского рок-н-ролла Гребенщикова или тех же апологетов "новой волны" он вхож так и не стал, да не шибко-то, судя по всему, и стремился. Корни его творчества были уже крепки, основательны. Оставалось облечь религию в подобающую форму. Наблюдение за кипением питерского "рок-котла" привело Шевчука к выводу, что самое главное, чего "в этом супе не хватает" так это... музыки. Настоящего, добротного профессионального звучания. И то верно - игра лидеров Ленрок-клуба даже на фестивалях грешила всяческими ляпами, звуковой "грязью".

Часто и небезуспешно откровенная "лажа" выдавалась за поиски нового звука. На каком-то этапе это оправдывалось, поскольку редкая группа клуба не имела обоймы собственных находок. Они же открывали для страны "эсэсэсэрии" целую планету "Рок-н-ролл". Принцип: "Главное - вперед, а остальное и так сойдет! Мы - рушим и прорываемся, создавать будут следующие!"

Шевчуку столичное поветрие было чуждо. Парень из провинции, он к тому времени не так уж много слышал "живой", концертной андеграундной музыки, в коей как раз и царила безалаберность. На записях же рок-ансамбли всеми силами старались избегать "лажи". Думается, Юру изрядно озадачил непрофессионализм ленинградских рок-групп, играющих "вживую". Ребята позволили себе с водой выплеснуть и ребенка. Шевчук же, в силу собственных уже устоявшихся представлений о музыке, так поступить не мог. Напротив, качественное музыкальное звучание стало составляющей его религии. С этого постулата все в его ленинградской жизни и началось. Определив главное, Юрий начал искать не музыкантов вообще, способных, к примеру, разделить бытовые тяготы первоначального периода становления группы - в таких людях в Питере недостатка не было. Твердое стремление к хорошему качественному звуку во многом определило его выбор. Шевчуку были просто необходимы грамотные, профессиональные музыканты. Минуточку! Важно не перепутать: не профессиональные исполнители его песен, а профессиональные музыканты с собственным творческим мышлением. Можно все что угодно говорить о творческом деспотизме лидера "ДДТ", но уже тогда он искал и нашел, собрал в группу не таких уж единомышленников, а музыкантов неординарных, с собственным видением мира, своими музыкальными пристрастиями, отличными от музыкальных вкусов самого Шевчука. Он создавал творческий котел, в котором ему хотелось бы варить свою музыку. А просто раздавать партитуру и дирижировать послушным оркестром ему как раз хотелось меньше всего.

"ДДТ". Второй созыв

Шел 1986 год. Возможно, затянувшийся было период размышлений и сомнений завершился на рок-фестивале на Невском.

Шевчук не пропускал ни одного выступления, он советовался с Володией Кузнецовым, кого можно было бы пригласить в свой коллектив.

После выступления "Аквариума" Шевчук

дождался Гребенщикова, чтобы поздравить с успехом. Тот даже не взглянул, просто кивнул походя. БГ торопился в компанию вице-консула Швеции...

- У Юры сразу как-то стих голос, - вспоминает Кузнецов. - За долю секунды. Мы отошли... Мне кажется, эта встреча Юрку просто завела, хоть сам он никогда больше о ней не вспоминал.

Владимир Кузнецов оговорился, что это его личные ощущения. Но именно с того момента жизнь вокруг проекта "ДДТ" в Ленинграде всюду взбурлила. На фестивале Юра переговорил с Женей Мочуловым, в результате в его распоряжении появился не только весьма приличный комплект аппаратуры, но и небольшой коллектив звукооператоров, готовых помочь в шевчуковских начинаниях. В институте, в котором работал тогда Евгений, нашлось и репетиционное помещение.

Дело стало за музыкантами. Объявлять конкурс в ансамбль "ДДТ" было бы уж совсем по-советски, так рок-группы не создаются, так собираются гастрольные шабашники. С иной стороны, "ДДТ" уже не был такой уж незаметной группой - в ее фонде существовала серия концептуальных музыкальных альбомов музыки Шевчука. А на знакомый огонек, известно, кто только не несся... Короче, массовых прослушиваний не устраивали, не тот случай. Просто знакомые приводили на репетицию своих знакомых. Музыкантов, естественно. Так создался ансамбль: Игорь Доценко, Вадим Ку-рылев, Андрей Васильев, приехавший в Питер Владимир Сигачев, Евгений Мочулов. Юрий Шевчук сделал свой выбор на следующие десять и более лет. Правда, Сигачева с ними скоро не станет. Говорят, они с Юрой друзья, но... не сошлись характерами. А может, истина жестче? Дело в том, что в новом "ДДТ" не осталось никого из уфимского окружения. Уфимская страница истории была закрыта. Шевчук внимателен к людям из прошлого "ДДТ". Он встречается с ними, приглашает на концерты... Но однозначно бескомпромиссен по отношению ко всему, что не способствует его творчеству.

Поэтому необходимо подробнее рассказать о тех новых людях, что продолжали историю "ДДТ" уже в Питере.

Игорь Доценко. С "ДДТ" познакомился во втором классе в городе Калуге. Это не оговорка - просто имеется в виду не группа, а химическое вещество. До сих пор помнит его запах: завшивленность была страшная, их стригли наголо, проводя санобработку. С пятого класса Игорь стал полным разгильдяем и жутким драчуном. Но на "огоньках" старшеклассников ему позволялось перекрутить пленку и "оперировать ручками" магнитофона. Родители тягу сына к музыке оценили и заплатили за обучение в соответствующей школе по классу баяна. Сын родительскую заботу не оценил, дал на уроке сольфеджио по лбу какому-то плаксе, а потом месяца три катался вместо занятий на кольцевом маршруте автобуса, а дома давил на кнопки, извлекая на свет божий звуки единственной выученной мелодии -украинской "Сусидки", убеждая маму, что велено 90 дней... оттачивать

мастерство! Но однажды на вечер старшеклассников впервые пришел живой ансамбль.

- Я просто припух. От барабанщика же совсем ошалел. У меня началось не то чтоб помешательство: просто ходил и все время шлепал по коленям - ритм выбивал. Не откладывая в долгий ящик, на Масленицу Игорь пришел в Дом пионеров: где тут у вас оркестр? Его отправили в духовой. Чтобы играть в ансамбле, надо было дудеть в духовом. Кларнет и саксофон поддались. Но первая любовь уже не оставляла надежды другим претендентам - барабаны не оставили ему выбора в этой жизни. Для первой установки он "умыкнул" пионерский барабан из пионерской комнаты. Для второй занял у тети 200 рублей, спрятав в носок, довез до столицы и... перезнакомился за одни сутки со всей Москвой "кабацкой", но купил! И сам сел играть в калужский кабак в... восьмом классе. Ему было четырнадцать лет. В первый же вечер его накачали водкой. Следующие десять лет он ее в рот не брал.

У Доценко в ту пору, как он говорит, было три жизни: музыкально-дворцовая, кабацкая и уличная. Каждая из этих жизней существовала как бы сама по себе и делала собственные повороты. В день, когда комиссия по делам несовершеннолетних в очередной раз вlepила маме штраф 50 рублей за его уличные проделки, Игоря пригласили работать... в филармонию!

Музыканты филармоний тех лет не просто гастролировали - их мотало от края до края огромной шестой части суши. Мотало и носило не только по городам, городишкам, селам и деревенькам.

Они меняли ансамбли, филармонии, но никогда - саму эту сумасшедшую гастрольную жизнь. Жизнь была столь хороша, что ради нее можно было терпеть любые лишения. Когда Игорь попал в Актюбинскую филармонию и по каким-то причинам надолго задержали аванс, то, чтобы выжить, музыканты ансамбля... нашли себе барышень. Барышни таскали музыкантам какие-то съестные запасы из дома, которые тут же складывались в общий котел, и варился поздний ужин. Чего только не увидел Игорь на просторах Советского Союза, с кем только не играл. "Там, клен шумит" помните? В ансамбле «Синяя птица» он тоже постучал на барабанах. С «Синей птицей» появился на телеэкране, после чего отец переел называть его иронично «барабанными палочкам» и зауважал. Песни Антонова тоже помните? И у не Игорь работал барабанщиком. Со всей этой вечно юношеской веселой жизнью Игорь Доценко покончил, когда достиг возраста Иисуса Христа. Осел на берегах Невы, зажил семейной жизнью, устроился... подпольным помощником официального фотографа. Место денежное, течение дней размеренное. И это после двадцати лет музыкального сумасшествия во всех красках?! И хоть считал Игорь Доценко, что музыкальная юность оставила его навсегда, да только сам все ниточки с музыкальным миром не оборвал. Точнее, прежние оборвал, а новые завел. О приезде корифея из Уфы Игорю сообщил знакомый ударник одной питерской группы. Он же дал Жене Мочулову домашний телефон Доценко. Вот как все это комментирует сам Игорь:

- Заходят в дверь двое. Один жутко высокий (я подумал, что Шевчук), второй пониже: Сережа Брок и Юра Шевчук. Принесли бобину с записью. Было это в сентябре 1986 года. Мне филармония обрыдла, гастролы обрыдли и эстрада обрыдла. Самоделка так самоделка. Мне было по фигу - где и с кем, лишь бы играть. Просто спросил у Юрки:

- Создашь группу, собираешься в филармонию?

- Ни в коем случае!

Это меня вполне устраивало. Через два месяца встретились на станции метро "Площадь Александра Невского". Помню, долго ждали еще одного, басиста... Ждали они тогда Славу Задерия по кличке Алиса. Он как раз только что ушел из некогда созданной им "Алисы", не поделив что-то с пришедшим в группу москвичом, ярким рок-н-рольным человеком Константином Панфиловым-Кинчевым. Из "Алисы" ушел, но и на встречу с лидером "ДДТ" не пришел. Ушел вообще в историю питерской рок-музыки... С басистом у группы вообще долго была беда. Чего стоит только следующий эпизод, поведенный Игорем Доценко:

- Репетировали вдвоем. Начали с композиции "Церковь без крестов". Были хреновые барабаны и гитара - самоделка синего цвета с фирменным "фендеровским" датчиком. На ней играл Жора Ордановский. Без басиста было плохо. Как-то появился такой скромный, играл потихоньку: пупу, пупу... Мы с Юрой: "Ты можешь струны щипать сильнее?!" Попытались сыграть "Церковь", "Террориста", "Хиппанов". Он бил да бил... Репетиция кончилась. Юра, потирая руки: Завтра снова?

Басист собрал бас в чехол и показал руки - все в крови!

- Извините, ребята, я такую музыку не люблю...

Басиста, того, настоящего, какой нужен был Юре Шевчуку и всему новому "ДДТ", привел Женя Мочулов. Правда, Вадик Курылев вовсе не был "упертым" бас-фаном. Скорее уж гитаристом, еще точнее - мультиинструменталистом, поскольку в армии, еще в 1980 году записал два собственных альбома. Удивительно скромный для рок-эпохи человек в ту пору вовсе не обратил ничьего внимания на эту, сочинительскую, сторону своего творчества и долгое, невозможно долгое время не решался явить рок-н-рольному миру собственные проекты. Да, скорее, в том не было и особой надобности, ибо "ДДТ" оказался его единственной и самой верной музыкальной любовью. Знающие люди поговаривают, что и бас-гитару Вадим взял в руки скорее оттого, что группе позарез нужен был именно бас-гитарист. Вадика же музыка "ДДТ" с самого начала казалась серьезной, стоящей и настоящей. Доценко и Курылев, ритм-секция группы, ее музыкальная основа, оказались для Юрия Шевчука не первым, но счастливым питерским подарком. Не меньшим, чем сам он для Питера. Обновленный "ДДТ" начал жить.

Но настоящий Петербург пришел в "ДДТ" вместе с Андреем Васильевым. Ему слово:

- В корнях у меня много чего намешано, даже Миклухо-Маклай есть. Я коренной ленинградец, в котором поколении, не упомяну. У нас все питерские люди. На Васильевском, на улице Наличной, где я родился, родилась и выросла моя мама. Здесь с папой познакомилась. Здесь же они и блокаду пережили.

В четыре года мама обнаружила у меня слух и повела на скрипку. Папа рассердился:

- Вы что, из моего сына еврея хотите сделать?!

Расколошматил скрипку вдребезги, и до восьми лет я ничем не занимался. В восемь лет меня отдали в класс аккордеона. Естественно, сразу же последовали дворовые разборки. Идешь по улице с папочкой: на одной стороне портрет Петра Ильича Чайковского, на другой Александра Сергеевича Пушкина? За это надо отвечать... Наш район вообще отличался криминальностью - за улицей Наличной шла коса. Там жили бандюги и бомжи. После шести вечера и близко никто не

появлялся. Тогда в Питере было два самых страшных места: Лиговка и Гавань. Хулиганье отборнейшее. Встречался ли я сам с этим? Встречался. С 17 лет таскали в милицию. Не в заслугу же это себе ставить...

До восьмого класса я учился нормально. А потом началось повальное увлечение гитарами. Из окошек тогда звучало много английского, напечатанного рижанами. Самый шик, особенно летом, у кого громче динамик на окошке. Первые шлягеры я с окошек и услышал.

В армии я учился играть и чуть-чуть не закончил экстерном культпросветучилище, потому на гражданку вернулся весь из себя "джаз-роковым". Новая музыка "Машины времени", звучащая на концерте в 1980-м году, мною была воспринята как просто падение идеалов. В музыке я вовсю был псевдоэстетом. Терпеть не мог расстроенных гитар, небрежности в аранжировках... И концертная запись "Кино" была воспринята следующим образом: батюшки, разве можно так вообще обращаться с музыкальным материалом?!

Васильев весьма своеобразно попробовал сотрудничать с многими группами - занимался аранжировками. Родители не вынесли богемного существования богемного сына, и произошел размен. В результате Андрей оказался в отдельной комнате коммуналки, где "с пагубными пристрастиями тихо влачил свое существование", когда в 1986 году ему позвонил Женя Мочулов:

- Хочешь поиграть "новую волну"?

Ну какая, к черту, "волна" в "ДДТ" с хрипящим Юриным голосом! Как Васильев тогда остался в группе, он и сам объяснить не может. Но первое знакомство с людьми, с которыми уже больше десяти лет живет одной творческой жизнью, было весьма впечатляющим:

- Зашел я к ним, весь из себя такой тонкий, с покрашенными волосами, весь стимулированный и с вопросом: "А знакомы ли вы с Кастанэдой?" Естественно, от этих, с "хайерами", услышал все достойные ответы и решил: "Дай-ка попробую их сейчас "приколоть". И наиграл такое... Шевчук, услышав и увидев, был явно озадачен: кто это и откуда такое выпало? И первые мои два года в группе так и были "на уровне прикола".

Теперь их стало пятеро: Юра Шевчук, Женя Мочулов, Игорь Доценко, Вадик Курылев, Андрей Васильев. И Володя Сигачев, уже обосновавшийся к тому времени в Москве. Первая программа питерского "ДДТ" включала совершенно новые песни: "Церковь без крестов", "Террорист", "Конвейер", "Ленинград", "Слепой мальчик", "Революция". Из уфимского наследия зазвучали "Хиппаны", "Дохлая собака", "Ни шагу назад!".

Вскоре случился и первый концерт. Питерская жизнь началась!

"Буревестник" и миротворец

Началась- то началась, да первый блин вышел комом. Подвели распространители, оказались вовсе не рок - людьми, решили подзаработать и загнули непомерную цену билетов. В маленьком зале на триста мест на верхнем этаже какого-то предприятия собралось человек сто. В середине выступления загорелась аппаратура. Сгорело все что можно, но... звук от этого стал только лучше. Концерт был "вытянут" голосом Шевчука.

Голос всегда выручал его в критических ситуациях. Лишь однажды все вышло наоборот: группа гастролировала в Японии, а Шевчук застрял в Америке, не попав на нужный самолет. Отмена концерта сулила серьезные финансовые санкции и "ДДТ" вышел на сцену... без своего лидера. За Шевчука пели все музыканты.

Ничего, прошло. Откуда было японцам знать, что главного человека, чью музыку и голос они, собственно, и собрались слушать, на сцене вовсе не было?

А пока Юра жил в дальнем питерском углу - Веселом поселке, на улице Коллонтай, в квартире, которую снимал Джимми. С этой квартиры судьба их и разведет, да так, что бывшие приятели года полтора не пожелают видеть друг друга. Юра переедет к Володе и Люде Кузнецовым, будет еще квартира в Певческом переулке, комната на улице Скороходова и еще бог весть где. Это был период сколь творчески насыщенный, столь бытово неустроенный.

Вскоре в комнату на Скороходова приехала мама, Фания Акрамовна. Она уже однозначно решила быть рядом с сыном в его питерской эпопее.

Однако уфимские корки обрубались решительно и едва ли не последним оставалась...любовь.

Ее звали Эльмира. Юра и Эльмира сняли дворницкую в доме на улице Марата. Они уже знали: в положенный срок на свет появится плод этой любви. Но пока еще о чувствах не время, потому как сам наш герой больше в музыке и всем, что ее окружает, нежели где-либо.

...Питерские рок-музыканты устроили в рок-клубе концерт памяти Жоры Ордановского, легендарного питерского рок-музыканта, лидера группы "Россияне". Человек пропал без вести. Что с ним случилось - никто не знает до сих пор.

На мемориале Ордановского очень сильно заявила о себе "Алиса", взбудораженная вливанием "новой крови" - москвича Кинчева. "Алиса" вообще в том сезоне стала некой красной тряпкой для устоявшейся питерской рок-богема - слишком уж ошалевали на ее концертах зрители, слишком уж она противоречила своей энергичной музыкой питерским правилам умеренности. Плюс плакат-но-эпатажный внешний вид, публицистичный текст. А главное - просто стремительно росла армия фанов "Алисы", буквально опустошая ряды поклонников признанных питерских рок-мэтров. Но что было еще страшнее для эстетствующего неевского рок-общества, "Алиса" невольно вербовала в свои ряды полчища так называемых "гопников" (в Москве этих ребят из рабочих семей именовали "лохами"). "Мы вместе" скандировали они вместе с "Алисой", и мир рок - неприкасаемых рушился на глазах.

В питерском рок - мире назревал раскол, и со дня на день могла бы развернуться настоящая война фанов. Она бы непременно и случилась, уж слишком разные социальные пласты пришли в движение. Но - пронесло. Лицо питерского рока во многом спасло, как кажется вашему покорному слуге» появление "ДДТ", чьи музыка и тексты, ошеломив, примирили непримиримых.

Шевчуку вообще как бы предначертана миссия миролюбца. Когда он одним словом может успокоить разбушевавшийся зал дворца спорта, это понятно: все-таки зрители в какой-то степени приверженцы магии его творчества. Но он, не задумываясь, бросается мирить в спорах совсем иного порядка: после октябрьских событий 1993 года в Москве пишет песню "Правда на правду"; едет с концертами к российским солдатам, воюющим в Чечне, и к не остывшим от войны чеченцам. Не всегда все так уж успешно - оно и понятно: охраняющие концерт милиционеры обязательно залепят кому-нибудь из зрителей дубинкой, телевидение не покажет "Верой на икону", чеченцы пальнут в машину с концертной аппаратурой... И все равно Шевчук - миротворец...

Благо, что "ДДТ" заявил о себе лишь годом позже "Алисы". Одной войной, хотя бы рок-н-ролльной, в России было меньше. Впервые "ДДТ" и "Алиса" как раз и встретились на том самом концерте памяти Ордановского в Рок-клубе. И фаны, пришедшие покричать название любимой группы, не удержались и после выступления группы Шевчука скандировали: "ДДТ"! Правда, с появлением Кинчева взвилось: "Алиса!"

Но прорыв состоялся, питерцы бросились искать записи "ДДТ". Шевчук почувствовал это настолько, что, по свидетельству Игоря Доценко, однажды произнес:

-Джимми как-то сказал мне: "Ни хрена у тебя не получится, не соберешь ты в Питере группу. Никакого кайфа ты тут не словишь..." А получилось!

Уфимская страница была окончательно перевернута. Юрий еще будет, и не раз, возвращаться

в Уфу, но уже не за музыкой. Отныне музыка "ДДТ" творится в Ленинграде окончательно и бесповоротно.

Правда, то, что не понравилось уфимским властям, было не по душе и питерским начальникам. Под Новый год, когда пришло время поучаствовать в концерте художественной самодеятельности ДК "Буревестник", где группа репетировала, "ДДТ" виртуозно исполнили "Свинью на радуге".

В небе радуга висела, а на ней свинья сидела

И осолопевшим оком свысока на всех глядела.

- Эй, свинья, ты как сумела высоко так залететь?

Как на этом видном месте умудрилась усидеть?

А свинья мне прохрипела: "Ну и глуп же ты, приятель.

Не умеешь, дурень, жить: щас без блату не прожить.

Это что, один кабан мне на солнце обещал

Место теплое. Вот где заживу я как во сне..."

Полный мудрых наставлений я пошел своей тропой.

А по радуге стекали разноцветные помои...

Мастерство было оценено. И высоко художественность новогоднего сюрприза тоже. Наутро пришел грустный Евгений Мочулов и сообщил:

- Да, ребята... Надо нам искать новую репетиционную точку...

И новые властители юных питерских душ и сердец перебрались в красный уголок троллейбусного парка на улице Седого. Правда не надолго - в "Буревестнике" сменилась власть, и уже здесь они и готовились к пятому питерскому рок-фестивалю. Пожалуй, это последний андеграундный эпизод, на котором стоило бы остановиться еще и потому, что с той поры как бы и закончилась эпоха питерского

андеграунда. И не только питерского. Какое уж "подполье", когда рок вышел на стадионы! А по столичному бомонду поползут стойкие слухи: рок-провинция наступает...

Вот какой жирной точкой - и завершения и отсчета разом - суждено было стать пятому ленинградскому рок-фестивалю, после которого, кстати, развалился и сам Рок-клуб. Образней других тот фестиваль и собственные ощущения запомнил Игорь Доценко:

- На репетициях, когда оттачивали программу так, чтоб все просто отскакивало от зубов, решили на выступления других групп ни в один из четырех дней не ходить. Почему? Чтобы... не устать. На фестивале случилось много анекдотичных вещей, например, одна группа залила из огнетушителя аппаратуру... На пятый день мы появились, настроили звук. Из тех, кто работал перед нами, запомнил только имя Саши Башлачева (рок-бард из Череповца, покончивший жизнь самоубийством, - *прим. авт.*). Слушать его тоже не пошел, хоть Юра настоятельно советовал всем: "Идите, ребята, идите. Это фантастика. Настоящий поэт!" Но мне не хотелось. Уже была дрожь, как перед дракой. Внутренний мандраж. Само выступление не помню. Помню, как сел и встал, а что между - нет. Зато помню, как было потом. Чтоб добраться из туалета до гримерки, потребовалось огромное количество времени, потому как меня да и всех ребят буквально зацеловали, облизали. Я понял, что мы убрали всех своим выступлением и на этом фестивале нам нет равных. Юра сказал: " Не надо спортом заниматься".

Да мы там и не устраивали забег наперегонки с "Алисой" или "Аквариумом". После того как "ДДТ" сыграл рок-н-ролл, больше тут рок-н-ролл играть было некому. Нам сказали, что после нашего выступления Гребенщиков переворошил всю программу и сделал полуакустику. На нас смотрели, будто мы свалились из какой-то другой солнечной системы. Могу представить, что это было за выступление в их глазах. Бой быков. Я для себя считал, что пришел на войну, завоевывать Питер. Несмотря на то, что "Алиса" мне понравилась с первого выступления, надоело, что вокруг только и говорили: "Алиса", "Алиса"! Я бился за место под солнцем, понимаете? Первый раз. У меня никогда не было такого, ни в "Синей птице", ни в массе других команд, в которых переиграл. У меня даже осталось маленькое подленькое подозрение, такая мыслишка... На всех фестивалях Ленрок-клуба называли победителя, а на том не назвали. Не сказали, официально не объявили, что лучшая группа - это "ДДТ". Все было сыграно ритмично, четко по времени, чисто по звуку - очень профессионально, но мы были инопланетяне. Не питерские ребятки. Потому и не назвал питерский рок-клуб нас официально лучшей группой пятого питерского фестиваля. Такое вот ехидненькое подозренье...

Последним в этом первом составе питерского "ДДТ" стал Никита Зайцев. Это случилось уже после концерта памяти Жоры Ордановского. Судя по всему, у Владимира Сигачева были какие-то претензии к тому, как образовывался новый ансамбль, поскольку довольно часто ребята слышали от него на репетициях: "Это не могу, то не буду..." В конце концов это сильно разозлило Шевчука: он, как говорят музыканты, "психанул", и Сигачев с треском выехал из Петербурга! Группа же собиралась в дальние гастроли - в город Мегион Тюменской области. Посоветовавшись, приняли самое что ни на есть "советское решение": дать объявление в рок-клубе и расклеить в училище Римского-Корсакова сообщение о том, что "ДДТ" требуется гитарист. Так и сделали. Можно представить, что бы

творилось день и ночь, появившись такой листочек сегодня, а тогда, в 1986 году не было ни одного стука в дверь, ни одного звонка! То было время бума видеофильмов, вся "прогрессивная молодежь" ночи напролет просиживала за просмотром бесконечных потасовок с участием Джеки Чана и Брюса Ли. Пристрастился к этому занятию и Игорь Доценко. На этом поприще судьба свела его с еще одним известным питерским рок-музыкантом Геннадием Барихновским, который и узнал о печали музыкантов "ДДТ".

- А возьмите-ка вы Никитка, - предложил Барихновский. - он как раз из тюрьмы вышел.

- Как из тюрьмы?! - опешил Доценко.

- Да припаяли "наркоту". Статья "дважды два - четыре", то есть 224. Он классный гитарист и скрипач, играл в "Санкт - Петербурге" у Володи Рекшана. А как делает ритм-энд-блюз, просто фантастика!

Игорь рассказал о своих изысканиях Шевчуку и получил задание "выйти на связь" с этим Зайцевым.

Встретились Доценко и Зайцев накануне отъезда на гастроли. Разговор выглядел примерно так:

- Поскольку ты согласен, то вот завтра вечером и выезжаем в Москву, а оттуда в Тюмень.

- У меня сегодня куча дел, я очень занят...

Договорились встретиться завтра в семь вечера, но Никита пришел в десять, за час до отъезда, да еще и сообщил:

- Оставляю вам свою гитару, в Москву приеду следом за вами, а там как-нибудь встретимся.

Он просто забыл скрипку и помчался за ней...

В Москве перепутали номер телефона и еще долго перезванивались, прежде чем наконец-то встретились. Репетировали ночь в гостях, три часа в самолете. И отыграли с большим успехом. Кстати, этот зимний концерт в Мегионе можно вполне считать первым сольным гастрольным выступлением "ДДТ". Часовая программа 1986 года...

Андеграунд закончился. Началось время... пьянства.

Триумф и водка

Следующий период истории "ДДТ" смело можно назвать буйно-хмельным. У них все получалось, концерты шли потоком, драйв на сцене просто захлестывал и музыкантов и зрителей. Большие залы - немалые деньги. О куске хлеба не думалось. Стихи и музыка рождались задолго до того, как надо было делать новую программу. Триумф полный. Друзей море. Вино и водка доступны и дешевы... Рок-н-ролл бушует по всей стране!

"ДДТ", "Алиса"... и, кроме, пожалуй, "Наутилуса", что-то больше не припомню ныне здравствующих корифеев рок-перестройки, отмечавших новую эру бурно. Свидетельств тем событиям, в том числе фотоснимков и видеопленок, достаточно. Однако бытописания из уст очевидцев, до сих пор переживающих происшедшее, ярче любой видеокартинки. Мы коснемся только одного эпизода, точнее, питерского места, в котором довольно долго прожил поэт и которое стало свидетелем многих перемен в его жизни.

Квартира на Синопской набережной, в просторечье - "Синопка". Она поразила экс-оператора "Наутилуса" и питерской студии звукозаписи "Телевизор" Андрея Макарова, когда-то озвучивавшего выступления Шевчука в студенческом клубе Свердловска.

- Я уже переехал в Питер, - вспоминает Макаров, - и как-то столкнулся с Джимми, собиравшимся к Шевчуку. У того был период дикого запоя. Поехали вместе. Гигантская квартира на Синопской. Куча людей. Мечутся какие-то полупьяные полутелохранители, полувывишбалы, недоменеджеры, какие-то земляки из Уфы и еще бог весть кто. Все это напоминало сцену о Гришке Распутине из фильма "Агония", когда гигантская запущенная квартира и ощущение будто все просители. Тоже все по углам бегают:

- Шу-шу-шу, тихо, Юра спит.

И всем что-то надо: просят, сидят и ждут. Стол, абажур с кистями. Мы тоже сели под этот абажур ждать. Вышел абсолютно зеленого цвета Шевчук. Неузнавающим взглядом посмотрел на всех и ушел. По-моему, он и Джимми-то не узнал. Это было сразу после концерта, на другой день, что ли...

В доме на Синопке поселилась и Фания Акрамовна.

- Я прожила в Ленинграде месяц и вернулась домой, в Уфу. Но уже тогда хотела быть рядом с сыном. Особенно смущало... рок-окружение. Ничего не имею против него, но когда каждый идет с бутылкой и каждый хозяин в комнате моего сына, а таких друзей полным полно, то это уже не окружение, а безобразие. Я всю жизнь билась за то, чтобы мой сын имел условия для творческой работы, и теперь решила находиться рядом: кормить, готовить, стирать. И убирать ненужных людей, насколько мне это позволял Юра. Впрочем, праздных собутыльников я разгоняла строго. На Синопской я жила наверху, а Юра в квартире внизу. Шум, гам, гвалт. Спускаюсь:

- Юра, что это?

- Образ жизни рок-музыканта, - ответил присутствовавший Джимми.

Таким рокерам я уступить не могла. Юре не нравилось, и он сердился. Но я видела: Юрино окружение не бережет его и билась за своего сына как могла и как умела. Правда, я потом узнала, что Джон Леннон тоже вел кошмарный образ жизни. Ему помогла Йоко Оно, настоящий друг...

Но что бы ни говорили теперь, то был все-таки счастливый период пьяно-творческого запоя. Хотя масштабы хмельного процесса явно пугали непосвященных. Когда погиб Цой, Шевчук не смог прийти на похороны. Там вообще была какая-то запутанная история. Испугавшись людского горестного шквала, точное время погребения не сообщили даже близким музыкантам, опустив гроб в могилу на час раньше. Питерский рок прощался со своим любимым собратом уже у могильного холмика, так и не бросив прощальную горсть земли. Хотя тот же Кинчев ценой невероятных усилий (стояла жаркая пора летних отпусков) прилетел на похороны прямо из Сочи. Но Шевчук не приехал по иной причине. Говорили: из суеверия... Ой ли! Ближе к истине был знакомый кинорежиссер Шевчука, убеждавший всех направо и налево: - Его снимать надо. Он же горит на глазах. Снимать, скорее снимать надо!

Казалось, дни его и вправду сочтены. В те времена, поминая в рок-клубе, просто на питерских квартирах Цоя, ленинградские музыканты нет - нет да и заговаривали: кто следующий? И как-то все сходились на одном имени...

Шалите! Отличительная черта характера нашего героя - не только вовремя остановиться, но и вырваться хоть на полкорпуса, но вперед. Умение принимать волевое решение и держать удар - чисто мужское качество. Помните, в какой-то момент он для себя определил: надо хорошо играть. И добился профессионального уровня, тем самым поменяв все расположение светил на питерском рок - небосклоне. Настало время, и Шевчук почувствовал: пора рок-н-ролла опохмелиться. И ему тоже. Всему свое время. Здесь бы и точку в хмельном вопросе поставить. Впрочем, быть об одном трагикомическом происшествии не помешает. Должно быть, читатель уже в курсе, что, как всякий россиянин, Юрий Шевчук не чужд ни нашему национальному российскому напитку, ни сопутствующим иногда его употреблению событиям. Шли съемки ныне весьма известного фильма (Сергея Сельянова "Духов день". У киношников есть традиция: отмечать "половину фильма", так называемый "500 кадр". Киношники "побухать" тоже не дураки. Они устанавливают на съемках определенный день и устраивают грандиозную пьянку. Празднование было далеко от центра, в какой-то Сиверской. Набрались хорошо, поругались кто как и кто с кем мог. Утром, под "треск голов" Шевчук с Сельяновым отправились в какой-то местный барчик. А там "гопники". Такие вечно недоопохмелившиеся и оттого весьма агрессивные представители сильно пьющей части человечества. В рот ни рок-звезде, ни прогрессивному кинорежиссеру они заглядывать не стали, а тут же "навалили" им обоим и по полной схеме. Сельянов отделался синяками, Шевчуку досталось солиднее - ему сломали челюсть. За изрядно побитым, но не побежденным лидером помчался на такси клавишник "ДДТ" Андрей Муратов.

- Я приволок его в город и на следующий день доставил к дядьке. Дядька у меня занимает не совсем привычную должность: заведует моргом. Преподавал в Первом питерском меде и хорошо знает приличных докторов. Выходим с Синопской, останавливаем тачку:

- К больнице имени Ленина.
- Куда конкретно?
- В морг, пожалуйста.

Водитель испуганно озирается на "никакого" Шевчука на заднем сиденье. У того вид крайне привлекательный: лицо - сплошной синяк, заплывшие глаза, разбухшая челюсть. Такой конкретный труп.

- Спокойно, он еще не помер...

Зашили Юре челюсть скобочками. Рот не открывался вообще. Кормили бульоном.

Он дико злился и кричал:

- Я даже плюнуть не могу!

В той драке было много чего: сотрясение мозга, разбитый нос со смещением хрящей, опять же сломанная челюсть... От пазух носа многое зависит и было опасение: не изменился ли тембр голоса. Потихоньку Юра вылечился и даже некоторое время не бухал. Это породило в коллективе некую хохму:

- Шевчуку раз в полгода надо давать п...ды! Тогда он будет нормальным человеком.

Имелось ввиду и общение и творчество. Пока он сидел с зашитым ртом, да еще и не бухал, появились новые песни. Но все кончилось: челюсть срослась, нос перестал болеть, оправился от сотрясения мозга. Понимаю, что все это не просто так

возникло и исчезало. Юре надо было сменить обстановку, сделать нечто иное, попасть в другое окружение, наконец! Может, и все хмельное от ощущения временного тупика, творческого, житейского, какого другого... Тогда что-то изменилось к лучшему, приехала из Уфы Эльмира...

Эльмира

Эльмира Бигбова...

Имя произнесено. Время поведать о высоком, светлом и трагичном. О любви, венцом которой стало рождение Петра Шевчука, сына Эльмиры и Юрия.

Все началось в той же Уфе. Юрий Шевчук был по-русски талантлив, по-юношески бесшабашен и уже по-уфимски знаменит. Эльмира была хорошенькой совсем юной девочкой, танцевавшей в весьма, как сказали бы ныне, престижном "Дизайн-шоу", собравшем просто соцветье самых привлекательных молоденьких уфимских барышень. И "ДДТ" и "Дизайн" оказались в одном месте в одно время именно потому, что считались самыми знаменитыми среди творческой молодежи Уфы и комсомольские лидеры решили в узком кругу познакомиться поближе с их творчеством. Дело происходило в студенческом кафе, "комсомольские па-пики" запаздывали, и молодые уфимцы не преминули поразглядывать друг друга попристальнее. Рустем Асамбаев в "ДДТ" всегда считался особым знатоком женских душ:

- Сигач побрякал на фоно. Юрка попел под гитару. Девочки тоже выдали несколько танцев. Мы все приглядывались, кто самая интересная, и, не сговариваясь, обратили внимание на Эльмиру - самая стройная! Только уж слишком молоденькая... Как-то шли мы с Юркой на день рождения, чуть подвыпили. Он нес гитару. Смотрим, идут девчонки по улице и она среди них.

- Помнишь ту малышку, подойдем?

А он же в очках, зима, мороз, стекла заиндевели. Подошли, познакомились. Она:

- Ой, девочки, пойдемте, стоять некогда. Юра им:

- Хотите прямо на морозе песню спою?!

- Ой, нам совсем некогда!

Но телефонами как-то все же обменялись... Красивая девушка, характер, по всей видимости, хороший. Веселая такая. Только я для нее как папа - она же училась в девятом классе. Юрка на три года младше меня, но и то старше Эльмиры на десять лет.

Внешние данные сыграли свою роль, когда молодой Шевчук обратил внимание на совсем юную девочку Эльмиру, однако судьба приготовила поэту светлейший подарок. Его избранница обладала удивительным духовным наследием, кое передала своей дочери Лилия Федоровна Бигбова.

- Вы знаете, чем мы близки по духу с Юрием Шевчуком? - спрашивает она. - Особой атмосферой, которую мне довелось однажды пережить.

Итогом моей бурной московской жизни был Фестиваль молодежи и студентов в 1957 году. Фестиваль мы ждали очень. Тогда, действительно, был крепкий железный занавес. Всего три года, как умер Сталин. В моей школе училась дочка Фурцевой, она была совсем маленькой, но ее увозили и привозили на машине.

Порядки в школе были близки к гимназическим. Мы даже учителей приветствовали поклоном. Достоевского мы не проходили. Есенин был запрещен.

Я уже не говорю о скандале вокруг журнала "Звезда", связанном со стихами Ахматовой и именем Зощенко. Для нас они были уже врагами народа.

Но в институте всего двумя курсами старше учился Юрий Визбор. И Ада Якушева. Мы даже вместе пели на всяких конкурсных вечерах, ездили в поход и на картошку. От того времени с его авторской песней протянулась ниточка к песням Шевчука. Авторские песни уже тогда были близкими, своими... И вот занавес

приоткрылся. Фестиваль! По Садовому кольцу, Зубовской площади, Крымскому мосту, в парке Горького - всюду лавина молодых людей. Это теперь мы привыкли к иностранцам, а тогда... Никогда не забуду, как на грузовике ехал огромный негр из Занзибара. В балдахине. Один добрался. Единственный представитель своей страны. И встреча с лондонским хором тоже помнится. Нас заранее предупредили: ведите себя с иностранцами непринужденно, но будьте начеку! В хоре был единственный негр, из Южной Америки, но получил образование в Лондоне. Мы с ним танцевали, и он так мною заинтересовался, что стал серьезно выяснять как ему остаться в Советском Союзе. Мы даже не знали общего языка. Представляете, что мне пришлось пережить?! И вот после этого московского праздника, в конце августа я оказалась по распределению в Уфе. Наши места в школах оказались занятыми, но я уже знала, как тяжело устроиться на работу в Москве, и понимала: ни за что не смогу сесть | на шею маме с ее 400 рублями, которые она получала, работая в регистратуре поликлиники. А ведь был еще младший брат.

Короче, я пошла в министерство, где и предложили работу в школе слабослышащих. Жилье тоже не дали, и мы с подругой пошли искать себе угол. Выглядели достаточно смешно: я была высокой и стройной, а Ниночка упитанной. После института мама купила мне свободное розовое пальто. Жили всегда скромно: одна юбка, одна кофта и все. А тут такой подарок! Ниночка же приехала в узенькой юбочке и белой кофте. Вот в таком виде мы и ходили искать пристанище. Для столицы-то нормально, но дело происходило в провинциальной Уфе! Нам всюду давали от ворот поворот, громко заявляя, что мы стилияги, а стилият им в доме не надо, нужны постояльцы поскромнее. А мы так старались, надели то, что было лучшее, и скромнее нас в то время в Уфе мало кто нашелся бы... Нас приютила старушка: сдала кровать на двоих в комнате за занавеской, где и сама жила.

Подошли ноябрьские праздники, и молодой человек, ухаживающий за одной из наших учительниц, как-то привел к нам своего приятеля. Шамиль оказался молчуном, имел суровый вид и был... парнем в годах. Я тоже взрослая, но в житейских вопросах была довольно наивной. Мы все были такими **тогда...** Однажды Шамиль во время прогулки неожиданно спросил:

- Поедешь со мной жить в район?

- В качестве кого?

- Жены. Мне надоело есть консервы.

Вот таким было объяснение в любви и предложение руки и сердца моего будущего супруга!

И я оказалась замужем за башкиром Шамилем Бигбовым. Эльмировичин папа закончил Московский Строительный Институт в тот год, когда я только в институт поступила, в 1953-м. Оригинальный, умный, со сложным характером, очень правдивый.

Шамиль оказался хорошим специалистом, и мы часто меняли места - он все время работал начальником строителей. Орландское месторождение нефти в Башкирии. Начальник управления строительного треста в Уфе. Начальник строительного участка в Порт-Асэбе на Красном море. Первая стройка Советского Союза в Эфиопии. Огромная каменистая пустыня с небольшой живой полоской у моря. Место ссыльных эфиопов. Их сюда просто привозили, и все - оставляли даже без охраны - куда из этой пустыни денешься... Здесь и была наша русская колония в 350 человек. Жизнь была такой, что у меня в конце было ощущение: еще немного -

и я на четвереньках уползу из этой Эфиопии! Мужу все время оттягивали отпуск - просили остаться. Но у Шамиля появились первые признаки будущего серьезного заболевания, и нас выпустили в Союз, Боже, как я соскучилась по Москве! А вернувшись в Москву, почувствовала, что во мне зародилась новая жизнь. Это была Эльмибочка. Теперь я сильно переживаю: яркое африканское солнце могло способствовать тому, что болезнь в Эльмибочке была заложена изначально... У нас уже был первенец Руаль, но Эльмибочке Шамиль уделял внимания больше, чем сыну.

Школьное время было спокойным. Отличала разве что любовь к животным.

Помню, как была в шоке, узнав, что моя Эльмибочка в первом классе оказалась... на "толкучке". Оказывается с подружкой Таней ходила смотреть собак и кошек. Они вообще подбирали и лечили всех больных собак и кошек, и, когда шли в школу, их вечно провожала стая дворняг. А еще всегда хотела танцевать. И в девятом классе из тысячи претенденток ее выбрали для участия в ансамбле танца. Там ее впервые и увидел Юра. Элечка уже закончила школу, когда я однажды услышала:

- Мама, если позвонит молодой человек и спросит Элю, то это меня. Дашь телефон подружки, к которой я пойду сейчас.

Молодой человек позвонил. И звонил с тех пор часто. О Шевчуке я уже слышала. Было это так: ко мне приехала мама, и мы пошли на концерт, в котором участвовала Эльмибочка. Когда объявили выступление Шевчука, зал буквально взорвался: топот, свист. Я просто обалдела от такой реакции. Объявили песню, но на сцене долго никого не было, а в зале молодежь буквально сходила с ума.

Подумала:

- Что это за светопредставление?

Наконец этот самый Юрий Шевчук появился. Было ощущение, что его просто вытолкали на сцену. Сумасшедший какой-то... Но когда он спел "Не стреляй!", я была потрясена. По дороге домой спросила у Эльмиры:

- Дочка, что это за ненормальный, который пел такую замечательную песню?

- Его не могли найти, потому и быстренько вытолкали. А песни он пишет сам. И все с ума сходят...

Но звонить Юра стал нам позже. Мама уже не было в живых... Я поняла, что он Эльмире понравился. После второго звонка она зарделась вся:

- Мама, я на минуточку.

Она выскочила на улицу, а я - на балкон и увидела их вместе. Юра взял ее за руку как ребенка. Она шла в коротенькой юбочке и кофточке, которую сшила... из пеленки своего племянника. Во мне все оборвалось, ясно ощутила: мою Элечку уводят от меня! Естественно, тут же самый живой интерес: кто он? Девчонки рассказывали наперебой и захлеб:

- Это же Юра, он такие песни пишет! На него такую крамолу возводят!

Прошло лето. Я была пропагандистом всю жизнь. И секретарем парторганизации. В сентябре нас собрали на партучебу. Вот тут-то я и услышала, что Шевчук пишет антисоветские песни. Впрочем, эта история многим в Уфе хорошо известна...

Этого секретаря парторганизации не могли ни испугать, ни обмануть гневные речи обличителей, не очень-то понимающих что они обличают. Она не то что не придала значения льющейся на Шевчука пропагандистской грязи, но и встала на его защиту. Одна из немногих взрослых уфимцев. Она знала, что есть свобода фестиваля 1957 года, что есть авторская песня со времен студенчества в одну пору с Визбором и Якушевой. А еще она видела силу вспыхнувшего чувства между ее

дочерью и тем, кого давил целый карательный аппарат государственной идеологии и власти. Видела, ценила и, как могла, оберегала.

- Эльмировичин ансамбль должен был ехать в Москву на популярную телевизионную передачу "Шире круг". Вдруг она приходит, глаза распахнуты:

- Мам, тут такое закрутилось! Из-за меня, из-за того, что я знакома с Юрой, весь наш ансамбль не пустят на передачу!

Оказывается, когда Шевчука подвергли травле, Эльмировичка со своей подругой Таней пошла на улицу собирать подписи в защиту Юры. Эту же акцию она провела и в своем "Дизайн-шоу". А там занимались ребята из нефтяного и авиационного институтов. Их вызвали в комитет комсомола и дали строгий нагоняй. А руководитель ансамбля Николай Васильевич вызвал меня и говорил:

- Что это Эльмира наделала! Что за акции?! Вообще, что у них за взаимоотношения?

Вопросы меня возмутили.

- Взаимоотношения моей дочери и Шевчука довольно серьезные. Ни Эльмира, ни Юра этого не скрывают. И обсуждать это с кем-либо не намерена. Шевчука знаю хорошо и не нахожу ничего крамольного ни в его творчестве, ни в том, что с этим творчеством связано.

- Но в результате всей истории мы лишимся поездки в Москву!

- Что сделано, то сделано.

До этого разговора я даже не придавала значения серьезности ситуации, Юра уезжал надолго, без него прошла зима. А потом года полтора он бывал частым гостем у нас в доме, и я ощущала родной студенческий дух. Мне стало особенно приятно в своей квартире. Взаимоотношения Эльмиры и Юры были серьезными. А развивались так красиво, что я просто любовалась. Обычно запоминаются вещи какие-то простые, но очень трогательные. Однажды в час ночи раздался звонок.

Открываю. Стоит Шевчук со своим песиком Кешей:

- Гулял с собакой, смотрю: у вас горит свет. Но разве мог не зайти?..

Зима. Юра идет к нам. На палочке комков снега:

- Эльмира, это тебе подарок...

Он ее буквально боготворил. Для меня, прожившей уже свою женскую долю, это было удивительно. Моя студенческая жизнь тоже была насыщена встречами и общением, но таких трогательных взаимоотношений я не видела. Я звала Юру "усатый нянь". Он писал Эльмире красивые письма из Свердловска. Ездил с Эльмирой и ее подругами поступать в московское театральное училище. Когда я иногда ворчала по поводу посиделок до утра, то слышала:

- Если б вы знали, как мне надоело мерить эти метры...

Юра жил от нас в полутора кварталах... Я понимала, что они друг без друга не могут. Только он уходил от нас, добирался дома до телефона, раздавался звонок - и все: разговор до утра. Конечно, дело шло к свадьбе. Как-то они заявляются и Юра говорит:

- Лилия Федоровна, мы решили с Эльмирой пожениться. Она согласна. А вы?

- Юра, у меня одна боль: Эля должна учиться. Я знаю, что разъединить вас не возможно...

- Лилия Федоровна, даю вам честное слово, сделаю все, чтобы Эльмира училась. Я не была против их женитьбы, да и понимала: мой отказ был бы просто нелеп и ничего не решил, да и ради чего? Я же в душе была в восторге от их отношений! Юрино обещание меня совсем успокоило. Эльмировичке было 18 лет. Юра написал

ее портрет... В материальном плане, конечно, у них все было не устроено, но материальная сторона меня никогда не волновала. Официально зарегистрироваться им тоже было... нельзя. Юра через фиктивный брак получил прописку в Ленинграде. Эльмира тоже состояла в фиктивном браке, чтобы получить комнату на Синопке. Ее по лимиту устроили в сапожную мастерскую... Но штамп в паспорте тоже никогда не был камнем преткновения для меня.

Свадьба Эльмиры и Юры была скромна. Первый день - для родни и взрослых. Второй - балдежно-молодежный. Подарочные деньги решено было потратить на музыкальные инструменты. После свадьбы Юра должен был сразу уехать в Ленинград. Эльмира осталась в Уфе. Но вскоре она тоже уехала в Питер. И поездки по маршруту Уфа - Ленинград составили немалую часть их семейной жизни. Рок-н-роляная жизнь юной семейной не питерской пары в Питере... Какой уж тут быт, какое обустройство и прочие прелести оседлого существования. **Фания** Акрамовна как-то сказала мне, что все время думала лишь об одном, о том, чтобы у ее сына оказалось в Питере место, которое он смог бы по-настоящему не только назвать, но и ощутить своим домом. Она даже предприняла для этого шаги, которые, как все из того, что делала эта женщина для сына-поэта в переломные моменты его судьбы, были координарны. На этот раз Фания Акрамовна продала дом в Уфе с четким намерением на эти деньги купить Юре жилье на невских берегах. Но она попала и очередной водоворот истории своей страны. На л от раз страна обесценила ее деньги настолько, что о квартире не было речи - хватило лишь на фундамент небольшого загородного дома. А Юра с Эльмирой жили в Мекке российского рок-н-ролла, где и как придется. Иногда это были квартиры друзей. Иногда какое-то съемное жилье. Но **что** значит какой-то там быт, когда жизнь юна, бодрa, полна творчества и движения!

Одно время местом их пристанища была квартира Владимира и Людв Кузнецовых. Они вспоминают:

- В начале 1986 года Юра и Эльмира жили у нас. Давний питерский тусовщик Сережа Куражкин, делавший в свое время квартирные концерты Бобу, Майку Науменко, организовал такой и для Юры, предложив: "Соберу друзей, музыкантов. Полтинник получим и еще вмажем..."

Юра, Эльмира и я с Людой поехали по указанному адресу. Однокомнатная квартира. Полутемно. Мы все расположились кто где - сидя на подоконнике, на полу. Юре предложили табурет. Он пел... он не поет больше так. Очень... Нет, слов мне не подобрать. Каждую свою песню он театрализовывал вздохами, мимикой, взглядом. Это был такой захватывающий театр! Юрка даже сам слова забывал, и тогда девчонки Люда и Эльмира ему подсказывали. Тот концерт я на всю жизнь запомнил. Жалею, что не было с собой магнитофона. Ему надо было выпустить хорошую акустическую сольную пластинку. А записи такой, какая случилась бы тогда, в 1986 году нет. Не потому что не может, а просто ушел он от того интима. О том концерте я всегда буду жалеть, что ничего не предпринял, чтобы сохранить его на записи...

Весьма необычные и в то же время весьма питерские воспоминания довелось услышать от такой доброй живой питерской рок-н-рольной легенды Дюши - Андрея Романова, музыканта "Аквариума", того, настоящего "Аквариума", когда существовал Боб и БГ, и очень далекого от нынешнего фабрично-тиражного. Когда "Аквариума", а также БГ и Боба не стало, а появился некий оркестр имени Гребенщикова, аквариумовские музыканты собрались вместе в "Трилистник" и

запели песни Дюши. Где-то в том времени мы и встретились с Андреем и его женой Галиной Самсоновой-Роговицкой на опять же легендарной питерской кухне их квартиры на Васильевском острове.

- Я нахожусь в несколько странном положении, - говорит Андрей. - Должен рассказывать о людях, к которым относился всегда с теплотой, и, думаю, так будет до конца жизни. О Юрке следует говорить отдельно.

А вообще эта кухня - специальное место. Через нее, а в Петербурге редко что происходит в комнатах - все случается на кухнях, так вот, через эту кухню прошло множество людей. Они, и Юра тоже, начинались с таких кухонь. Чем он меня потряс? Тем, что, в отличие от большинства музыкантов, родившихся не в нашем городе и не в Москве, не старался осесть именно в Москве. То ли этот город, то ли петербургские кухни так действуют на людей... Какой-то российский рок-н-ролл. Он приехал сюда, когда только начал набирать группу и нынешнего "ДДТ" еще не было. К нам много раз приходил со своей Эльмирушкой. Она совершенно чудный человек. Галька, моя жена, очень дружила с Эльмирой. Мы, что называется, дружили семьями. Встречались часто. Юра снимал тогда жилье ближе к центру. Ездили к моим друзьям, знакомым. Юрка изначально не выглядел провинциалом. Потому, должно быть, и выбрал не Москву, а Петербург. Будь провинциалом, осел бы в Москве и погасился. Москва дает фазу много возможностей, но за это надо платить: играть по ее законам. Не по своим - по ее. Какая уж тут свобода. В Питере же сразу много не получаешь, но потом город платит по полной. Так же, как отплатил Юрке. Мы принципиально разные музыканты. У него своя эстетика, у меня своя музыка. Но на питерских кухнях всегда пели и поют только свое, по крайней мере на нашей. Здесь лежал инструмент (увы, в 1989 году он как бы исчез...), бери и играй. Юра часто пел свои песни. Стихов не читал. Борьке (Гребенщикову) я первым кассету с музыкой Шевчука предложил. Там была песня: "Куда полетим, вверх или вниз? Укажет нам наш карниз". Этой кассеточкой я тогда Борьку потихоньку подрубил, потому как он в то время снобствовал по поводу отсутствия русскоязычной музыки. Юрка один из тех, кто это развенчал на деле. Видишь ли, нам было сложно, потому что мы, имею в виду "Аквариум", практически были в одиночестве на протяжении 30 лет! Одним из тех людей, кто непосредственно встал и поддержал нас, был Юрка с музыкантами его группы. Почему не "Алиса", которая вырвалась раньше? Это другая история. Там все начинал питерский человек Слава Задерий, потом пришел Кинчев и, забрав имя, продвинулся дальше. Ничего не имею против "Алисы", но тот эффект, который вызывает в зрительном зале появление "Алисы", даже не сравним с реакцией на творчество Юры Шевчука. Юра живет не за счет каких-то мистическо-энергетических возможностей. Он просто абсолютно открытый человек с моей точки зрения. Прямо идет, и все.

-Впервые я услышала Шевчука в записи, -подхватывает Галина, жена Андрея Романова. - На магнитоальбоме была песня "Куда полетим, вверх или вниз..." Я услышала его, эту песню и порезала себе вены. Сидела с разрезанными венами и слушала Шевчука. Такова была сила воздействия. В то время у меня уже была моя маленькая дочь. Меня спасли муж и мама... Потом он появился на нашей кухне. Как? Просто Эльмира работала рядом, в обувной мастерской на углу Большого, в двух шагах отсюда. Он встречал Эльмиру и, пока ждал, когда она закончит работу в мастерской, сидел у нас. Потом они ехали в комнатку, которую где-то снимали... Жили они нищенски. Денег не было. Их и у нас не было. У нас и сейчас нет, но

тогда хоть на чай хватало. Боже, это было словно вчера! Пили чай. Стул и стол остались
те же...

Теперь я расскажу о светлом человеке. Об Эльмире. У моего мужа Андрея день рождения 28 июля. Мы поехали на дачу в поселок Никольское. Дедушка с бабушкой дали нам денег. Мы накупили мяса, наделали шашлыков и пригласили Юрку с Эльмирой. Сидели на берегу. Речка Тосно. Выпили, конечно... И в который раз я спросила: - Ты правда тот самый Шевчук? Я постоянно спрашивала, тот ли он Шевчук... Какое-то несоответствие физического и творческого образа. Когда познакомились, то наступило разочарование. Но когда они были вдвоем с Эльмирой это было прекрасно. В Андрюшин день рождения мы положили их на ночь в дачный сарайчик.

С утра я нарвала какое-то огромное количество гороха, таких сочных зеленых стручков с сахарными горошинами. Постучалась.

- Доброе утро, ребята, это ваш завтрак. И вывалила полный подол гороха на постель, Эльмира в тот момент... Боже, какая она была красивая! Очень светлый человек. Как она выдержала всю эту жизнь, рок-н-ролл этот, всю эту нищету, не понимаю. Хрупкая девочка из благополучной семьи поехала сюда за Юркой следом, устроилась в обувное ателье... Там, на даче у речки, они смотрели на меня такими глазами! Я никогда уже не увижу таких глаз. Им было очень хорошо в тот момент вместе.

Сколь красиво и естественно звучит "любовь и рок-н-ролл", столь же грустно иное: семья и рок-н-ролл. Иногда, глядя на судьбы российских (и не только) рок-звезд, появляется ощущение, что рок-н-ролл для семьи - все равно что КГБ для рок-н-ролла. Это особая, отнюдь не радостная, тема в жизни рок-музыкантов. Володя и Людмила Кузнецовы, питерские друзья Юрия, лишь приоткроют занавес, а мы лишь взглянем. Не приближаясь...

- Дальше начался не самый лучший период. Уже прошел блок первых концертов, "ДЦТ" стал популярным ансамблем, Юра - известным лидером. Начались гастроли по всей стране: Рига, Таллин, Киев... Постоянно тусовка, и постоянно все желают выпиться. Юра не сдержался. Он уже был лидером группы, которая шла вверх. У него был любимый человек - Эльмира. А еще была обостренная совесть. Он сбился, начал пить и, понимая, что не прав, делал ситуацию еще хуже. Назло делал хуже. Такое случается с людьми с обостренной совестью... Они с Эльмирой ссорились, тут же мирились и не разбегались, потому как не могли уже друг без друга. Юра чувствовал, знал, что делает что-то не то... Такое время: вроде бы, и творческий взлет, а с другой стороны, все натянуто как струна, до предела. Эля терпела. Она всегда и все терпела. Наверное, потому что понимала то, что не могли понять другие. Кстати, она терпела все неустройство не оттого, что он звезда. Даже нелепо говорить такое. Она просто видела в нем любимого человека. Она не была его поклонницей, она была его женщиной. Возможно, единственной. Всегда такая легкая, веселая. Не помню плачущей - все время с улыбкой. Актриса по натуре. Хоть ничего фальшивого, деланного, как у артисток. Она даже когда заболела и то никому не говорила, даже маме. ... За полгода сгорела как свечка.

Да, читатель, этого светлого человека, хрупкой красивой юной девушки, составлявшей столь простое и щедрое разом земное счастье поэта, любящей и любимой не стало невероятно рано. Воистину, сгорела как свечка. Не такое уж редкое заболевание, а что врачи не всемогущи - и школьники знают. Эта хрупкая

девушка имела действительно титаническое терпение и невероятное мужество. Она до последнего терпела боль, никого не отягощая своими муками.

По настоянию Юрия Эльмиру отпевали. В Александро-Невской лавре.

И все, больше ни слова об этом.

...Эльмира родила поэту наследника, сына Петю, Петра. Так назвал сына поэт. А любимую поэт оставил на земле самым светлым, что когда-либо создала его душа.

*На небе вороны,
Под небом монахи.
И я между ними
В холщовой рубахе.
Лежу на просторе
Легка и пригожа.
И солнце взрослее,
И ветер моложе.
Меня отпевали
В громадине храма.
Лежала я,
Горя их не понимая.
Была я невеста,
Прекрасная дама.
Душа моя рядом
Стояла и пела.
Но люди, не веря,
Смотрели на тело.
Судьба и молитва
Менялись местами.
Молчал мой любимый,
И крестное знамя
Лицо его светом
Едва освещало.
Простила его.
Я ему все прощала.
Весна, задрожав
От печального звона.
Смахнула три капли
На лики иконы.
Что мирно покоилась
Между руками.
Ее целовало
Веселое пламя.
Свеча догорела,
Упало кадило.
Земля, застонав,
Превращалась в могилу.
Я бросилась в небо
За легкой синицей.
Теперь я на воле.
Я белая птица.
Взлетев, на прощанье
Кружась над родными,
Смеялась я,
Горя их не понимая.
Мы встретимся вскоре,
Но будем иными.
Есть вечная воля.
Зовет меня стая...*

Стадионы и "гопники"

Заканчивался второй вообще и первый питерский период истории "ДДТ". Все случилось: единомышленники найдены, группа воссоздана, "ДДТ" принят в Ленрок-клуб. Впрочем, последний факт для самих музыкантов имел скорее меркантильное, нежели какое иное значение.

Клуб перестал быть творческой лабораторией, он жил в ореоле революционно-музыкальной славы рок-н-рольных бунтарей. И все. Остальное исчезало со страшной скоростью. В составе клуба оказалось невероятное количество каких-то чудовищных коллективов, тоскливо-серых или нелепо-экстравагантных. Однако какое-то время Ленрок-клуб держался на плаву чисто... фискальными методами. Еще советской властью ему было дано право решать, чему должно звучать со сцены, а что следует... запретить. Власть вручила рок-клубу печать цензора. Группы, входившие в него и внесенные в соответствующий список как проверенные на лояльность к власти, имели "разрешенную к исполнению рок-программу". Такая бумажка с печатью как щитом прикрывала от постоянных нападков милиции и прочих уполномоченных и компетентных.

Помню ситуацию, когда рок-клуб наказал БГ и "Аквариум" за выступление на Тбилисском рок-фестивале-80, запретив ему выступления в течение полугода (!), "Аквариум" приехал в Архангельск на концерты, которые во Дворце культуры организовал автор этих строк. Так вот, за "несанкционированную" поездку группу едва не исключили из клуба и друзья ансамбля буквально бились, чтобы сие не произошло. Удаление из рок-клуба могло стать первым звеном в карательной цепочке... "ДДТ" играл программу для вступления в Ленрок-клуб только по одной причине: клубный статус, снимая необходимость объяснений с представителями власти по поводу творчества, давал возможность творить без оглядки.

Но вскоре случилась перестройка и разрешающие бумажки были просто похерены. Последнего удара - свободу говорить и петь что заблагорассудится и отмену силы всяких печатей - Ленрок-клуб

не вынес и... запил. Зал арендовали какие-то непонятные лица, устроили в помещении дорогой бар с фальшивыми белыми стенами, как будто питерский рок-н-ролл может дышать, не то что резвиться в стенах "санитарного цвета". Первое время публика по привычке все еще шла к легендарным стенам на улице Рубинштейна. Но заходить внутрь не решалась, а гуляла, как могла, снаружи когда-то родного рок-клуба - просто тусовалась с пивом из соседнего ларька в рок-клубовском дворике. Но и это прошло. Ныне редкие тусовщики туда приходят как к священной могиле и, попивая пиво, вспоминают время, когда эти стены видели Цоя, Майка Науменко, Курехина, а так же Кинчева, Гребенщикова, Дюшу Романова, Севу Гаккеля и скольких еще... Среди святых имен непременно поминают и Шевчука. Когда Юра был тут в последний раз, он и сам не вспомнит. Должно быть, на поминках кого-то из ушедших музыкантов, потому как иного повода собраться в бывших рок-клубовских стенах просто нет...

Первый питерский период был на исходе. Музыку "ДДТ" вынес в народ, во дворцы спорта, на площади. Бушевал гастрольный шторм. Народные массы приветствовали своих рок-героев. Массы сплывались вокруг них и думали, что это - жизнь. Надо во все это наиграться - и во дворцы, и в площади, и в героев. И в деньги, и в славу, и в восторг прессы тоже. Это очень захватывающая и безумная

игра. Единицы выдерживают такое сумасшествие и уходят с площадей, из дворцов и от народных толп с минимальными потерями.

Что-то утратил и "ДДТ". Или просто не приобрел. Шевчук ведь первым из рок-периферии осваивал невские берега, причем, не просто выучил свод правил и затерялся, а пришел "в чужой монастырь со своим уставом". Собственно, его приход из Уфы в Питер сродни разве что приходу из Рязани в Петербург Сергея Есенина. Более, вроде, никто не сумел столь громко войти в столицу на Неве, обосноваться и жить бурно, неумно. Конечно, Шевчук обрел здесь новых знакомых, сподвижников... Но когда все началось, Юрий оказался один со своими замыслами, желаниями. Коллективы в рок-н-ролле никогда ничего не решали. Сами посудите, каково одному в чужом большом городе. Это к тому, если вдруг у кого язык чешется по поводу вечно хмельного состояния и неустройства тех лет жизни поэта. Но в конечном итоге это все - дело житейское.

А пока все очередное заканчивалось и прежний Ленинград тоже. Это был как бы уже иной город. Бушевала горбачевская перестройка. Признаться, в то время Питер выглядел как огромные декорации к тургеневской базаровщине. Было такое ощущение, что нигилисты победили в отдельно взятом месте. Питерский центр представлял собой скопище выпотрошенных старых домов, от которых оставили только наружные стены. Первые бомжи, нищие, попрошайки, беспризорники, рванувшие сюда со всего пока еще СССР, прятались в недрах этих развалин. Питерские юные панки валялись на тротуарах в замызганных джинсах, порванных отчего-то обязательно на интимных местах. Элитарный питерский рок-андеграунд в ужасе бежал перед нашествием полчищ отвязных "гопников". "Аквариумовский" виолончелист, некий символ чистоты и утонченности питерского рок-андеграунда, Сева Гаккель открыл на Васильевском острове клуб "Там-там", в котором играли, в основном, какие-то агрессивно настроенные молодые группы, а зрители ежевечерне били в вестибюле пивные бутылки... В Питере развал и раздраз. Создается впечатление, что Шевчук как бы не видит всего этого. Вроде и понятно: он не пережил вместе с этим городом радость его послеблокадного восстановления, не жил десятилетиями при относительном колбасном изобилии. Был далек от надменности интеллигентов-ленинградцев. Он даже не варился в питерской общине хиппи, а если и "забивал косяк" когда-нибудь, то не в компании с теми, кто выпренок рассуждал о достоинствах переводов БГ с иностранного на русский.

Но отчего-то именно в это время начинается самый цельный, самый серьезный творческий период Юрия. Он подступает к невозможно огромному архипелагу по имени Питер. Он уже освоил пару его островков. Он же собирается на этом архипелаге жить и пускается познавать место и среду обитания.

Теперь Питер изменит если не его самого, то уж его творчество точно. А может, просто время пришло. Поэт как-то повзрослел.

Империя "ДДТ", Новые герои

Самое время отвлечься, поскольку "приходный период" еще закончился и тем, что полностью сформировался постоянный состав "ДДТ". Музыканты в группу еще будут приходить и уходить, но все из разряда сессионных - для привнесения требуемых музыкальных красок. Костяк же "ДДТ" пополнился Михаилом Черновым и Андреем Муратовым. Чуть позже в группу "ДДТ" войдут братья Алексей и Анатолий Болотные. Они не будут извлекать никаких звуков со сцены, но именно их приход весомо укрепит организационные позиции команды.

Впрочем, административный корпус "ДДТ" имеет полное право на особый разговор о нем, ибо привнес в менеджерское дело отечественной рок-музыки новшеств не меньше, чем сама группа в творческую историю российского рока. Но об этом позже. Пока же "ДДТ" впитывает в себя питерских людей. В этом смысле Андрей Муратов и Михаил Чернов стали еще одним подарком города поэту.

К счастью или несчастью, но Андрей Муратов слишком рано проявил музыкальные таланты и оттого вся его детская жизнь представляла собой нескончаемый ряд различных музыкальных кружков и школ, что в результате привело мальчика в одиннадцатилетку при Ленинградской консерватории. В этой школе учились только явные таланты. (Кстати, вместе с Муратовым - Мурзиком в той школе учились многие вошедшие в историю русского рок-н-ролла ребята, позже - все "гребенщиковские музыканты": Саша Куссуль, Андрюша Решетин, Ваня Воропаев...) Даже "блатные" в ней обязаны были иметь хоть какой-то талант. Как ни странно, Андрюша, несмотря на свое музыкальное детство и вовсе не бандитское телосложение, оказался в этой элитарной школе самым отпетым хулиганом, которого раз в три месяца с удивительным постоянством пытались выдворить вон. За что? Ну, к примеру, как он сам вспоминает, "ходил по карнизу четвертого этажа, доведя тем самым учительницу математики до сердечного приступа/Или разводил костры на хоровой лестнице. Это же была не просто лестница, а святая святых школы, поскольку вела в хоровой класс. То, что он курил, это понятно. Но он даже не пытался потушить сигарету, когда завуч "застукал" его в туалете! Нет, преподаватели общеобразовательных предметов просто с упоением бы вытолкали его в зашей за школьный порог. Но в этой школе царицей предметов была музыкальная специальность. Тут нашему Мурзику равных не было: он совмещал фортепьянное и теоретико-композиторское отделения и делал это легко и непринужденно.

В четырнадцать лет питерская жизнь хулигана из консерваторской школы получила эффектный поворот: Андрей Муратов пошел хипповать. Босиком. В солдатской гимнастерке. На Казань (место на Невском проспекте у Казанского собора, известное в советские времена как площадь постоянной тусовки ленинградских хиппи). Он не просто "захипповал", он еще и утащил за собой из школы чистейших музыкальных звуков половину своего класса!

Сам он объехал "автостопом" (передвижение на попутных машинах без денег) всю страну. Тогда было особым шиком вышить на холщовых сумках звездочку после того, как проехал автостопом 10 000 километров. У Андрея таких звездочек было 24! Его опять чуть было не выставили из школы во время одного из таких путешествий то ли в Крым, то ли в Улан-Удэ, но он успел-таки вернуться к экзаменам. Правда, в консерваторию все равно не поступил. Помешал... рок-н-ролл. Андрей решил пойти в училище Мусоргского, куда перевели исполнительскую эстраду, наивно думая, что в училище научат играть рок-н-ролл. Из Мусоргского его через полгода все-таки выпроводили восвояси. Поводом послужили вовсе не учебные причины - он же был гением с уже хорошей музшколой, - а дела хипповские. В ленинградском КГБ у него спросили:

- Это ты, гад, расколотил статую в Летнем саду?!!

Впрочем, подобный вопрос в то время задавали многим ленинградским рок-н-ролльщикам и хиппи. ("Аквариум" любил выступать тогда на ступеньках Инженерного замка, что неподалеку от Летнего сада, собирая толпы невских хиппи и просто весь питерский андеграунд.) И когда какие-то варвары разбили статую в саду, власти бросились искать вандалов именно в этой среде.

После этого Мурзик какое-то время исполнителем являлся в семь часов утра на рабочее место

комплектовщика чертежей завода "Знамя Октября", складывал в угол все, что ему приносили, -раскладывать по полкам не хотелось -и с чувством выполненного долга заваливался спать. Естественно, это долго продолжаться не могло, и Андрей появился в Ленрок-клубе. Муратов участвовал в разных недолговечных ансамблях и от института культуры ездил на практику в Венгрию вместе с будущими музыкантами "Аукциона" и будущим артистом эстрады Сергеем Рогожиным. Наконец судьба вывезла его на олимп питерского рока. Перед четвертым рок-фестивалем Андрея пригласил в свой "Зоопарк" Майк Науменко. Майк - не просто питерская легенда, он символ русской рок-музыки, культовый музыкант, личность знаковая. При всем том ему до конца дней своих удавалось оставаться просто хорошим, не закомплексованным, доброжелательным человеком. Три года Андрей играл с Майком. (Жизнь Майка оборвалась трагически и нелепо: вернувшись домой с вечеринки по поводу проводов за границу одного из музыкантов группы, он упал в своей коммунальной квартире, был дотащен соседом до кровати, до утра лежал без движения. Затем приехавшие родственники вызвали "скорую помощь", которая констатировала самую несовместимую с жизнью из всех травм - перелом основания черепа. В таких случаях медики даже при осмотре не шевелят больного, ибо и легкого шевеления достаточно, чтобы наступила смерть. Майк до конца был в сознании. Он оказался еще и очень мужественным.

- Это были главные годы моей жизни как рок-музыканта, - вспоминает Муратов. - Майк - настоящий рок-н-ролльный папа. До этого я был мальчиком с классическим музыкальным образованием. Воспринимал "Ролинг стоунз" как фальшивую неритмичную группу. Совершенно не врубался в потаенную энергетику. Майк меня врубил. С тех пор "Ролинг стоунз" - моя любимая команда. Майк - настоящий папа, потому как дал ощущение, как делается рок-н-ролл. Совсем не принципиально, с какой скоростью ты играешь по клавишам, и даже не принципиально какие, ноты берешь. Не принципиально, на чем играешь - на крутом инструменте или раздолбанном рояле. Зато принципиально, КАК ты это делаешь.

Случилось так, что на еще одном историческом отечественном рок-фестивале в подмосковном Подольске Муратов одновременно играл и в "Зоопарке" и в "ДДТ". Последние как раз расстались с Сигачевым, и Андрей подменил выбывшего клавишника.

- Очень ломовой фестиваль, - продолжает Муратов. - Когда о нем говорят, как о нашем Вудстоке, то склонен согласиться: по крайней мере бухали ничуть не меньше.

Через пару минут после начала выступления "ДДТ" пошел проливной дождь. Шевчука било током. Он не нашел ничего лучшего, как обернуть микрофон мокрой майкой, что положения вовсе не спасало... На фестивале все двадцать пять минут мы отыграли классно. Правда, пару раз взорвался аппарат и все время что-то горело, но это только поддавало экспрессии.

Андрей сколько-то еще поиграл в "ДДТ" на гастролях в качестве сессионного музыканта. К тому времени его положение в "Зоопарке" было не лучшим - сказала некая разница темпераментов с Майком и несколько иные взгляды на вопросы влияния алкоголя на творчество. Майк был рок-звездой старой закалки и считал алкоголь неизменным спутником рок-н-ролла. Но, как утверждает сам Андрей, главным было утухание его личного интереса к тому, что делал "Зоопарк". Предложение Шевчука постоянно играть в "ДДТ" поступило как нельзя кстати. Творчество "ДДТ" Муратова равнодушным не оставляло. Вопрос был решен. Если и могут жить в музыкальной среде большие противоположности, чем Андрей Муратов и Михаил Чернов, то не в одном городе уж точно. Но на то он и Питер, на то и Шевчук, чтобы добиваться немислимых сочетаний.

Михаил Чернов получил прозвище Дядя Миша в уже достаточно серьезном возрасте, оказавшись в питерской рок-н-рольной среде. А до того всю немаленькую жизнь он был просто Михаилом Черновым, весьма известным в джазовых кругах.

Чернов родился за полгода до войны, 26 января 1941 года, а через полгода после начала войны Мишин папа Семен Самсонович погиб под Питером.

- У нас на Лиговке была дружная еврейская квартира из восьми комнат, - вспоминает Дядя Миша. - Все постоянно толклись на кухне. Я развлекал их различными хохмочками: садился на столик и травил анекдоты. Вся квартира покатывалась с хохоту...

Лиговка - район рабочий и хулиганский. Чтоб отстоять свою честь и достоинство, Мише пришлось научиться драться. Два брата из его двора познакомили его с тренером по боксу. Так он занялся серьезно спортом.

Но муж старшей сестры в качестве приданого принес в дом гитару. Миша бегал во двор смотреть аккорды песен, которые горланили пацаны, и до сих пор помнит песни той поры. Вот, пожалуйста:

*На одной из улиц Ленинграда,
Где стоял Октябрьский вокзал,
Жила дней моих отрада,
У которой я не раз бывал,
Маленький, как пуговичка, носик.
Глазки - пара тлеющих углей.
Нежно называл ее я Тоська-сука!
И порой души не чаял в ней.*

Словом, нормальный такой послевоенный дворовый репертуарчик...

- В 1956 году муж моей сестры съездил в Англию на две недели, - продолжает Чернов. - Тогда я учился в восьмом классе. Он привез из Англии несколько асфальтовых пластинок на семьдесят восемь оборотов. Среди записанного на них была знаменитая "Rock around the clock" в исполнении Билла Хейли. Я слушал эту пластинку с "Rock around the clock" целый день и назавтра уже спел ее на птичьем языке в школе, чем поверг всех в невероятную панику! Просто мелодия была схожа с очень модной тогда песенкой "Стамбул - Константинополь" и все думали, что просто в мажоре пою "Стамбул". Но тут же выяснилось, что это тот самый рок-н-ролл, о котором давно говорят, но никто не знает, как он звучит. Таким образом Миша Чернов стал первым в Ленинграде исполнителем легендарного рок-н-ролла! Мало того, это было время, когда всюю

тиражировалась музыка при помощи самодельных гибких пластинок на рентгеновской пленке - знаменитых ныне "пластинках на костях" или просто "костей". Так вот, знакомая компания изготовителей таких "костей" с улицы Марата записала в Мишином исполнении первые в Ленинграде рок-н-роллы "Rock around the clock" и "Rock everybody", конечно же, на "птичьем языке" и растиражировала их по всему городу! Самое интересное, что эта запись 1957 года сохранилась! А через год Миша закончил школу. Он поступил в техникум, в котором организовался бэнд. Конечно же, Михаил оказался в нем. Он осваивал разные инструменты.

- Занимаясь гитарой, я не выпускал ее из рук. Соседи просто стояли на ушах, поскольку я еще и ритм выбивал ногой. У соседей штукатурка с потолка сыпалась только так! Соседка снизу, Валентина Алексеевна, частенько заглядывала к нам по этому поводу. В один прекрасный день я притащил кларнет и принялся извлекать из него звук.

Это был рев пещерного медведя! Страшное дело. Тетя Валя постучала к нам в комнату и спросила:

- Миша, а когда ты будешь играть на гитаре?

Скоро Михаил уже играл джаз в оркестре Геннадия Соболева, которого считает своим первым учителем. Играл и с оркестром Родионова. Этот коллектив базировался в доме графини Паниной, ставшем ДК железнодорожников. Именно в этом доме через десятилетия будет создана студия группы "ДДТ", одна из первых и лучших питерских рок-студий.

После армии он работал у Давида Голощекина, у Олега Лундстрема. Уже далеко не юношей Михаил поступил в музыкальное училище, где познакомился с Сергеем Курехиным. Вот с него-то и начался для уважаемого джазового музыканта Михаила Чернова российский рок-н-ролл:

- Сережа Курехин играл с моим консерваторским педагогом авангард. Он был таким талантливым музыкальным разгильдяем. Настоящий андеграунд.

Талантливейший человек, но толком ничего не знал. Училище его не выдержало - выгнало! Ни во что не любил углубляться, любил играть по настроению. И вот он создал свою "поп-механику", знаменитый, как он сам говорил, массовый идиотизм. Как-то раз пригласил меня. Прихожу, а там целая толпа людей, среди которых были Гребенщиков и Цой. Отыграл я с ними одну "поп-механику", другую...

Подходит Цой:

- Не мог бы ты, Миша, со мной записаться?

Согласился, но Цоя я продинамил, на запись не пришел. Он на меня обиделся.

Зато Андрей Тропилло записал меня с "Алисой", причем группа об этом не знала: в песне "Идет волна" из альбома "Энергия" потребовалось соло саксофона. Я его и сыграл, будучи еще не знаком с "Алисой". Сделал несколько записей с Гребенщиковым и "Аквариумом".

Вообще я относился к ним как к самодеятельности, весьма скептически: рок-н-ролл для меня не музыка, что ты!.. Кинчев попросил еще раз помочь на записи. А потом он и говорит: "Миша, пойдем с нами играть прямо на концерте. Что захочешь, то и играй".

Концерт был жутким, но я с ними отыграл, а утром состоялась запись пластинки "Блок ада", где записали саксофон в нескольких песнях...

Необходимо отступление. С работы, из ресторана "Нарва", я добирался домой на метро. Как-то в вагоне напротив меня сели три волосатых и один стриженный

наголо. А у меня футляр саксофона в сумасшедших фестивальных наклейках. Ну волосатики, понятно, музыканты другого направления, я к ним относился неприязненно. Но тоже имеют право на существование. Они тогда в вагоне жутко друг с другом ругались. Это Вадик, Доца, Андрей Васильев и Шевчук ехали с репетиции. Запомнил, что Доца живет рядом со мной. И вот в Шушарах рублюсь с "Алисой", выхожу за кулисы, а там стоит... Доца. Познакомились. Обменялись телефонами, пригласили друг друга на "видик", это было актуально в то время. Как-то Доца попросил помочь на записи. Песня "Ни шагу назад" вошла потом в лазерный диск "Я получил эту роль". Доца уже дома поставил мне записи "ДДТ". Мне понравилось: вот это, действительно, команда, по сравнению со всеми "аквариумовцами", "алисовцами". Мощно. С удовольствием бы поиграл в такой группе.

Перед сведением пластинки заговорили, кто куда поедет. У "ДДТ" гастролы на Южный Урал. "Счастливые, - говорю им, - а я сижу в кабаке со старперами у которых одно на уме: побольше денег заработать".

Юра согласился взять на пару месяцев без отрыва от производства. Всего несколько репетиций, и сразу концерты в СКК! Как задвинули "Пластуна"! Юра вскоре и сказал:

- Бросай прежнюю работу. Железно берем.

Так Михаил Чернов стал музыкантом группы "ДДТ". И было это в сентябре 1988 года»

Национальность – питерский

Итак, к концу восьмидесятых вокруг поэта образовалось сугубо питерское окружение музыкантов. В концентрированной питерской ауре трудно себе представить, что поэт, обосновавшийся в городе сколь великом, столь и загадочном, потаенном, не попробует если не раскрыть, то хоть прикоснуться к этой великой тайне города.

Игорь Доценко (Доца), Вадим Курылев (Вадик), Андрей Васильев (Худой), Андрей Муратов (Мурзик), Михаил Чернов (Дядя Миша) и, конечно же, Женя Мочулов - вот в таком составе поведет Шевчук свое музыкальное войско "ДДТ" на своеобразное покорение Питера в 1991 -1992 годах.

Говорит Андрей Муратов:

- Я питерский человек в четвертом поколении. "Черный пес" - питерская программа, я это чувствую.

Вернусь к самому началу нашего знакомства. Вот чем тогда купил меня Шевчук, так не своим, далеко не покладистым характером и отнюдь не кротким нравом, и тем более не красивыми речами - а песней "Ленинград". Человек, приехавший черт знает откуда - Уфа для меня вообще не название, - смог выдохнуть такое...

Эй, Ленинград, Петербург, Петроградище!

Марсово пастбище, Зимнее кладбище!

*Отпрыск России, на вас не похожий,
Бледный, худой, евроглазый прохожий.*

*Гер Ленинград, до пупа затоваренный,
Жареный, пареный, дареный, краденый.*

*Мсье Ленинград, революцией меченый,
Не доболевший, но перекалеченный.*

*С окнами, бабками, львами, китами,
Липами, сфинксами, медью "Авроры".*

Эй, Ленинград, вы теплом избалованы.

Вы в январе уже перецелованы.

Жадной весной ваши сны-откровения

Вскрыли мне вены тоски и сомнения.

Пан Ленинград, я влюбился без памяти

В ваши стальные глаза...

- Буду говорить о вещах принципиальных, - продолжает Муратов. - Был "Ленинград" Мандельштамовский. "Ленинград" Шевчуковский - вещь принципиально иная, но на том же уровне. На уровне усекновения реальности. Этот город нельзя сделать чьим-либо городом конкретно. Можно просто самому стать его жителем. Шевчук, конечно же, стал жителем Питера, питерским человеком, в отличие от сотен других, кто приезжает и до конца дней не может понять, где же он находится. Но, повторюсь: не Питер стал для Шевчука его городом, а Шевчук стал питерцем. Человек переделывает себя под такой город. Наверное, что-то нехарактерное в Юре для невского жителя осталось. Хотя что такое невский житель? Просто легенда. В Питере культура сохранилась, как мне кажется, за счет того, что это европейская столица. Петербург - город не российский. Шевчук это точно подметил: "Бледный, худой, ЕВ-РОГЛАЗЫЙ прохожий". Там скрытая игра слов... Как бы там ни было, ты будешь жителем этого

города лишь в том случае, если национальность твоя не татарин, не русский, не еврей, если твоя национальность - питерский...

Вот о городе жителей с особой национальностью и есть музыкальная книга нашего поэта "Черный пес Петербург". Ну и хватит оттягивать, давно уже пора начать повествование о самом объемном произведении Шевчука. Но не тянется рука, и все гут. Оно и понятно, вовсе не о празднике души, не о доброте и счастье предстоит речь. Сколько страшных катаклизмов предстоит еще увидеть Юрию, сколько человеческих трагедий узнать... Но никогда его стихи не будут мрачнее тех, что зазвучат в "Черном псе", никогда музыка не будет более тягостной. Одно большое сплошное чувство тревоги. И в то же время нет никакого сомнения в том, что это большая музыка, высокое искусство.

А вот теперь калейдоскоп свидетельств очевидцев того, как случился "Черный пес Петербург". Как вы догадываетесь, картинки в нем покажутся вовсе не детскими. Алексей Болотин, содиректор театра "ДДТ": - Впервые о "Черном псе" я услышал в Павлодаре. Первого августа 1992 года группа отыграла последний концерт и уходила в отпуск. Первым о новой программе рассказывал Женя Мочулов, но я не очень-то верил, слишком масштабно все предполагалось. Из Павлодара летели в Москву вместе с Шевчуком, потом с ним же ехали в Питер в одном купе, и уже Юра сам рассказал о том, что задумал. Речь шла о монолитном спектакле с объемными декорациями, мощным звуком и достаточным светом для дворцов спорта. Я сомневаться-то сомневался, но в работу впрягся. Сомнения, в основном, касались чисто организаторских аспектов. Такая постановка требовала немалых финансовых затрат, а спонсоры не очень-то щедры. Тогда мы вообще жили смешно. Я за свои деньги находил ребят на расклейку афиш. За свои потому, что у группы их просто вовсе не было. Говорилось, что где-то летали миллионы, их тратили на свет, звук, декорации. А музыканты сидели совсем без денег. Я в то время еще подрабатывал, поскольку не полностью был занят делами группы. Но события развивались стремительно, и скоро ничего совмещать уже было просто невозможно. С первого сентября 1992 года начались репетиции. Я приехал в Питер пятнадцатого и увидел мощный ураган: музыканты "в мыле пилят" на репетициях, администраторы "в мыле просто летают пулями". Даже "наезжают" друг на друга. Шевчук принес видак, чтобы музыканты смотрели, как надо себя вести.

Администраторы в обиде:

- Ах вы, паразиты, еще и время находите видик смотреть! Мы уже такое провернули, а вы курите!

Музыканты в ответ:

- Идите и не мешайте репетировать!

Такие безобидные наезды. Работа шла полным ходом. На декорации не хватало денег, но к назначенному времени нашлись. Над этими сооружениями трудился тот же театральный мастер, который оформлял программу "Аквариуму". Двенадцать миллионов требовалось на звук и свет. Аппарат ставили москвичи - пригнали три фургона, так и ездили: Питер - Минск - Киев - Москва. Еще намечалась Уфа, но не нашлось спонсора -сами-то концерты не окупались, были сильно убыточными. Когда я увидел, что в турне участвует сорок (!) человек, то тут же понял, что как администратор один с таким количеством народа не справлюсь. Предложил взять еще двух помощников, но сочувствия у Шевчука не нашел: "Лишние люди не нужны".

Тогда я пригласил своих друзей. Объем работы был огромен. Чего стоит снимать и устанавливать декорации. Грузчики, конечно, были. Но когда я на время уехал, то свистнули целую бобину

веревки, за которой мы весь Питер обегали,- обидно. Когда группа замахивается на проекты такого масштаба, требуется и соответствующий штат. У Джексона одних администраторов тридцать человек, а у нас в таком туре было всего четыре...

Лидия Липник-Доценко, жена Игоря Доценко: - К началу репетиций "Черного пса" я уже хорошо познакомилась с ребятами. То Андрей Муратов зайдет с "Мелодии", то Вадик Курылев, Андрюша Васильев или Юра заглянут. Чисто по-домашнему - кофейку, чаю попить. Работа над программой была очень напряженной: к репетициям приступили в сентябре, а тринадцатого ноября уже был дан первый концерт. Ребята репетировали по двенадцать часов в сутки. Условия были таковы, что вместо полноценной еды существовал только чай с бутербродами.

Материальное положение группы вовсе не было шикарным, чтоб музыканты могли себе позволить ресторанные обеды. К тому же это, опять-таки, трата времени. Мои кулинарные возможности все уже знали - обедали у меня дома. Вот я и предложила: "Давайте, буду готовить. Приезжать и кормить".

Они ведь не пятнадцатилетние мальчишки - взрослые мужики уже... Перед туром я готовила обед на всех. Кто из ребят был свободен, заезжал на машине и отвозил меня на студию вместе со всеми этими кастрюлями. Так случилось, что я иногда присутствовала на репетициях. Со стороны это был просто тяжелейший труд. Все равно что из одного и того же кофту кроить, шить-перешивать. До тех пор пока она не понравится десяти человекам. Сравнение, конечно, чисто женское... Я не музыкант, сижу там со своими кастрюлями, но и то вижу, что бывают нервные дни. Одно и то же время вчера тянулось целым годом, а сегодня пролетело как пятнадцать минут. Но они очень хотели сделать этот свой спектакль...

Андрей Муратов:

- "Пес" был "Великой Китайской стеной". Битвой. Иногда мы пробивали стену там, где можно было просто обойти. Вещь концептуальная, и все как в первый раз. Первая попытка в российском рок-н-ролле сделать - нет, не спектакль, а некое полнометражное действо. Спектакля бы не вышло по простой причине: мы никакие не актеры, мы просто музыканты. Лишь один из нас мог бы сыграть спектакль - Шевчук. Возможно, и хотелось как у "Пинк Флойд", но слава богу, что не вышло. Получилось по-своему. Тяжелая программа, кровью далась. Часто ссорились в процессе подготовки. Юре хотелось больше инструментального: "Больше музыки, больше музыки!!!"

Однако, на мой взгляд, он как автор в этот период работы бывал со своими музыкантами излишне категоричен. Чем изрядно губил музыкально-творческую инициативу. Правда, из творческой личности жажду сочинять не выколотишь... Программа на самом деле максимально мрачная. И песни в основном мрачные. Конкретно? "Блокадники" - песня старая, делалась много лет, но только тут срослась. "Актрису Весну" тоже делали три года. Впрочем, "Храм" и "Актриса Весна" - мои любимые вещи. Кто этот "Пес" - Петербург или автор? Не думаю, что автор. Очень классная поэтическая метафора. Возможно, есть реминисценция со строками Осипа Эмильевича Мандельштама "Век мой, зверь мой...". Юра читает много, в его стихах прослеживается масса различных ассоциаций.

"Черный пес" сумрачен, потому как и жизнь наша такая, и сам Питер погрязнул изрядно. С другой стороны, черный - это не темный. И программа мрачная, но не темная. Кстати, в процессе работы что-то переделывалось и в конце вещи становились более светлыми. Одно точно, однозначно - это питерская программа. Алексей Болотин:

- "Пса" я нормально выслушал в Киеве. По сюжету, вначале в зале должна быть полная темнота. Но в темноте ломают скамейки. Организаторы этого боятся, и администратор зала в Киеве просто запретил полностью выключать свет. Вот в первый день и горел свет в зале. Атмосфера, естественно, была сбита и мне поступил приказ: "Свет убрать!" Я поднялся на самый верх, разогнал там всех местных стариков и буквально лег грудью на пульт. Так два дня на нем и лежал. Заодно посмотрел программу полностью, "от и до". "Черный пес" в Киеве меня просто потряс. Чем? Мощью мысли, музыки. Крутая, жесткая, злая мысль о жизни. Просто о жизни, не обязательно о нашей. О любви, смерти. Обо всем основном. Все равно что прилетел инопланетянин, попал на концерт и сразу узнал, как живут у нас, в бывшем "совке", в этой стране. Как живут люди на этой планете по "Черному псу"? Мрачно. Таким Шевчук увидел этот мир и таким нам его показал. Я все это увидел, лежа в Киеве на пульте, и очень даже ясно ощутил и представил.

Дворцовая площадь и табуретка на кухне

Это был второй и последний питерский период "ДДТ". Да, последний. Поэт начал всеми своими нервами чувствовать глобальные сдвиги, происходящие с российским народом, так, как сам народ это почувствует лишь позже. И стал большим российским поэтом. И все дальнейшее уже не питерский-российский период "ДДТ". Юра собрал в собственной просторной квартире на Васильевском острове Петербурга своих родных на невяское житье, поднимался загородный дом - быт на невяских берегах устроился. Питерское житье началось, но с Питером было покончено. Питер, конечно же, не уйдет из стихов Шевчука, но только энергии этого города для творчества поэту уже не хватало. Ему нужна была вся Россия. Началось время метания по России.

Но точкой отсчета все равно оставался Питер. ...В то лето 1993 года Дворцовая площадь испытала очередное в своей истории потрясение. Такое столпотворение случалось только по красным датам в советские времена, когда трудовые коллективы в приказном порядке стройными колоннами уютжили площадный булыжник. Предположить, что сотни тысяч ленинградцев забьют до отказа и красное место Питера, и выходящий на площадь Невский проспект, Миллионную и все прочие улицы и улочки, только чтобы услышать песни Юрия Шевчука и музыку "ДДТ" и потом, когда все уже кончится, еще несколько часов не расходиться... Это был триумф российского рок-н-ролла вообще. Но это еще был потрясающий личный триумф Юрия Шевчука и музыкантов группы "ДДТ". Абсолютно точно, что ни одна иная "коренная" питерская рок-н-ролльная группа просто физически не смогла бы привлечь к себе внимание стольких людей в то время.

Музыканты, по-моему, и сами немножко ошалели. Увидев колышущееся людское море, границы которого скрывались где-то за площадью и оттого со сцены видны не были, "дэдэтэшники" не растерялись, не ступешевались, не испугались... Их растерянность приняла необычную форму: с одной стороны, они всеми силами хотели выложиться перед этим морем лиц, буквально вывернуться наизнанку, и с другой - опасались, как бы что-нибудь не стряслось, не сместилось, не сломалось. Оттого игра музыкантов была если и не безупречной, то уж профессионально выдержанной, впрочем, как и всегда, это точно. Зато волнение Шевчука чувствовалось однозначно. На качестве исполнения композиций это никак не сказалось. Зато в паузах между он был более словоохотлив, чем когда-либо. Если учесть, что Юрий далек от профессионального конференса и прежде чем что-то произнести, ему надо подумать, облакая чувства в слова, то со стороны наблюдалось презабавное зрелище. Шевчук с огромной сцены разговаривал с неохватным колышущимся людским морем будто с одним человеком где-нибудь в коридоре, скажем, рок-клуба. Чем напрочь сбивал величие момента.

(Впрочем, Шевчук всегда таков: любую торжественность он может порушить напрочь, а уж если речь идет о пафосе, тогда обязательно жди с его стороны какой-нибудь "милой шалости". На вручении "Ники" на глазах у многомиллионной аудитории он сломал организаторам весь фрачный кайф, провалившись в теледекорации только потому, что из чувства какого-то внутреннего противоречия вышел к микрофону вовсе не предусмотренным организаторами путем. Мало того, возвращаясь, он провалился еще раз, уже сознательно, напрочь разворотив помпезные телевизионные бутафорские надстройки.)

Шевчука вообще рискованно приглашать на церемонии, где "все в смокингах". Сам для себя он на какой-то момент выбрал как раз трибуну площадей и больших пространств. Масштабные постановки, масштабный звук. Такого высококачественного звука, какого добивалась группа "ДДТ" на своих крупных концертах, в отечестве не было ни у какого другого рок-коллектива, причем это относилось и к гастролям тоже. На серьезных "живых" концертах "ДДТ" всегда звучал чисто, как пластинка. Для озвучки того знаменитого концерта белой ночью на Дворцовой площади Питера аппарат был доставлен, например, из Финляндии. Нечего сказать, концерт вышел эпохальным. Настолько, что на какое-то время явно растерянно приумолкли маститые невские рок-н-рольные корифеи. "ДДТ" прочно вошел в мир живых легенд русского рока. Все так... Но, мне кажется, что есть места, где поэтов и слышат лучше и понимают больше. И происходит это вовсе не на площади. Наташа Шевчук, сестра поэта, как-то призналась:

- Легче я воспринимаю Юру, конечно, не с группой. А просто с гитарой. Мне больше нравится его акустический период. Он приезжал не раз с акустическими песнями в Уфу. Знаю, многим людям они тоже больше нравятся. Не молодым мальчикам, а людям умудренным жизнью. Для них это наиболее понятно. Вообще, это справедливо: когда ничто не отвлекает, тогда то, о чем думает поэт, доносится до людей более точно.

А вот еще один аргумент в пользу шевчуковской камерности - от приятеля поэта самых первых питерских дней. Говорит звукооператор, звукорежиссер, реставратор ранних фонограмм Шевчука Владимир Кузнецов:

- Я долго занимался сбором музыки рокеров - фонограммы от Владивостока до Прибалтики проходили через меня. Решил подобрать акустический альбом. Длилось это долго. Но ничего лучше акустических песен Шевчука не услышал. У Юрки что в электричестве, что в акустике - все цельно. Но всю жизнь буду сожалеть, что не записал его домашний концерт: однокомнатная квартира, он на табуретке, сумерки. Юрка так пел тогда! После 1986 года я часто бывал на его концертах и сольниках тоже, но никогда более подобного не слышал. Грустно, что теперь он так не поет и нет сольной пластинки с тем Шевчуком. Я слышал, как он может. Но не сохранил - не записал... Вот об этом и буду жалеть.

Юрий Шевчук начинался с бардовской песни. Именно она в какой-то момент всколыхнула в миллионах россиян затухающий было интерес к рифмованному слову. Шевчуку суждено было стать исключительным российским бардом, но он сам сделал все, чтобы этого не произошло.

Однако, опять же, поэты не всегда вольны делать что им вздумается...

Конечно, от общения с музыкальной стеной рок-звука что-то сместилось. Но чистоту поэтической линии Шевчук, без сомнения, сохранил. И, без сомнения, счастливы, кто волей судьбы бывал на акустических концертах Юрия.

Мне довелось организовывать два из них. Это было на Русском Севере, в Архангельске и Северодвинске. Эти два города даром что стоят в сорока километрах друг от друга, антагонисты жуткие. В них все сплошное противоречие друг другу. Позволю себе остановиться на этом факте чуть подробнее, и позже поймете, читатель, почему. Северодвинск считают самым большим в мире центром атомного судостроения - подводных лодок за шестьдесят лет своего существования он нашлепал столько, что теперь весь мир думает, как от этого северодвинского старого хлама избавиться. Девяносто процентов северодвинцев работают на стро-

ительстве лодок и представляют собой некую невообразимую человеческую смесь. Инженерный интеллект в приказном порядке доставил сюда еще Сталин из Ленинграда и Свердловска, а чернорабочих на атомного монстра согнали со всего Русского Севера, напрочь опустошив окрестные деревни от мужиков. Все это заперли за специальным шлагбаумом, завезли туда колбасу и деньги, выдали в эту атомную зону спецпропуски и объявили северодвинцев особо значимыми строителями коммунизма. Жизнь в Северодвинске даже в самые трудные времена была сытой и в достатке. И уже которое поколение рабочего класса самого большого в мире атомного центра, всосавшего в свои цеха крестьян окрестных архангельских деревень да украинцев, рванувших на Беломорье за обещанным длинным рублем и сытой жизнью, считало себя людьми особого сорта, выше прочих советских.

Развлечения у них тоже были с особым привкусом. Северодвинцы делали все, чтобы привлечь к себе внимание. Уже в постсоветские времена на молодежных концертах можно было запросто наблюдать, как кто-либо из подвыпивших зрителей забирался на сцену и, скинув штаны, показывал публике голый зад. Артисты даже не прекращали свое выступление. Но это все-таки крайности, а вот сильно выпить перед входом в зал, покидать на сцену бутылок, прервать песню, требуя от артиста немедленно дать автограф, - это запросто. Не все северодвинцы такие, но очень многие. Архангельск - совсем иное. Город с четырехвековой историей, патриархальный, советской властью не обласканный, спокойный и размеренный. Сюда даже революция доползла только в восемнадцатом году. И концертный зритель здесь иной. Может, менее эмоциональный, зато куда более искренний в проявлении своих чувств. Если архангелогородец принес цветы, а артист вел себя высокомерно или откровенно халтурно, эти цветы ему не достанутся, какая бы "звезда" ни стояла на сцене. Северодвинцы недели три раздумывали, когда им пойти в кассу за билетами на встречу с Шевчуком. Архангелогородцы не раздумывали ни часу -уже на следующий день билетов не было. Юрий прилетел в Архангельск через неделю после знаменитого теперь концерта "ДЦТ" на Дворцовой площади. Удивительно, но, пожалуй, впервые два самых антагонистичных северных города были потрясающе похожи друг на друга во время той встречи с поэтом. Не прыгал северодвинский зритель на концертах Юрия Шевчука, не выскакивал из штанов, не тискал рядом сидящих девок, хоть по устоявшейся традиции и "засосал банку", а то и не одну, перед входом в зал. Что-то случилось с северодвинцами, что-то очень хорошее. Северодвинск был на удивление красив в тот летний вечер в зале своего драмтеатра. Он был тем, чем, вероятно, мечтал и мечтает стать всю жизнь, - городом хороших людей, порядочных приличных горожан...

Почти четыре часа шел концерт и в архангельском Доме офицеров. Где-то в середине к сцене тихо подошли несколько совсем еще пацанов:

- Юра, нас там, на улице, за дверьми, много, а билетов нет...

- Ой, пацаны, что ж я могу?..

- Да откройте вы двери и пустите их всех, - слышалось от зрителей, - только не прерывайте песню.

Зал, и так забитый до отказа, готов был еще сжаться, лишь бы мальчишки этого города прикоснулись к звучащему со сцены и лишь бы эта одна песня о нашем, российском, ненароком не прервалась.

Тогда на пару с Вадиком Курылевым он прилетел к нам на Русский Север просто полным летней свежести, добра и чистоты. В той поездке было много хорошего. Можете себе представить восторг матросиков старой забытой подводной лодки, к которым вдруг, без всякого предупреждения, приходит любимейший ими музыкант.

Для молодых ребят экипажа "Золотой рыбки" это было едва ли не самое лучшее, что случилось в их еще не такой пока длинной жизни. Сойдя с подлодки, которая занесена в книгу Гиннеса как самая быстроходная и обозванная американками "ревущей короной", потому как при своей выдающейся скорости издавала невероятный шум, Юра ушел на берег, к морю. Собственно, этот угол воды и морем-то назвать нельзя, просто огромное пространство залива, в который входят на отстой подводные лодки. Беда и в том, что наступило время, когда, отбороздив свое, лодки заходят сюда навечно. "Золотая рыбка" тоже пришла умирать... Атомные подводные лодки умирают трудно. Над атомным телом еще долго хлопочут, создавая видимость жизни. Это сродни бреду, если б реаниматоры вдруг подключили свои аппараты к трупы и поддерживали искусственно функции организма только потому, что родственникам не на что похоронить покойника. На умерших подлодках как бы сохранен экипаж. Но морякам известно, что в море судно не выйдет никогда и командир уже как бы и не командир, а сиделка у любимого тела. Матросики тоже не несут вахту, поскольку давно забили болт на эти жутковатые игры. Гроб он и есть гроб. Мрачноватость этой морской шутки по поводу подлодок обрела в северодвинском заливе некую реальность. Гробница с фараоном - атомным реактором - и немногочисленными насильно удерживаемыми рабами, наблюдающими за сохранностью фараоновой мумии - атомной начинки подлодочного сердца. Вот выйдя из этой гробницы Юра и ушел на берег. И сколько-то времени был там один. И никто не смел к нему подойти.

У меня стойкое ощущение, что у Шевчука вообще характер моря - со всеми бурями, штормами, штилями, резкой сменой погоды и настроений, суровостью, где-то жестокостью, но в то же время и покоем, и умиротворением, и приветливым бризом.

ПРАВДА НА ПРАВДУ

В экстремальных ситуациях нашего поэта по-прежнему выручают лишь два подручных инструмента - голос и гитара. Вообще, следовало бы ожидать, что после таких серьезных творческих и чисто человеческих затрат, коих потребовала программа "Черный пес Петербург", самое время некоему как бы восстановительному периоду. Время передышки.

Но как раз именно в это время начались очередные страшные российские катаклизмы.

Когда это случилось в первый раз, в августе 1991, Шевчука не было в Отечестве. Мама Юры, зная на собственном опыте, что такое лишения, стояла в булочной за хлебом, чтобы насушить сухарей. И страшно волновалась за сына. А сын, вернувшись из-за границы, места себе не находил из-за того, что пропустил такое в истории своего русского народа.

Но судьба скоро все вернула поэту с лихвой. Когда он услышал о грядущей схватке у Белого дома, тут же рванул из Питера в Москву. Кто там был прав, кто виноват - черт его разберет.

Шевчук был одним из немногих творцов, кто не кинулся оголтело орать в защиту какой-либо из расвирепевших сторон.

Шевчук был на баррикадах, видел что творилось у телевидения в Останкино, у Верховного Совета в Белом доме, слышал свист пуль, видел остервенение соотечественников и... молчал. Он молчал всего несколько суток. Потом, когда истерически пострелявшая демократия по истерическому высшему органу своей страны истерически праздновала победу, Шевчук запел так горько, так больно, что всем услышавшим эти стихи сделалось как-то неловко за все происходящее на российской земле, в стране России. Это не преувеличение. Так было.

"Правда на правду,

Вера на икону".

Юрий нашел возможность спеть это публично! Это было на невероятно помпезном московском мероприятии по поводу вручения национальной премии киноискусства "Ника". Присутствовавшие там Женя Мочулов и Сережа Морозов рассказывали о некоем оцепенении в зале, собравшем много всякого народу.

После, в фойе, к поэту подбежал какой-то военный:

- Спасибо, спасибо! Я завтра буду в тюрьме у Руцкого, что ему передать?

- Кому?!

- Да Руцкому же!

Юра замаялся и ответил немного растерянно:

- Ну, передайте привет.

Тут же появился еще кто-то, из лагеря "победителей", со словами упрека:

- Неужели вы за них?! -За кого, "за них"?!!

Ну вот теперь-то, когда столько пережито и уже просвистели пули, вовсе не предназначенные поэту, казалось, самое время хоть на миг перестать искушать судьбу, сделать передышку. Но Шевчук не может успокоиться. Он замахивается на новую программу.

Конечно, после столь монументальной, монолитной, огромной концептуальной программы высокой музыки, коей стала программа "Черный пес Петербург", для сколь-нибудь схожего полотна по замыслу и решению требовалось значительное время. К слову, новая концепция у Шевчука через определенный промежуток

времени оформилась. Сегодня под его именем, под эгидой фирмы "Театр "ДДТ"" проходят многолюдные альтернативные фестивали новой музыки, тем самым как бы сохраняя за северной столицей славу отечественной рок-музыки. Но тогда было еще слишком рано: Шевчук не успел остыть от "Черного пса". Идея была исчерпана, хоть и не до конца вычерпаны возможности.

...В этой книге довольно часто звучит слово "жаль". Так вот, в очередной раз жаль, что Юрий не записал альбом своих уже написанных баллад о трагедии, случившейся с его народом. Возможно, такие вещи, как "Правда на правду", в атмосфере всеобщего истерического лая многим из нас помогли бы обрести душевное равновесие, помогли не быть столь одинокими в своих размышлениях о судьбе своей Родины и своих близких, о нашей так резко изменившейся жизни. Жаль, что не случилось такого альбома и люди собирают эти мысли поэта по разрозненным любительским записям...

На отголосках пережитого еще в период "Пса" были записаны "Белая ночь", "Российское танго", "Белая река".

Все эти вещи хороши сами по себе, но отсутствие объединяющей идеи превратило предполагаемую программу и весь альбом в добротный сборник.

Вообще, нельзя давать альбомам такие двусмысленные названия, как: "Это все..."

Вполне может оказаться пророческим... И кто-то явно не слишком сильно подумал, посоветовав на обложке альбома Шевчуку залезть в замочную скважину. Даже если представить, что это некий Мировой замок и он не пытается заглянуть, а уже влез, обосновался и рассматривает происходящее. Все равно разглядывать Мир в замочную скважину не есть участь поэтов.

Зато журналисты центральных изданий особенно пристально отслеживали участие Шевчука в чеченской войне. Подробно описывали все: от встреч с бойцами российской армии до концерта группы в чеченской столице в первые послевоенные дни. Красочно повествовали, какой наградой было ведро горячей воды и возможность вымыться на передовой линии фронта. Сообщали, что машина с аппаратурой после концерта в Грозном была обстреляна. Не заикались о главном: что заставляет этого поэта постоянно лезть под пули и жалеть, что не был там, где они просвистели без него, как это было после первого московского путча.

Человеку, не бывавшему на войне, невозможно представить, что испытывают бойцы, видя рядом с собой, на линии огня, любимого поэта, музыканта, барда...

Телевизионная картинка показывала какое-то повальное веселье и ликование, но это было бы слишком просто. Конечно, приезды Шевчука на фронт давали парням ощущение, что они не забыты там, на гражданке. И в то же время, думается, вряд ли поэт наивно предполагал, что его присутствие как-то существенно скажется на переломе военных событий. Но для чего-то же он лез под эти пули?! А вдруг поэту уже мало для творчества стимулов из окружающей жизни, нужны потрясения иного порядка?

Но именно после чеченской войны Шевчук вдруг все чаще стал произносить одно слово.

"Мне кажется, что мы наконец доросли до этого слова - "любовь", - заметил Юрий на пресс-конференции, посвященной выходу одноименного альбома. - Теперь я не хочу принимать участие в каких-нибудь акциях "Рок против..." - только "Рок за..." Записывалась "Любовь" не на родине, а за кордоном - в американском штате Массачусетс. По признанию самого Шевчука, половина его группы была против зарубежной работы, но решающим стало слово лидера. Подходящую студию для

"ДДТ" им помогал найти лично продюсер группы "Aerosmith". Из двух предложенных русские гости выбрали для своих опытов ту, что находится в живописных горах: дабы город не отвлекал от дел своими американскими соблазнами. Поскольку в массачусетских "вузах" обучается довольно много молодых людей из России, визит "ДДТ" не остался незамеченным. Но студентов ждало разочарование: их родные заокеанские кумиры не давали концертов.

Вернувшись в Россию, группа снялась в клипе к заглавной песне альбома.

Питерский режиссер Сергей Дебижев сделал роскошную, даже, скорей, помпезную работу, которой, правда, сам Шевчук остался очень доволен. Юрий, между прочим, признавался, что в клипе было реализовано и несколько его идей - например, когда Александрийский столп стартует с Дворцовой площади подобно ракете. Шевчук не скрывал, что этот ролик был довольно дорогим, "но все равно дешевле, чем в Москве".

В конце весны 1996 года Шевчук и "Театр "ДДТ"" бросили все силы на подготовку Первого Петербургского рок-фестиваля. "Ради такого дела мы даже временно бросили пить," - объявил Шевчук. Согласно идее Шевчука, корифеи, участвовавшие в фестивале, должны были представлять кого-то из молодых собратьев по цеху.

После знаменитых фестивалей Ленинградского рок-клуба здесь долго не было ничего подобного (вместо них площадки города оккупировали вялые музыкальные мероприятия под названием "Белые ночи").

Примерно в то же время Шевчук с увлечением отдался еще двум проектам. Он принял участие в выпуске митьковского альбома, посвященного трехсотлетию Российского флота, и спел песню "Напрасно старушка ждет сына домой". А кроме того, Шевчук, может и невольно, наконец сам дал повод для проведения некоей параллели между творчеством своим и Владимира Высоцкого. (От всяких подобных сравнений он всегда с раздражением отмахивался.) Результатом стал вышедший на фирме "DDT Records" сборник "Странные скачки", на котором российские рок-мэтры пели песни Высоцкого. Сам инициатор проекта, разумеется, тоже.

А спустя год, в январе 1998-го, когда отмечалось шестидесятилетие Высоцкого, Шевчук планировался в качестве одного из участников большого "поминального" концерта в Московском спорткомплексе "Олимпийский". Более того, организаторы мероприятия даже объявили о том, что Юрию Юлиановичу будет вручена премия им. Высоцкого.

В ответ они получили из Питера депешу следующего содержания:

"Уважаемый Оргкомитет!

При всем своем уважении к Оргкомитету и учредителям премии, я не имею возможности участвовать в этом мероприятии и, соответствуя своим внутренним убеждениям, не способен получить эту премию. Большое спасибо за приглашение". Несмотря на дипломатичную расплывчатость формулировок, было совершенно очевидно, что Шевчук просто не мог оказаться на одной сцене с представителями весьма не жалуемой им "попсы", которые тоже с удовольствием принялись вдруг петь Высоцкого. Причем, Шевчук опять оказался одинок: другие рокеры, даже куда более экстремальной музыкальной ориентации, спокойно пришли и выступили. И деньги получили. Попросили лишь, чтобы их вырезали из телевизионной трансляции.

Тут некого хвалить или осуждать. Правда на правду, одним словом.

Империя «ДДТ». Последние герои

...Вроде пора и точку ставить. Всего, конечно, не расскажешь, но все же есть еще кое что, без чего рассказ об империи "ДДТ" будет неполным.

"ДДТ", вся группа, вся музыка вся фирма -все, безусловно, вращается вокруг фигуры Шевчука. Но те личности, кои собрал рядом с собой Шевчук, конечно же не могли довольствоваться ролями творческих статистов. И, будьте покойны, не довольствовались. Результаты творческой работы музыкантов всегда слышны. Не видна разве что кропотливость их труда. Интересно, что коллективная работа над замыслами их лидера весьма удачно сосуществует с индивидуальными музыкальными проектами. Причем, мир вовсе не ограничен студией "ДДТ". В одном из клипов проекта "Дубы-колдуны", созданного ребятами без участия Шевчука, была даже задействована весьма популярная московская дама, очень известный политик, в то время депутат Госдумы Ирина Хакамада. Вот это поворот так поворот! Вадим Курылев осуществил свой давний замысел и выпустил альбомы с собственными песнями. Игорь Доценко записался с легендой питерской рок-н-рольной истории Юрием Ильченко... Многие из музыкантов приходили поработать в "ДДТ" временно. Сессионным гитаристом "ДДТ" был Александр Ляпин. К тому времени Саша как-то незаметно и тихо завершил существование своего знаменитого "Теле У", не раз бывал приглашен в качестве гитариста за рубеж. Он уже имел определенные, четко сформировавшиеся взгляды на музыку и, вообще, был сильной музыкальной личностью. Приглашение такого гитариста, конечно же, подразумевало интереснейшую творческую интригу, за которой в течение целого гастрольного сезона и наблюдали зрители со сцены. С Ляпиным записан альбом группы "Я получил эту роль". Его гитара звучала в "Черном псе"...

Несколько нетрадиционным и чисто экспериментаторским было появление в "ДДТ" сугубо джазового человека, джазом воспитанного и обласканного, в джазе и живущего, - Яши Солодкого. Его изыскания, конечно же, не могли полностью органично войти в музыкальную ткань группы, и присутствие Якова на сцене было всегда слегка отстраненным от общего сюжета концерта. Да и сам Яша, приученный околоджазовым миром к несколько иному стилю жизни, надолго здесь не задержался. Тем не менее перкуссия Солодкого звучит в "Актрисе весне" и "Черном псе"... В разное время сессионными музыкантами группы были известный московский музыкант времен юности "Машины времени" Сергей Рыженко, молодой гитарист Артур Овсепян...

Вообще, разных людей словно магнитом тянет в театр "ДДТ". Конечно, участие в творчестве российского поэта, чувство сопричастности к делу высокому многое объясняет и многое дает человеку. Но и сами люди готовы выложиться полностью, быть полезными чем только это возможно. Примечателен в этом плане с виду не очень приметный Саша Бровко. Спокойный, тихий, он способен выполнять любую работу, необходимую "ДДТ", без излишних амбиций. Надо - будет настраивать гитары, потребуется - выйдет играть на сцену на каком угодно инструменте, придется - займется чисто административными делами, а появится необходимость - окажется просто в роли личного шофера лидера группы, что случалось уже не раз...

Встреча с "ДДТ" способна коренным образом и надолго вмешаться в судьбу человека. Удивительна история Сергея Морозова, известного в московских телевизионных кругах. Пожалуй, здесь стоит остановиться немного подробнее,

потому как возможно удастся понять, почувствовать, что ощущают люди - не музыканты, находясь рядом с Шевчуком, рядом с поэтом...

Телевизионная карьера Сережи Морозова начиналась серьезно и просто блестяще. Причем, это был именно не лоск, а блеск. Сын известного драматурга и журналиста Дмитрия Морозова, лауреата Ленинской премии, оставившего после себя порядка тридцати документальных фильмов, Сергей вначале работал ассистентом режиссера с известнейшим политическим обозревателем Александром Каверзневым. После смерти Каверзнева Сергей попал в команду Эдуарда Сагалаева, собравшего группу будущей программы "Мир и молодежь". Именно Сагалаев пригласил Сергея одним из режиссеров этого проекта. Вместе с Александром Политковским он объездил всю страну, был на Северном полюсе, снял там фильм... Потом была передача Центрального телевидения "Двенадцатый этаж". Вся страна с замиранием следила за непозволительными нигде более вольнодумными речами, звучащими там. Сергей в этой программе держал так называемые "плечи" - телемосты. Центральная бригада сидела в Москве, а Сергей мотался по точкам, был режиссером включений. И с "ДДТ" его тоже свело телевидение.

- Это было в день рождения Владимира Семеновича Высоцкого, - вспоминает Морозов, - Я договорился с директором "ДДТ" о записи, заказал студию. Ждем. А у ребят как раз случились гастроли в Воронеже. Ситуация патовая: студия уже ждет целый день, операторы никуда не отпускаются - вдруг появятся. Люди от бездействия волнуются, начинают роптать. Я -к телефону, звоню в молодежную редакцию воронежского телевидения, прошу сообщить, что музыкантов ждут в Москве. Через полчаса мне перезванивает какая-то молоденькая воронежская журналистка и так рыдает, что не может ничего толком объяснить.

Выяснилось следующее. Никита Зайцев с Андреем Васильевым, вероятнее всего, "перебрав" вечером, утром проснулись, подошли к зеркалу и очень не понравились сами себе. В результате шкаф, в который было вмонтировано зеркало был выброшен из гостиничного окна. Но это еще полбеды. В это время (а надо заметить, на дворе еще стоял социализм), мимо проезжал болгарский посол. И шкаф не нашел ничего лучшего, как рухнуть на машину бедного посла, разворотив ей весь капот. Представляешь, что там, в этом Воронеже, началось?! Посла! Болгарского! Шкафом по машине!!! Конечно, до съемок ли тут, пусть даже и в хорошей передаче Центрального телевидения... Не знаю, как уж Жене Мочулову удалось погасить этот международный болгаро-воронежский скандалище, а только через три часа в студии раздался звонок. Он!!!

- Юра, вы где?

- На Рижском вокзале.

- Только не сходите с места, а то потеряемся...

Привозит наш администратор Шевчука и его помощника Нанара. Я:

- Скорее в студию, писаться!

Они, позвякивая содержимым рюкзака:

- Погоди, сначала "вмажем".

Чувствую, грядет мне экзамен. Ну, ладно... Выпили мы тогда серьезно. И... пошли писать интервью! Да еще какое! Юрий сказал мне тогда много хороших, проникновенных вещей. Я еще долго в себя прийти не мог от такого продуманного цельного текста, прозвучавшего из уст основательно напившегося человека. Потом

оказалось все просто: Юра снимался в то время в фильме "Духов день", вот монолог оттуда он мне и выдал...

Главное в этих людях не меняется никогда. Они как один и в то же время абсолютно разные. Любят, не любят, ссорятся но... Такая натуралистическая метафора: если один блюет- другой руки подставляет. Если у того из рук переливается, подставляет третий... Это про "ДДТ". Но "въезжая" в "ДДТ", посмотри внимательно: как бы тебе "не обрубил" твою предыдущую жизнь. Это рубикон какой-то... Смешно смотреть на телевизионщиков и журналистов, приходящих к Шевчуку со словами: "Мы хотим вас снять". Я смотрю и вижу, что они просто в параллельном мире...

Сергей Морозов снял фильм "Старая дорога" о "ДДТ" и сделал передачу о концерте группы в Кремле. К тому же, самые эмоциональные фрагменты телеверсии "Черного пса", выполненной АТВ, тоже сняты Сергеем Морозовым. Человеком, которому встреча с "ДДТ" оборвала так удачно начавшуюся телевизионную карьеру. Но скажи об этом Сергею, он, похоже, даже не сразу поймет, о чем речь...

...Принято считать, что в нынешнем "ДДТ" нет никого из Уфы. Не совсем так. Один все-таки есть. Владимир Дворник. Пожалуй, из всех, кто сегодня имеет отношение к "ДДТ", только Владимир Дворник может назвать себя другом Шевчука еще с юности. Ни с кем другим Шевчук не поддерживает творческо-дружеские отношения так долго. Уже одно это обстоятельство не позволяет просто вскользь упомянуть о Дворнике.

У этой дружбы очень тонкие, но прочные временные и творческие корни. Владимир - художник. Об этом разве что самый ленивый не прочтет на обложках пластинок, кассет, компакт-дисков "ДДТ". Шевчук тоже художник. Правда, они оба несколько изменили чистоте искусства живописца. Юрий заложил себя поэзии и музыке, а Володя ныне больше внимания отдает дизайну и оформительскому искусству. Однако мало кто из непосвященных догадывается, что изначально этих двух людей связывала в Уфе музыка.

Внимательный читатель, должно быть, еще не забыл об упоминавшемся Рустеме Асамбаеве, музыканте того, первого, уфимского состава "ДДТ". Так вот, именно с басистом Владимиром Дворником и барабанщиком Евгением Чистяковым Рустем Асамбаев играл в первом в Уфе рок-н-рольном трио. С них начался в Башкирии рок-н-ролл, и именно их трио ходил слушать школьник Юра Шевчук. Он был помладше. Правда, разница в возрасте в пару-тройку лет сейчас выглядит смешной, тогда же казалась просто космической. Поскольку именно три эти года вместили в себя и матрасные "клеши" с широкими поясами, и первые гитары с крышечками от тюбиков зубной пасты "Поморин" вместо ручек настройки... Все это происходило в семидесятых. Прошло лет десять, не меньше, прежде чем они познакомились.

Владимир занимался рисованием профессионально - это давало уже средства к существованию - работал в художественном фонде, тогда высшей профессиональной инстанции Союза художников. Юрий заканчивал отделение худграфа местного института. Рассказывает Владимир Дворник:

- У Юры была творческая мастерская - комнатка около "худграфа", чем-то напоминающая питерскую. Старый дом, коммуналка, узкая комната, этакий пенальчик. Диван, две табуретки. Кое-как размещался холст. Обязательно гитара. Там постоянно собиралась куча ребят. Компания была разношерстной, но без гопников. Наши дружеские отношения как раз и завязались в этот пирогово-чайно-

дымно-струйный период. Мы жили какими-то совсем другими градусами, портвейн у нас был совсем иной. Мы сидели ночами и говорили, говорили... Ночами можно говорить о чем угодно. Больше о музыке, о жизни. Ну и о Пикассо тоже. Эти сборища не напоминали большевистские сходки, их трудно было назвать диссидентскими. Мы не были тогда ни на кого злы. Задачи были совсем другого плана, более духовные, высокие что ли... Много говорили о литературе - Юра тогда много читал. Люди собирались разные: Развеев-диссидент, Сигачев - философ... Может, я и был по возрасту старше Юрки, но интеллектуально он был выше, все более глубоко духовное шло ко мне от него. Когда Юра завершил диплом, собирались уже у меня дома. Юра тогда пошел работать в школу. Такой сельский учитель. С портфельчиком. В штормовочке. По утрам: топ-топ-топ на электричку и ехал нести луч света в луковое царство полей и огородов. Он честно отработал все, что положено. Потом, когда уже создалась группа, попытался устроиться в Уфе, пошел преподавать в уфимское училище... И тут началась вся эта газетная чехарда. Пресса о "ДДТ" была просто криминальной. Когда лаяли на "Машину времени", то это происходило где-то далеко, в Москве. А тут в тихой Уфе, под боком, с твоим товарищем... Газета "Ленинец" со статьей и подписями у меня сохранилась. Музыканты писали: "Нет музыки". Философы: "Это порнография!"(?) Когда задумали выпускать "Я получил эту роль", я привез первый эскиз: логотип "ДДТ" на фоне той самой газеты. Но потом решили, что это ход из серии "сам дурак!".

А тогда донос на уровне приговора все расставил по местам. Много всяких примазавшихся трусов отвалилось. Народишко понемногу расслоился и откололся. Юра начал выезжать посмотреть мир. В Питере уже был рок-клуб. В Москве вовсю шли подпольные концерты. Появилась возможность выходить за рамки кухни, ванной, мастерской с собственной пачкой сигарет. Любому художнику это необходимо. Я ему жутко завидовал! Можно, конечно, просидеть всю жизнь в деревне. У Юры другой путь...

Питер для себя я открыл через Юру. Я приехал к нему. Юра все время говорил: - Приезжай, здесь все только начинается. Я и приехал. Я видел каким меняющимся он возвращался из Питера. Стал мужать. Начал интенсивно работать. Такой голодный и злой до работы. Приедет в Уфу на два три дня: родителей повидать, поест и скорее обратно. Все время торопился. Он как раз написал тогда "Церковь без крестов". В рок-клубе готовились к просмотру программы "ДДТ". Юра очень гордился музыкантами своей группы. Первое выступление в рок-клубе сразу расставило все по местам. Зима. Январь. Мороз. Юра поет, зал слушает.

СЛУШАЛИ СЛОВО. А потом вышла "Алиса". Там просто был рев, никто ничего не слышит. Нормальный такой рев. Так я познакомился с рок-тусовкой. Живого Гребенщикова увидел, потрогал его - е-мое!..

Потом, когда началось оформление пластинки "Я получил эту роль", я услышал от Юры:

- Ты меня знаешь, знаешь что я хочу. Вот и действуй.

Так я тоже стал ездить сюда. И до сих пор езжу. Месяц дома, три - тут. Как вахтовик. Между Питером и Уфой...

Как он пишет? Трудно сказать... Перед Седьмым фестивалем Питерского рок-клуба Юра писал "Предчувствие гражданской войны". В то время он снимал квартиру у Алины Алонсо. Собственно с этой квартиры и началось мое знакомство с Питером.

Коммуналки, колодцы, дворцы. Мы с Юрой долго гуляли, он все показывал: "Смотри как тут! Культура!.."

...Писать можно было только ночью. Днем все время ходили какие-то люди, мы все вместе подолгу сидели на кухне, говорили, говорили. Бесконечно. У Алины был такой закуток за ванной, я в нем жил. Дворницей называется: раскладушка, матрац, стул. Весна, май, белые ночи. Я не привык еще к белым ночам. Только начинаю засыпать, Юра просыпается и что-то там на табурете, пером по бумаге: шур-шур-шур... А тихо, слышно все. Потом затихает. Раскладушка поскрипела-поскрипела, и снова - писать. На следующий день ему надо было уже выступать. Музыка существовала, он текст доводил. В ту ночь была доведена эта песня. В комнате нас было двое: я на матраце и Юра на раскладушке. Он вскакивал и писал на скрипящем табурете. А я слушал все эти шорохи...

С тех пор я постоянно живу в Питере. Нельзя сказать, что у нас с ним много общего. Мы очень разные люди. Но... у нас Бог один, что ли... Он нас объединяет. Этот Бог - искусство, которое мы любим. Мы можем любить разных художников, разных поэтов. Я могу любить холодное, он - горячее. Но сам драйв, подход к вещам одинаков, разве что проявляется в разной степени. Как говорят в таких случаях, мы братья не по крови, а братья по разуму. И даже по духу. Один подход к проблеме. Общее ощущение запаха.

Мы друзья. Сдружились семьями, когда Эльмира была жива и здорова, часто ходили друг к другу в гости. Мы любим друг друга, хоть и ни разу в этом не признались...

А теперь я расскажу про самый светлый эпизод наших отношений. Про поездку в Свердловск. Когда определенное лирическое расположение духа, мы вспоминаем об этом путешествии. Очень спонтанном и очень романтическом. Может это и объяснит почему я нахожусь здесь, в Петербурге... Юра вернулся в Уфу с какой-то питерской тусовки или фестиваля, где познакомился с музыкантами "Урфин Джюса" и других свердловских групп. В то время он был уже достаточно популярен, имел собственный магнитоальбом "Периферия". Его пригласили в Свердловск. Просто так. А он такой - все бы только куда-нибудь ехать, узнавать. В тот раз все решилось элементарно: я просто заглянул к нему и услышал предложение:

- Поехали-ка дня на три, а то и на недельку в Свердловск. Меня приглашали ребята, посмотрим как там музыканты живут.

Дома я наплел жене что-то про "шабашку" -тогда этот способ зарабатывания денег был весьма расхожим. Собрался, взял одежду. Шмотки при выходе спрятал за батареею да не очень удачно -жена нашла и все раскусила... Купили на вокзале бутылку "Гавана-клуб", сели в последний, общий, вагон и отправились.

Поезд идет медленно. Посматриваем в окно. Народ разглядываем. Покуриваем. Потихонечку попиваем... Уже под утро. Светает. Поезд остановился. И замер. Стоит, стоит... Кто его знает, зачем стоит... И такая погода! И Уральские горы. С одной стороны огромная красивая скала. С другой -бережок. И речка горная журчит. И заросли какой-то буйной травы, кустов...

- А давай искупаемся?!

- Бежим!

Горит красный светофор. Весь вагон спит -только храп стоит. Такая тишина! И душно- лето... Вылезли, искупались. Проводницы:

- Что это вы надумали? -Да вот жарко...

Ушла спать. Еще искупались. Юра:

- Давай что-нибудь придумаем? Цветов всем нарвем...

Нарвали мы охапки травы, каких-то цветов, всего-всего. Вагон спал. На каждый столик принесли по охапке цветов. Весь вагон застелили травой, лопухами. И такой аромат трав наполнил все! Прежде-то понятно чем пахло... Сели. Еще выпили. Поезд потихоньку тронулся. Завалились на свои боковые полки, уснули.

Проснулись когда уже подъезжали к Свердловску. Народ вокруг ничего понять не может: засыпали как обычно, а проснулись все в цветах, трава под ногами. Все недоуменно: "Откуда взялось?"

Вот так было. Осыпали мы всех цветами. Кто нюхал, кто на пол стряхивал...

В Свердловске мы позвонили Илье Кормильцеву. Он нам указал к какой лавочке отойти и какую газетку в руку взять - прямо детективная встреча. Сам полненький такой, розовощекий, чистенький... Жили у оператора "Урфин Джюса" в старой сталинской квартире, в комнате среди динамиков и проводов. Ночью проснешься, на диод наступишь - колется. Больно... С Сашей Пантыкиным долго говорили о том, что наболело, о жизни. Выпивали... Слава Бутусов и Дима Умецкий были еще в самом начале своей дороги. С ними говорили об уральском роке и уральской рок-тусовке... Группа "Трек", где пела Настя Полева... Егор Белкин... Мы многих тогда узнали. Саша Пантыкин по ночам сторожил в училище. Как-то пригласил туда. Стол. Гитары. Полно народу. Все поют, весело! Такие рок-н-рольные подпольщики. Нам было хорошо уже оттого, что кто-то еще этим занимается. И все тогда были одинаковыми, все стояли на одной ступени.

Мне было пора "возвращаться с шабашки" в Уфу, к семье. А Юра остался в Свердловске на все лето - у него с Егором Белкиным появился совместный проект. А вскоре у него началась по-серьезному питерская жизнь...

Теперь о работе. В оформлении обложек альбомов Юра является генератором идеи. Я воплощаю ее графически. Для альбома "Я получил эту роль" были разные варианты: "ДДТ" на фоне газеты со статьей "Менестрель с чужого голоса"; просто черный конверт; просто Юра без бороды. А он без бороды совсем другой человек. Получилась фотография а-ля Джон Леннон...

- Да ну, не катит. Надо чтоб от руки было написано, чтоб драйв такой... с кровью! Со шрифтом пришлось особенно повозиться. Первоначальные эскизы тоже не были банальными, но как бы... для другой группы, другой музыки. Долго с Юрой об этом говорили. Не как вправо или влево передвинуть, а в общем, что должно получиться. Я уехал в Уфу и на одном дыхании тут же сделал эскиз. Его сразу же приняли. Только Юра сказал:

- Да посади ты кляксу!

Посадил... Ее потом еще долго "привязывать" пришлось... Обложка пошла в печать. А до того для альбома заводские спецы такие вензеля вырисовывали! Я даже видел вариант: саксофон с бантиком!

... Оформлял сцену - делал большое панно для программы "Предчувствие гражданской войны" в СКК. Было предположение о выпуске такого же альбома... На заднике нарисовано окно, такое, как раньше в деревенских домах, покосившееся, с крестообразной рамой. Стекло разбито в углу. Крест из грубых досок на гвоздях, весь расшатан. Наличник флажочком таким, как кремлевский гребень... Было это окошечко размером восемь на одиннадцать метров! Огромное такое окнище. Графическое, черно-белое. Помню, директор дворца с какими-то людьми в штатском все допытывался:

- Почему кремлевский забор? Что это значит?

Было придумано такое начало концерта: гаснет свет, отсчет метронома и... звон разбитого стекла. Вот - перестройка. Вот - окно в Европу. С Кремлем. С "курицами". Со всем этим...

Юра очень ответственно относится ко всему в оформлении, к мельчайшим деталям. Для Юры они играют определенную роль. Нет, это вовсе не крючкотворство, а именно внимание к нюансам. Все нюансы мы тщательно обговариваем. Работать трудно: Юра художник и я художник. У меня одна творческая концепция: пластическая, чисто графическая. У него же другая. Мы рассматриваем много вариантов, все время ищем компромисс. Юра постоянный генератор идей. Ничего не оставляет без внимания, как лидеры других групп, типа: музыканты пишут музыку, художники рисуют - ну и ладно... В, "ДДТ" так не бывает. Почему у группы, к примеру, мало плакатов? Потому что мы в принципе еще не решили, какой плакат нам необходим...

Работа над "Черным псом" была многогранна. Впервые было решено все: графические заставки, майки, футболки к туру, оформление кассет, пластинок, компакт-дисков в одном стиле. У Юры в тот момент оказалось особенно много забот и он сказал:

- Думай сам.

Я опять рванул в Уфу. Засел в мастерской. Появилась масса вариантов с собаками. Однако все выходило как-то в лоб. Черный пес Петербург - это все-таки не просто черная собака с надписью "Петербург"... Отталкивался от песен. Сделал шрифтовой вариант для маек. Особо удачным фрагментом оказалась буква "ё". У нее две точки как два глаза, два зрачка. На обложке альбома просто надпись. А на развороте цветной слайд музыкантов

группы. Хорошо, хоть лица, наконец-то появились... Конечно, удачей был образ, найденный Сережей Брокком. Сережу никто специально не придумывал, он сам пришел. Высоченный такой человек. Наш старый знакомый. Хороший парень. Коренной питерец. Очень умный. Просто ходячая энциклопедия. Пьет, конечно, зараза... много. Но это не страшно. Вот сам по себе колоритный, Сережа придумал весь образ и предложил группе. Вначале и всерьез не отнеслись: ну пусть ходит, коль хочет... Хоть при деле, а то сидит тут, на Пушкинской, называя себя художником-неформалом, хоть вовсе не умеет рисовать... Нашел собаку. Связался с моряками - подобрал форму (ботинки или сапоги его размера еще поискать надо!). Вначале просто был этакой ходячей рекламой. Шутка вышла классная. В фильм вошла... Во всех четырех городах, где шел тур, Брок находил себе на улице черных собак и бродил. Живой человек-реклама...

Многим запомнилось оформление альбома "Актриса Весна" и соответствующих футболок. Идея оформления Юрина. Эльмира тоже рисовала, у нее были перьевые рисунки, их еще называют рисунками на полях. Она была очень романтической девчонкой... Юра и предложил выполнить оформление альбома в виде детского рисунка. Очень точно получилось...

Издавались какие-то разные значки, футболки с мелкими эмблемками. Но Юра не очень-то любит весь этот фетиш...

Сегодня все творческие проблемы, планы, заботы Владимира Дворника целиком и полностью связаны с "ДДТ". Это уже и его жизнь и его судьба тоже.

Последняя живая легенда "ДДТ" - первый питерский директор группы Гена Зайцев. Едва ли не самый старый и самый известный ленинградский хиппи. Гена Зайцев не

то что участник и свидетель подпольных сейшенов при советской власти. Он лично и есть тот самый знаменитый питерский андеграунд, его олицетворение и символ разом, если такое, конечно, возможно. Появление Шевчука в его судьбе сказалось совершенно невероятным образом: мир ленинградского андеграунда, питерское рок-подполье в результате придумали специально для Гены особую и, казалось бы, абсурдную, но очень точную кличку "хиппи-бюрократ". Кто бы мог представить, что вечно длинноволосый, абсолютно бессеребренник Гена Зайцев станет просто монстром по выколачиванию денег для музыкантов родного "ДДТ" и даже придумает для этого особо изощренную систему выкачивания денег с рок-публики во время концертов. Жестокость и жесткость этой системы по отношению к зрителю, организаторам и прочим не шла ни в какое сравнение с цепкой хваткой прежних акул шоу-бизнеса. Попсовики во времена Гены -директора "ДДТ" - хиппи-бюрократа просто отдыхали. Нововведения директора группы Юрия Шевчука на целый сезон просто повергли в транс всех, кто имел отношение к рок-концертам. И музыканты тоже были весьма изумлены - к роковикам впервые потекли живые и, причем, далеко не символические деньги. Творчество роковиков начали серьезно оплачивать. Это об экономической рок-революции в рок-мире, устроенной директором "ДДТ" Геной Зайцевым, единственным российским хиппи-бюрократом. Об остальном лучше расскажут сами ребята.

Джимми:

- Гена - это отдельная книга. Это очень авторитетный, тусовочный такой питерский хиппи. В свое время он плотно занимался музыкой "Россиян", был их человеком. Тогда существовала практика среди хиппи Советского Союза пересылать друг другу в разные города новые рок - записи. Особенно отечественных групп - их тогда и было-то раз - два и обчелся. Я послал Генке "Свинью на радуге". Правда, в начале у "ДДТ" вообще не было названий для альбомов. Первое Юра придумал для "Периферии". Он так и назывался: "ДДТ-4. Периферия". А прежние просто по номерам: 1,2,3... Среди советских хиппи было принято присылать друг другу не просто пленки - коробки магнитных лент оформлялись. Так было принято... Вот я как-то сидел на работе и от безделья нарисовал пустую коробку, чтоб не посылать Генке пустую коробку с пленкой "Свинья на радуге". Эта обложка была сделана для одного человека - питерского Гены Зайцева, а попала... в рок-энциклопедию! Ужас, такую кустарщину выдавать за обложку альбома "ДДТ"! На Западе я бы в суд подал. На самом деле первая настоящая обложка была выполнена для альбома ""ДДТ" + "Рок-сентябрь"" в Череповце... Гене музыка "ДДТ" пришлась. Он просто влюбился в нее.

Так ему стал известен Шевчук. И когда Юра приехал в Питер, они познакомились, началось долгое время настоящего творчества. Гена и Юра стали не просто хорошими знакомыми - Зайцев стал первым директором "ДДТ". Хотя вначале директором должен был стать я. Но у меня нет претензий к Гене, он сделал для группы очень много. Гена подошел на роль директора группы. Он любил рок-н-ролл. Любил "ДДТ". Знал все подводные течения в Ленинградском рок - клубе. И был на удивление педантичен. Составлял просто немыслимые по тем временам контракты. Интересы группы он защищал рьяно и даже зло. На фестивале в рок - клубе потребовал, чтобы "ДДТ", тогда еще вовсе не лидирующая группа, закрывала фестивальны концерты. Такое позволялось только мэтрам и корифеям питерского рока. Но Гена был уверен, что "ДДТ" лучше всех, круче всех, и

добился: группа закрывала концерты! Таким напором он нарушал некие принятые почти дипломатические правила в питерской рок - среде, но, вероятно, знал что делал. Игорь Доценко:

- На фестивале мы работали последними. Его закрывал "Аквариум", а мы шли перед ним. Не знаю, как так вышло, возможно, действительно Генкины происки. Он был жутким фаном "ДДТ", для него никого больше просто не существовало. Только "ДДТ" - остальные все на порядок ниже! Причем, Гена отстаивал все это с присущей ему прямоотой, мол, что бы ни говорили, все - дерьмо и только ДДТ" - праздник. Остальные - так, самоделки. Гена был по-настоящему преданным человеком и очень честным относительно всего, что касалось денег. Правда, внутри команды в то время крутились не такие уж большие деньги, но каждая копейка, которую мы заработали, была учтена. Если кто-то брал пять рублей, будьте уверены - об этом имелась соответствующая запись. Муха не проскользнет! Не то что рубль - копейку лишнюю без Генкиного ведома не потратишь.

Помню, как мы собирались работать во Дворце спорта. Генка спрашивает:

- Сколько у вас мест? Четыре тысячи? Значит за концерт по рублю с места. Четыре тысячи.

Я и не знал, что он эту систему "по рублю с места" придумал сам. Думал, что так происходит по сговору с директорами "Алисы", "Аквариума"... Молодец, Генка, хорошие были деньги.

Об этой истории вспоминают многие. Собственно с нее, с этой простой схемы и началось экономическое процветание отечественных рок - групп. Несмотря на всю простоту, схема первого директора "ДДТ" была уникальна по многим параметрам. Она приносила хорошие деньги за концерты музыкантам и в то же время не была непомерной для организаторов и, соответственно, грабительской для зрителя - все было прозрачно и легко просчитывалось. В результате концерты никому не были в экономическом плане в тягость. И отчасти именно поэтому их было так много.

С тех пор все изменилось. Нынешних директоров вовсе не интересует, сколько мест в зале, их интересует определенная весьма кругленькая сумма, причем у рок - знаменитостей, таких как команда Бориса Гребенщикова, она зашкаливает, значительно перекрывая аппетиты так часто ругаемой рокерами попсы. Но ни в Москве и ни в Санкт-Петербурге тысячные залы за большие деньги на рок-музыку (не только БГ) не собираются, потому рок - концертов по России "кот наплакал". Нет, вовсе не телеящик виноват в снижении спроса на творческие встречи с рок - музыкантами. Генки Зайцева на них не хватает. А точнее того времени и той жизни, где рок-звезды были уже не бедны, но страшно популярны. Теперь они состоятельны, но произошло с ними то же, что и с поэзией Александра Сергеевича Пушкина - имя знают все, кое-какие строчки - некоторые, целиком стихотворение - лишь избранные.

Джимми:

- Поначалу все смеялись, а потом приняли Генкину систему на вооружение. Гена вообще много что предвидел. Было время, когда питерские рок - музыканты сильно радовались приезду всяких иностранцев и предложению поиграть за границей. Подписывались какие-то немисливо-кабальные, как потом оказалось, контракты. "ДДТ" предложила подписать такой контракт фирма "Турбо". Суть его никто не понимал, музыканты были еще неискушенны и очень доверчивы. Но Гена уперся:

не подпишу и все тут! Юра его уговаривал: "Клевые же ребята!". Гена ни в какую: "Контракт грабительский. Не подпишу ни за что".

Потом уже Юра признался: "Как только Гена понял, что контракт грабительский?" Но все-таки он очень специфический человек, чтобы долго быть директором такого коллектива, как "ДДТ". Был такой эпизод. Сидим бурным рок-н-рольным кругом: Славка Бутусов, Миша Борзыкин, Дима Умецкий, Андрюха Макаров. Выпиваем, конечно. Звонит Айзеншпис:

- "ДДТ" поедет на "Интершанс"?

- А деньги?

- Мы не платим.

- Тогда десять одноместных люксов! - Да, конечно...

- И еще для подружек группы! Пауза, потом Гена снова:

- Ты хочешь, чтоб мы приехали? Водка есть? - Да...

- Садись сейчас в "Красную стрелу" и в восемь утра ты уже здесь!

Я говорю Генке:

- Море водки на столе, зачем тебе еще?

- Но к утру-то кончится...

Потом случилось совсем занятное: никаких не то что люксов, даже номеров в гостинице не дали. Тогда Гена снял с Айзеншписа... неустойку! Там вообще никто никаких денег не получил, а Гена сумел выбить необходимое. Группа же обиделась: "Мы что, после концерта должны на улице ночевать?" Гена отвечает: "За такие деньги я лично и на улице переночую!"

Свой взгляд, хиппи же... И потом, Гена все время бился за какой-то старый вариант "Россиян" времен Ордановского. Юра же к чужому мнению прислушивается редко - у него свой взгляд, свое предназначение... Жизнь они Генке, конечно, поломали изрядно. Когда он встретился с "ДДТ", был уже взрослым человеком - родился-то в 1954 году. И до этого времени рюмки в рот не брал. А как начал работать с группой - запил. Пил страшно: накатят пятьдесят граммов - и все, остановиться не может, несколько дней хлещет. В результате из "ДДТ" его высадили...

Продолжает Игорь Доценко:

- Ушел он не совсем хорошо ни с нашей, ни с его стороны. Он уехал в Америку в сложный для группы момент. У него давно лежало приглашение, и пора было ехать, и очень хотел... Он и отправился, оставив нам много финансовых проблем. Надо было "безнал" переводить в "нал" и так далее. А никто из ребят этим никогда не занимался. Так нашелся Мастер. Он провернул эту финансовую операцию удачно для команды. И стал директором. Тем более что на Генку все были злы: уехал, оставив группу без наличных денег. А когда Гена вернулся, было уже поздно: Мастер имел свои административные каналы, приглашения на концерты сыпались как горох...

Джимми:

- Гена в Америке нашел людей, которые брались доказать, что контракт с фирмачами, заключенный "ДДТ", липовый. Суть: якобы представители фирмы "CBS" приехали в Ленинград и предложили на собрании в Ленрокклубе подписать контракт о сотрудничестве. По нему музыканты много чего обязаны. Но, главное, когда концерты за границей - половина выручки - этой фирме. А если все пойдет хорошо, то фирма даст студию и инструменты для записи пластинки. Но вовсе не обязательно. Юра эту "филькину грамоту" подписал вместе с другими музыкантами. В результате долго никто не устраивал концерты им в Европе,

потому как половину выручки пришлось бы отдать этим фирмачам. Гена оказался в Америке в момент, когда рос интерес к нам в связи с перестройкой. Ему предложили помощь в расторжении контракта и заключении другого с надежной фирмой. Гена вернулся в СССР с этим предложением, пришел на репетицию и понял, что его... убрали. Там уже был Володя по кличке Мастер. (Так его окрестили потому что он хорошо делал гитары. Сейчас работает на фирме "Фендер" - прим. авт.) Для Генки это оказалось серьезным ударом. Человек он верный. Ему многие предлагали подобную работу, но он от всего отказался. Жизнь дала трещину. Разрушилась семья - жена не вынесла алкогольного периода. Генка, конечно, упрям: может сесть и не встать, пока не заплатишь. Но не дипломат. Стоять царем перед организаторами концертов и тут же тащить термосы с чаем и бутерброды на сцену... Потому он и не в "ДДТ". Этот человек очень неоднозначный, необычный, неожиданный. И много сделавший для рок - музыкантов вообще и для "ДДТ" в частности.

Даже директора у "ДДТ" были личностями особенными, незаурядными. Ни хиппи Гена Зайцев, ни гитарных дел Володя Мастер уже давно не директорствуют ни в "ДДТ", ни в какой иной группе. Мастер выехал с "ДДТ" на гастроли в Америку да так там и остался. С Генкой Зайцевым мы не один вечер встречались в его питерской коммуналке неподалеку от бывшего Ленрокклуба. Все это и для того, и для другого уже в прошлом. Время многое стирает, особенно плохое. Отношения у Гены и музыкантов "ДДТ" ныне самые теплые. Гена даже открыл магазинчик, в котором продается все, что связано с творчеством "ДДТ".

Нынешний директорский корпус театра "ДДТ" внушительен. Это целая корпорация по управлению солидной империей. Руководит ею Евгений Мочулов. Тот, кто с первых шагов питерской истории "ДДТ" был рядом с Юрием Шевчуком. Он не забывает, что долгое время был музыкантом "Россиян". Но административные достижения, несомненно, внушительнее. "ДДТ" имеет собственную студию, самостоятельно издает все свои альбомы на всех видах звуконосителей под собственным лейблом, проводит гигантские туры группы и мощные фестивали музыки в Санкт-Петербурге, организует концерты на больших площадях и огромных открытых площадках. И много чего другого. Ныне "ДДТ" - это целая империя. И в рок-музыке вряд ли есть империя более организованная, более слаженно работающая.

В 1997 году Шевчуку исполнилось сорок лет. По сравнению с Миком Джаггером - мало. По сравнению с Есениным - много.

ДИСКОГРАФИЯ:

"ДДТ-1"

Записано в 1981 г. в Уфе, никогда не издавалось.

1. Черное солнце; 2. Инопланетянин; 3. Север; 4. Любовь в мире есть; 5. Все идет своим чередом; 6. Работал долго я, и вот...; 7. Дождь; 8. Не стреляй!

Все песни - Ю.Шевчук. Юрий Шевчук - вокал; Рустем Асанбаев - гитара; Владимир Сигачев - клавишные; Геннадий Родин - бас-гитара; Сергей Пастернаков - ударные.

«СВИНЬЯ НА РАДУГЕ»

Записано в 1982 г. в Уфе, планируется к изданию в 1998 году на DDT Records. (При издании альбома возможна трансформация названий песен.)

1. Мой лучший день настал (Везет с утра); 2. Черное солнце; 3. Не стреляй! 4. Безжизненный край; 5. Кинозвездный блюз; 6. Инопланетянин; 7. Рыба; 8. Плохая игра; 9. Вечер; 10. Беззвездная ночь; 11. Неудачник; 12. Дождь; 13. Работал долго я, и вот...; 14. Свинья на радуге; 15. За 50 копеек полтора часа; 16. Все идет своим чередом.

Все песни - Ю. Шевчук, кроме 5,7 - В. Сигачев. Ю.Шевчук - вокал; Р.Асанбаев - гитара; В. Сигачев - клавишные; Г. Родин - бас-гитара; Рустем Каримов - ударные.

"КОМПРОМИСС"

Записано 13-16 января 1983 г. в Череповце, CD 1997 DDT Records.

1. Компромисс; 2. Они играют жесткий рок (монолог в Сайгоне); 3. Привет М... ; 4. Башкирский мед; 5. Три черные кошки; 6. Все хорошо; 7. Демон; 8. Живу в назойливом мире; 9. Не стреляй!

Все песни - Ю. Шевчук, кроме: 7 - В. Сигачев, 3 и 5 - В. Сигачев / Ю. Шевчук. Ю. Шевчук - гитара, вокал; В.Сигачев - клавишные; Вячеслав Кобрин - гитара; Андрей Маслекииков - бас-гитара, вокал; Евгений Белозеров - ударные.

«ПЕРИФЕРИЯ»

Записано в 1984 г. в Уфе, LP 1992 "Эрио", CD 1996 DDT Records.

1. Мы из Уфы; 2. Наполним небо добротой; 3. Понедельник; 4. Памятник (Пушкину); 5. Хиппаны; 6. Я получил эту роль; 7. Периферия; 8. Частушки.

Все песни - Ю. Шевчук. Ю. Шевчук - вокал, гитара; Сергей Рудой - ударные, декламация; Рустем Ризванов - лидер-гитара; Геннадий Родин - бас-гитара; Владислав Синчилло - клавишные.

«ВРЕМЯ»

Записано в 1985 г. в Москве, CD 1997 DDT Records.

1. Иван Иванович умер; 2. Псалом; 3. Поэт; 4. Песня одохлой собаке; 5. Дом; 6. Монолог в ванной; 7. Мальчики-мажоры; 8. Время; 9. Дорожная; 10. Ни шагу назад.

Все песни - Ю. Шевчук, кроме 2 - музыка В. Сигачева, слова - народные. Ю. Шевчук - вокал, акустическая гитара; В. Сигачев - клавишные; Сергей Рудой - ритм-бокс, бонги; Нияз Абдюшев - бас-гитара; Сергей Летов - саксофон; Сергей Рыженко - скрипка.

"Я ПОЛУЧИЛ ЭТУ РОЛЬ"

Записано в 1988 г. в Ленинграде, LP 1989 "Мелодия", CD 1994 DDT Records.

1. Поэт; 2. Мальчики-мажоры; 3. Конвейер; 4. Не стреляй! 5. Церковь; 6. Террорист; 7. Революция; 8. Я получил эту роль; 9. Хиппаны; 10. Ни шагу назад.

Все песни - Ю. Шевчук. Ю. Шевчук - вокал, гитара; Андрей Муратов - клавишные; Никита Зайцев - гитара; Андрей Васильев - вокал, гитара; Александр Ляпин - гитара; Вадим Курылев - бас-гитара, вокал, флейта; Игорь Доценко - ударные, вокал, перкуссия; Михаил Чернов - саксофон.

«ОТТЕПЕЛЬ»

Записано в 1989-90 гг. в Ленинграде, LP 1991 SNC Records, CD 1993 DDT Records.

1. Милиционер в рок-клубе; 2. Пост-интеллигент; 3. Конвейер, или Брейкдэнс по-русски; 4. Мама, я любера люблю; 5. Большая женщина; 6. Обдолбанный Вася; 7. Мальчик-слепой; 8. Церковь; 9. Суббота; 10. Ленинград.

Все песни - Ю. Шевчук. Ю. Шевчук - вокал, акустическая гитара; Н. Зайцев - гитара, скрипка; А. Васильев - гитара, концеранс; В. Курылев - бас-гитара, флейта, гармоника, вокал; А. Муратов - рояль, аккордеон; М. Чернов - саксофон; И. Доценко - ударные.

«ПЛАСТУН»

Записано в 1991 г. в Москве, CD 1995 DDT Records.

1. Дороги; 2. Пластун; 3. Предчувствие гражданской войны; 4. Ветры; 5. Победа; 6. Перестроище; 7. Змей Петров; 8. Актриса Весна.

Все песни - Ю. Шевчук. Ю. Шевчук - вокал, гитара;

А. Васильев - электро и акустическая гитара, крик; Н. Зайцев - скрипка; И. Доценко - ударные, вокал; В. Курылев - бас-гитара, акустическая гитара, вокал; А. Муратов - клавишные, вокал; М. Чернов - саксофон, флейта; А. Бровко - акустическая гитара; Э. Шамова - вокализ (4).

"АКТРИСА ВЕСНА"

Записано в 1992 г. в Санкт-Петербурге, CD 1992 DDT Records.

1. Дождь; 2. В последнюю осень; 3. Фома; 4. Родина; 5. У тебя есть сын; 6. Храм; 7. Что такое осень; 8. Ночь; 9. Актриса Весна.

Все песни - Ю. Шевчук. Ю. Шевчук - вокал, акустическая гитара; А. Бровко - гитара, губная гармошка, мандолина; А. Васильев - гитара, вокал; И. Доценко - барабаны;

В. Курылев - бас, вокал, акустическая гитара; А. Муратов - клавишные, вокал; Рустем Ризванов - гитара; М. Чернов - саксофоны, флейта; Игорь Тихомиров - бас (1); Александр Беренсон - труба (6); Яков Солодкий - перкуссия.

"ЧЕРНЫЙ ПЕС ПЕТЕРБУРГ"

Записано на концерте в Москве в 1993 г., CD 1993 DDT

Records. **CD1:**

1. Пролог; 2. Новые блокадники; 3. Стух; 4. Храм; 5. Беда; 6. Ты не один; 7. Я остановил время; 8. В это; 9. Пост-интеллигент; 10. Террорист. CD 2:

1. Черный пес Петербург; 2. Дождь; 3. Осень; 4. В последнюю осень; 5. Что такое осень; 6. Я зажег в церквях все свечи; 7. Суббота; 8. Ленинград; 9. Родина; 10. Рождественская.

Все песни - Ю. Шевчук. Ю. Шевчук - вокал, акустическая гитара; А. Васильев - гитара; В.

Курышев - бас-гитара; И. Доценко - ударные; М. Чернов - саксофон, флейта;

А. Муратов - клавишные; А. Ляпин - гитара; Дмитрий Ев-домаха - перкуссия.

«ЭТО ВСЕ...»

Записано в 1995 г. в Санкт-Петербурге, CD 1995 DDT Records.

1. Глазища; 2. Ветер; 3. Четыре окна; 4. Белая ночь; 5. Российское танго; 6. Агидель (Белая река);
7. Жизнь на месте; 8. Это все...
Все песни - Ю. Шевчук. Ю. Шевчук - вокал, акустическая гитара; И. Доценко - ударные; А.
Васильев - гитара;
В. Курылев - бас-гитара; А. Бровко - акустическая гитара; А. Овсепян - гитара; М. Чернов - бас-
кларнет; С. Рыженко - клавишные, скрипка; Н. Зайцев - скрипка.

«ЛЮБОВЬ»

Записано в 1996 г. в США, CD 1996 DDT Records.

1. Полная луна; 2. Железнодорожник; 3. Я у вас; 4. Вороны; 5. Далеко-далеко; 6. Любовь; 7.
Фонограммщик; 8. Онанист; 9. Сказка.
Все песни - Ю. Шевчук, кроме 8 - музыка народная. Ю. Шевчук - вокал, акустическая гитара; В.
Курылев - гитары, бас; И. Доценко - барабаны, перкуссия; А. Васильев - гитара; И. Тихомиров -
бас (2,4,9); Д. Галицкий - клавишные.

"РОЖДЕННЫЙ В СССР"

Записано в 1994 г. на концерте в Минске и в 1997 г. в Санкт-Петербурге, CD 1997 DDT Records.

1. Уровни; 2. Духи; 3. Апокалипсис; 4. Правда на правду; 5. На небе вороны; 6. Блок как'т голлоув;
7. Гляди пешком; 8. Мертвый город. Рождество; 9. Рожденный в СССР; 10. Пацаны.
Все песни - Ю. Шевчук. Состав, записавший номера 1-7: Ю. Шевчук - вокал, акустическая гитара;
И. Доценко - барабаны; В. Курылев - бас, блокфлейта; А. Васильев - гитара; М. Чернов - саксофон,
флейта; А. Бровко - мандолина; С. Рыженко - клавишные, скрипка; А. Овсепян - гитара. Состав,
записавший номера 8-10: Ю. Шевчук - вокал, акустическая гитара; В. Курылев - гитара, бас; И.
Доценко - барабаны; К. Шумайлов - клавиши (8).

Автор хочет выразить признательность всем тем, кто настоял на рождении этой книги: Игорю Добронравову, Белле и Юре Пацевич, моим сестрам Наташе и Лене, моей тетушке Ане, Сереже Букину, Павлу и Марине Поздеевым, Леше Новикову, Андрею Горбунову, Алексею Белякову, Виктору Троегубову и Михаилу Оразову.

А также Юрию Шевчуку, Алексею Болотину и Евгению Мочулову - за крепкую брань в мой адрес по поводу первой книги о "ДДТ", в которой, однако, нет ни одной моей личной строчки о группе, поскольку вся книга состоит из расшифровок многочисленных интервью.

Впрочем, я уверен: Юрий, Алексей и Евгений будут на чем свет ругать меня и за эту книгу.

Наверное, есть за что. Но третьей, уверяю, уже не случится...

В книге использованы фотографии Константина Пылаева, Юрия Чашкина, Сергея Бабенко, Дмитрия Лебедева, Анатолия Азанова, Олега Беликова, Игоря Ивандикова, а также из личных архивов друзей и соратников Юрия Шевчука.

Издательство "Вагриус" и фирма "Мороз-видео" с удовольствием извещают о том, что в этом году будет выпущено трехтомное издание "Легенды русского рока". Это своеобразная рок-энциклопедия или, если угодно, история развития жанра с начала и до сегодняшнего дня, написанная на примере самых ярких его представителей.

В первом томе фигурируют следующие персонажи: "Машина времени", "Воскресенье", "Аквариум", "Високосное лето", "Автограф", "Зоопарк", "УрфинДжюс", "ДДТ", Александр Градский.

Николай Харитонов

ИМПЕРИЯ ДДТ

Редактор *С. Роспунова*

Корректор *Н. Осипова*

Технический редактор *И.Белый*

Издательская лицензия № 071429 от 17 апреля 1997 года. Подписано в печать 15.04.98. формат 84 х 108/32.

Гарнитура Тайме. Печать высокая.

Учетных листов 6,61. Печатных листов 5,5.

Тираж 20000. Изд. № 11. Заказ № 1151.

Издательство «Вагриус» ЛР № 101053 от 04.04.97 г.

Издательство "Политбюро" 109369, Москва, Новочеркасский б-р, 47

e-mail: patarum@mail.i-connect.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГМП «Первая Образцовая типография»

Государственного комитета Российской Федерации по печати.

113054, Москва, Валовая, 28.